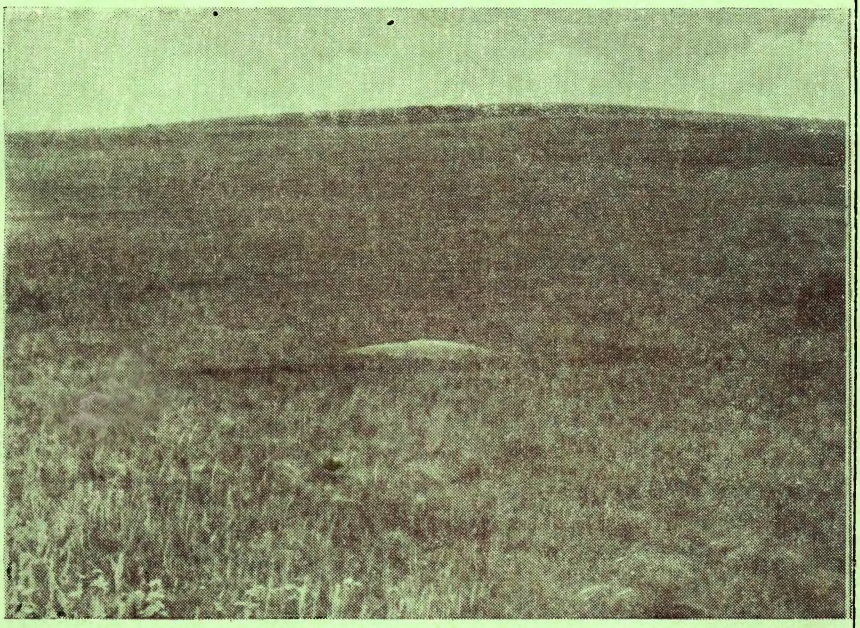
С. В. КИРИКОВ

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА СТЕПНОЙ ЗОНЫ



ИЗДАТЕЛЬСТВО •НАУКА•

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ПРОБЛЕМАМ БИОСФЕРЫ
ИНСТИТУТ ГЕОГРАФИИ

С. В. КИРИКОВ

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА СТЕПНОЙ ЗОНЫ

конец X — середина XIX в

(ЕВРОПЕЙСКАЯ ЧАСТЬ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1983

УДК 574.9

Кириков С. В. **Человек и природа степной зоны. Конец X—середина XIX в.** М.: Наука, 1983.

В книге освещается вопрос о том, как изменялась природа степной зоны Европейской части СССР в связи с историей и бытом населявших ее народов с конца X до середины XIX в.

Наибольшее внимание уделено особенностям воздействия человека на растительность и население высших позвоночных в разные исторические периоды.

Табл. 7. Ил. 9. Библиогр. 181 назв.

Ответственный редактор

доктор биологических наук

профессор

Ю. А. ИСАКОВ

К $\frac{2001050000\text{-}430}{042(02)\text{-}83}$ 251-83 - III

© Издательство «Наука», 1983 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга написана по тому же плану, как и опубликованная ранее монография «Человек и природа восточно-европейской лесостепи» [1979]. Основное внимание уделено трем вопросам: 1) Как изменялись судьба и быт народов, населявших степную зону Европейской части СССР [1], с конца X до середины XIX в. 2) Как эти изменения отражались на естественных угодьях (главным образом на степях и лесах). 3) Как изменялись в это историческое время распространение и численность животных (главным образом промысловых и охотничьих зверей и птиц) в зависимости от изменения мест их обитания и от непосредственного истребления их людьми.

Попутно в связи с рассмотрением изменений, происходивших в естественных угодьях и в населении животных, были тщательно собраны сведения о резких отклонениях от обычного хода климатических явлений.

Судьба народов, населявших степную зону, их численность и основные занятия во многом различались в разные периоды рассматриваемого времени, т. е. с конца X до середины XIX в. Состояние природной среды, окружавшей людей, в сильной степени зависело от их истории. Поэтому следует выделить такие отрезки времени в истории человека, которые были бы и периодами истории природной среды. Такие периоды можно назвать историко-экологическими.

Первым из них был период, длившийся от конца X до конца XV в. Политическая история народов, населявших в это время степную зону, была очень бурной. Войны между кочевыми народами (печенегами, торками, половцами) были обычным явлением, так же как и набеги кочевников на оседлое земледельческое население, жившее к северу от степной зоны.

Однако бурные политические события, происходившие в этот период, крайне мало отразились на быте народов, населявших степную зону. Печенеги, половцы, золотоордынцы, крымские татары и ногайцы вели кочевой или полукочевой образ жизни. Основным занятием их в мирное время было скотоводство. Существенное значение имела также охота на копытного и пушного зверя. Земледелие же было крайне слабо развито, и пашни занимали незначительную площадь. Степная целина составляла большую часть степной зоны.

Воздействие кочевников на степи заключалось главным образом в том, что они выпасали в них скот. Выпас был умеренным и не влек за собой скотосбоя. Был еще один способ воздействия

[1] В дальнейшем всюду, где говорится о степной зоне, речь идет не о всей степной зоне Советского Союза, а лишь о той части ее, которая простирается от низовий Дуная до р. Урал.

кочевников на степи — выжигание. В особенно больших размерах степные палы производились во время войн.

Степное приволье с разбросанными среди них зарослями степных кустарников, суходольными и приречными лесами давало приют множеству промысловых и охотничьих животных.

Второй период обнимает XVI в. Преобладающая часть степной зоны находилась по-прежнему во владении кочевых и полукочевых народов, но могущество их пошатнулось.

В конце XIV—начале XV в. из Золотой Орды выделилась Ногайская орда, которая в 50-х годах XVI в. распалась на несколько частей. Множество ногайцев погибло во время междоусобных войн, а также от эпидемий и голода, вызванного мором скота.

В конце XV в. Золотая Орда распалась на ряд ханств (Крымское, Казанское, Астраханское и др.). Большую роль стало играть Крымское ханство, осуществлявшее опустошительные набеги на земли Великого княжества Литовского, Польши и Московского государства, грабеж и захват пленных для продажи их на невольничьих рынках. Но уже кое-где продвинулось в степную зону Московское государство, и образовались большие казачьи общины в степном Поднепровье, на Дону, по Яику и в Предкавказье.

Основным занятием ногайцев и крымских татар в мирное время продолжало оставаться скотоводство. Казакам, хотя они и вели оседлый образ жизни, приходилось почти всегда быть на военном положении. Главными занятиями запорожских и донских казаков в мирное время было разведение скота на зимовниках, охота и рыболовство, у яицких казаков рыболовство имело наибольшее значение. Земледелие же как у татар и ногайцев, так и у казаков имело небольшое значение и занимало незначительную площадь. Степная зона и в этот период была больше всего зоной травянистых степей и степных кустарников, и скотосбой еще не обнаруживался. Степи же, где кочевали ногайцы, стали более малолюдными, чем в XV в. Лес вырубался главным образом на зимовках кочевников и у казачьих зимовников на отопление и для устройства убежищ для скота. Он там частично возобновлялся.

Наиболее ценные виды зверя подвергались, по-видимому, большему воздействию человека, чем степи и леса. И все же даже такие крупные и наиболее интенсивно преследуемые человеком животные, как зубр и дикая лошадь, все еще встречались стадами в некоторых местах степного Причерноморья и Подонья.

Отдельным периодом следует считать и XVII в. Освободительная война украинского народа 1648—1654 гг. и последовавшие за нею войны между Польшей, Россией и Турцией с ее вассалами привели к значительным изменениям в границах государств. К концу XVII в. левобережное степное Поднепровье и запорожские земли правобережья вошли во владения России.

Значительно увеличилось в этом столетии и русское население степного Подонья, Предкавказья и Волго-Уральского междуречья. На эти земли бежали главным образом старообрядцы и уцелевшие участники стрелецких восстаний.

С 70-х гг. XVII в. хлебопашество стало приобретать довольно большое значение у русского населения степного Подонья, особенно по нижнему течению Хопра и его притокам. В конце XVII в. возле зимовников стали сеять хлеб и запорожские казаки. Земледелие приобрело бóльшее значение, чем раньше, и у крымских татар, в самом Крыму: в состав их обычной пищи входили пшено, ячменная и гречневая крупа [Боплан, 1901].

Все же значительно бóльшая часть степной зоны была занята не оседлыми, а кочевыми и полукочевыми народами. Их численность значительно возросла за счет калмыков, нахлынувших в 1630 г. в степи, расположенные к западу от р. Яик (Урал)

В занятиях ногайцев, калмыков, азовских и крымских татар, живших за пределами горного и предгорного Крыма, преобладало скотоводство.

Поэтому, хотя площадь пашни и увеличилась по сравнению с XVI в., все же площадь степной целины в несколько раз превышала площадь всех остальных угодий.

В связи с увеличением численности оседлого населения лес в XVII в. подвергался более усиленным рубкам, чем раньше, особенно по Дону, Хопру и его притокам. Здесь строились корабли и струги, предназначавшиеся для Азовского похода Петра I.

Ухудшились условия существования наиболее крупного и ценного зверя, стало заметным сокращение его численности и распространения в степной зоне.

Самый решительный перелом в истории народов степной зоны произошел в следующем периоде, длившемся с начала XVIII до середины XIX в. На всем протяжении от низовьев Дуная до р. Урал степная зона перешла во владения Российской империи.

Переход черноморского и азовского степного побережья и степного Предкавказья во владения России повлек за собой быстрое заселéние этих территорий украинцами и русскими. Численность же кочевых и полукочевых народов сильно уменьшилась. Множество ногайцев откочевало из пределов России или погибло в войнах и мятежах. Значительный урон понесли крымские татары: частью они погибли в войнах России с Турцией, частью переселились в пределы Османской империи.

В связи с такими изменениями в численности населения изменялась и природа степной зоны. К середине XIX в. площадь распаханных степей во много раз была больше, чем в конце XVII в. «Дикое поле», как звали степное Причерноморье в середине XVII в., превращалось в распаханное поле.

Интенсивное развитие овцеводства не менее быстро превращало целинные степи в скотосбой. Можно сказать, что овцы съедали степь и превращали ее в сусличьи пастбища.

Быстро сводились и леса, тем более что их было искони мало в степной зоне, особенно в ее южной половине.

В связи с этими изменениями в характере угодий и усилением промысла наиболее ценных животных некоторые из них были истреблены нацело, другие оказались под угрозой истребления

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КОНЕЦ X—XV в.

В первой половине этого периода, до монголо-татарского нашествия, в степной зоне шла упорная борьба между населявшими ее народами. Вследствие войн границы их владений сильно изменялись.

При Святославе I во владения древнерусского государства входили некоторые земли степного Причерноморья и степного Подонья с Белой Вежей (Саркелом). Границы этих земель точно не определены. В древнерусское государство входила также часть степного Предкавказья с центром в г. Тмутаракань.

После смерти Святослава I, к концу X в., под натиском кочевников древнерусское государство потеряло большую часть владений в степной зоне. Тмутараканское княжество однако продержалось до конца XI в. При Мстиславе — сыне Владимира I, после того как он победил своего брата Ярослава, Тмутаракань приобрела такое большое значение, что соперничала с Киевом [Vernadsky, 1959]. После смерти Мстислава, не оставившего наследников, значение Тмутаракани резко упало. Однако ее связь с южными владениями древнерусского государства сохранялась весь XI в. Тмутаракань была захвачена кочевниками в самом конце XI или в начале XII в., когда ими же была взята и разрушена Белая Вежа.

Из кочевых народов, с которыми древнерусскому государству пришлось вести войны в X—XII вв., наиболее длительная борьба шла с печенегами и половцами. Византийский император Константин Багрянородный в своем сочинении «О народах», составленном в 949 г., писал, что печенеги жили по соседству с «россами» и граничили с ними. Когда они были в ссоре между собой, то печенеги совершали набеги на южную окраину Древней Руси и опустошали ее. При Святославе I, Владимире I и Ярославе Мудром печенеги не раз подступали к Киеву и держали его в осаде. В последний раз они осадили Киев в 1034 г. Печенеги были разбиты войском Ярослава. Печенегов в это время теснили с востока торки и половцы. Под их натиском печенеги отошли в степи между Днестром и Дунаем.

В 1055 г. у границ Древней Руси появились половцы. Вскоре они напали на нее. Борьба с половцами велась вплоть до монголо-татарского нашествия. По подсчету П. Голубовского [1884], с 1061 по 1210 г. было 46 крупных половецких набегов, не считая тех, в которых половцы грабили, истребляли и уводили в плен и продавали в рабство древнерусское население по призыву того или иного князя во время междоусобных войн.

Война с половцами шла с переменным успехом. При Владимире Мономахе они были оттеснены от границ Киевской Руси и один из половецких ханов (Отрок) откочевал в степное Предкавказье. Однако в 1170 г. князь Мстислав Изяславич говорил на съезде русских князей, что половцы «уже у нас Греческий путь изъотимають, и Солоный, и Залозный» [Ипатьевская летопись, 1908, с. 538]. Эти пути играли большую роль в торговых сношениях древнерусского государства с Византией и другими государствами и народами.

В 1202 г. князь волынский и галичский Роман Мстиславич совершил успешный поход на половцев, освободил многих древнерусских пленников, взял в плен множество половцев и расширил древнерусские владения в степной зоне.

Не успела закончиться борьба между древнерусским населением и половцами, как нагрянул Батый. Завоевав восточноевропейские степи и лесостепи, он положил начало государству, получившему название Золотой Орды.

Наибольшего могущества это государство достигло при хане Узбеке, который правил Золотой Ордой в 1313—1342 гг. По мнению Ибн-Батуты, посетившего Золотую Орду в 1334 г., Узбек был одним из семи самых могущественных правителей мира. После Узбек-хана могущество Золотой Орды стало постепенно сходить на нет. Одной из причин этого были частые смуты (в наших летописях они назывались «замятнями»), так в 1360—1380 гг. у власти попеременно находились 25 ханов [Якубовский, 1950].

В сильной степени содействовал упадку Золотой Орды двукратный разгром ее Тимуром (в 1391 и 1395 гг.). Особенно пострадали ее города. Столица (Сарай-Берке) была разгромлена и сожжена, разрушены и разгромлены были также Хаджи-Тархан (Астрахань) и Азов.

В то время как Золотая Орда клонилась к упадку, нарастала мощь Московского государства и Великого княжества Литовского [1], боровшихся с ней. Еще в 1363 г. Ольгерд, великий князь литовский, разбил войска Золотой Орды и вышел к Черному морю. В конце XIV в. Великое княжество Литовское построило на побережье Черного моря крепость Очаков и гавань Хаджи-бей (нынешняя Одесса). Еще в начале XV в. через эту гавань отправлялась пшеница из Великого княжества Литовского в Константинополь [Соловьев, 4, 1960].

В середине XV в. из Золотой Орды выделилось Крымское ханство, ставшее вассалом Турции. Вассальная зависимость от Турции придала ему некоторую прочность и силу. Отколовшись от Орды, оно стало ее ожесточенным врагом, а к концу XV в. и в самом начале XVI в. в союзе с Москвой добило Золотую Орду.

При монголо-татарском нашествии множество половцев — самого многочисленного из народов, населявших степную зону

[1] Великое княжество Литовское владело тогда почти всей территорией Украины и Белоруссии в их современных границах.

Восточной Европы, — было убито. Уцелевшие же половцы или покорились завоевателям, или ушли в другие страны. Котян — зять Даниила Галицкого, ушел с подвластными ему половцами в Венгрию, другие ушли на Балканы, а некоторые добрались даже до Египта [Голубовский, 1884]

Все же половцы, оставшиеся на родных землях, вместе с другими тюркскими народами, пришедшими с полчищами Батыя, составляли большинство населения Золотой Орды и преобладали над монголами. С течением времени потомки монголов усваивали язык и культуру тюркоязычных народов и ассимилировались с ними. Поэтому в русских летописях и монголы и тюркоязычные народы, жившие в Золотой Орде, назывались татарами.

Одно из монгольских племен — мангуты или мангыты — долго сохраняло племенное единство, но не удержало монгольского языка. Во второй половине XV в. мангуты утратили прежнее название и стали называться ногайцами [Якубовский, 1950].

Эти сведения о судьбах народов, населявших степную зону в этот период, показывают, что ее землями владели преимущественно кочевые и полукочевые народы.

Каковы же были основные занятия этих народов в мирное время? Исторические источники согласно указывают на то, что у всех них самым важным занятием было разведение скота.

Печенеги при этом разводили скот не только для собственных нужд, но и на продажу. Известно, например, что печенеги продавали множество скота жителям Древней Руси.

У половцев, так же как и у печенегов, главным занятием в мирное время было скотоводство. Они разводили лошадей, рогатый скот, овец и верблюдов.

О том, что основным занятием населения во времена Батыя было кочевое скотоводство, сообщали папские послы Плано Карпини и Рубрук. Плано Карпини проехал в 1246 г. через всю бывшую половецкую землю (он называл ее «страной команов») По описанию Карпини она представляла собой сплошную равнину, по ней протекали четыре большие реки, в бассейне Волги кочевал сам Батый, его приближенные кочевали возле Днепра, Дона, в степях по Яику [Карпини, 1911].

Рубрук, путешествовавший в 1253 г., сообщил, что монголо-татары, занявшие степную зону Восточной Европы, не имели там постоянных жилищ. Каждый из золотоордынских начальников знал границы своих пастбищ; знал, где скот должен был пастись зимою, летом, весною и осенью. Зимою они спускались к югу, летом поднимались к северу. В местах, удобных для пастбища, но лишенных воды, пасли скот зимой, когда снег заменял воду.

По сведениям, собранным египетским послом Эломари, при Узбек-хане, в период расцвета Золотой Орды, большую часть его подданных составляли обитатели шатров, которые жили в степях и разводили скот. Еда их состояла преимущественно из мяса лошадей, овец и коров, а также из мяса диких копытных, кроме мяса в их пищу входили молоко, сало и пшено.

После разгрома Золотой Орды Тимуром в ее населении еще больше стали преобладать кочевники-скотоводы. Разведение скота было преобладающим занятием золотоордынцев до конца XV в. Оно преобладало также у ногайцев и крымских татар. Время от времени скотоводство страдало от эпизоотий и джутов. В 1371 г., например, в Золотой Орде был великий мор на лошадей, коров и овец, а в 1396 г. «мор силен на люди и на скоты» был в приморских частях Золотой Орды [Татищев, ч. 4, 1784, с 380].

Помимо скотоводства, довольно важное значение имела охота

О том, что у половцев были очень опытные охотники, известно из Ипатьевской летописи. В 1097 г. князь Давид привлек половцев к походу на угров (мадьяр). В полночь половчанин Боняк отъехал от войска и стал выть по-волчьи. Ему отозвался один волк, а затем стали выть многие другие. Умение подвывать по-волчьи было важно для кочевников-скотоводов при устройстве охоты на этих хищников.

По сообщениям Рубрука и Эломари золотоордынцы значительную часть своего пропитания добывали охотой. Время от времени устраивались крупные облавные охоты. Окружали местность, где находились копытные и другие охотничьи звери, постепенно сужали круг, а затем стрелами убивали животных, находившихся внутри него.

Характер облавной охоты менялся в зависимости от площади облавной территории и от того, какую долю в ней занимали степи, леса и горы. В 1301 г. персидский хан Газан, возвращавшийся с войсками, приказал устроить облавную охоту по пути от Дербента к Талышу. Среди гор были установлены две сходившиеся клином изгороди так, чтобы в широкой части клина было около одного дня пути. В тупике, которым заканчивался клин, было устроено подобие загона из бревен и жердей. После этого диких зверей гнали внутрь изгороди. Среди них были горные буйволы, дикие ослы и козы, медведи, волки, шакалы, лисицы. Их гнали до тех пор, пока они не собрались в загоне. Хан восседал на помосте, построенном в середине загона, и любовался зверями. Часть их перебили, а часть отпустили на волю [Рашид-ад-дин, III, 1957 с. 193]

Венецианец И. Барбаро, приехавший в Азов в 1436 г. и пробывший там до 1452 г., описал небольшую облавную охоту в окрестностях Азова. Около 100 загонщиков были расставлены на небольшом расстоянии один от другого. Им было приказано двигаться вперед и выгонять диких зверей. Их поджидали конные и пешие охотники с собаками и ловчими птицами. Когда звери показывались, охотники спускали на зверей собак, а на пернатую дичь — ловчих птиц [Барбаро, 1836].

Охота занимала почетное место у золотоордынских и крымских правителей. В ярлыках, выданных ханами Золотой Орды, упоминались пардусники и барсники, волчари и сокольники. В русских письменных источниках пардусниками и барсниками названы лица, ведавшие охотой с гепардами.

Не вполне ясно, чем занимались волчари. Вероятно, в их обязанность входила организация облавных охот на волков, наносивших большой ущерб стадам скота.

Охота с ловчими птицами была широко распространена среди жителей степной зоны Восточной Европы. Особенно увлекалась ею золотоордынская и крымская знать. Крымские правители неустанно напоминали московским князьям, чтобы они присылали ловчих птиц. В 1498 г. Менгли-Гирей писал Ивану III, чтобы он прислал «6 кречетов, один бы лебеди ловил, да два высокие соколы и с сокольником прислал бы еси; наших бы сокольников научив, поехал» [Памятники дипломатических сношений..., т. 1, 1884, с. 267].

В быту кочевников, живших у рек и моря, существенное значение имело, по-видимому, и рыболовство. Об этом можно судить по тому, что половецкий хан Сарчак, оставшийся в Подонье после разгрома половцев Владимиром Мономахом, «рыбою оживши» [Ипатьевская летопись, 1908]. (По-видимому, после разгрома половцев в племени этого хана осталось мало скота).

Земледелие же у кочевых народов, населявших в этот период степную зону Восточной Европы, если и было, то в самых малых размерах. При удачных походах на половцев древнерусские воины захватывали у них вежи с разным достатком и скот, но в описании этих походов нигде не упоминалось о том, чтобы в половецкой земле встречались посевы или ометы с убранным хлебом. Очень мало посевов было и в Золотой Орде; сеяли преимущественно просо, реже — пшеницу и ячмень [Тизенгаузен, I, 1884].

О занятиях древнерусского населения, жившего в это время кое-где в степях между Дунаем и Доном, имеются очень скудные и отрывочные сведения. При раскопках Саркела в русском слое были обнаружены косы и серпы и зерна пшеницы, ячменя, ржи и льна [Артамонов, 1958, с. 66]. Эти находки свидетельствуют о том, что древнерусское население занималось земледелием в степном Подонье. В этом же слое было обнаружено множество костей домашнего скота и диких копытных. Следовательно, в конце X и XI вв., когда Саркел принадлежал русским, их основным занятием были разведение скота и охота.

Исходя из того, что мы знаем о составе населения степной зоны и о его главных занятиях, можно с полной уверенностью утверждать, что эта зона была занята целинной степью и ковыли ее почти нигде еще не раздирал плуг.

Скотоводство было главным занятием жителей степной зоны, но выпас скота был умеренным и поэтому не мог превратить степь в скотосбой. (Время от времени множество скота истреблялось во время войн и набегов, а также гибло от моров и джута). Умеренный выпас скота, вероятно, благоприятно влиял на состояние степной травянистой растительности, как бы омолаживая ее и препятствуя образованию мощной бурьянистой растительности.

В этот период, помимо выпаса скота, воздействие человека на травянистые степи и степные кустарники заключалось в том,

что жители степной зоны нередко выжигали их. Степные палы иногда захватывали большие территории. Известно, например, что в 1395 г., препятствуя продвижению войска Тимура, черкесы выжгли степи между Азовом и Кубанью. В течение 7—8 дней кони и другой скот бедствовали от бескормицы и много скота погибло [Шереф-ад-дин-Йезди, 1941, с. 130].

В степном приволье с разбросанными среди него зарослями степных кустарников и суходольных и пойменных лесов могло жить множество зверей и птиц, но достоверные сведения о том, какие именно виды этих животных водились и добывались в этот период, очень скудны. При раскопках в Саркеле, располагавшемся на северной окраине степной зоны, в русском слое обнаружены кости тех диких животных, на которых усердно охотился человек [Артамонов, 1958]. Наиболее обычными были костные остатки сайгака — животного, типичного для полупустыни и степной зоны, лося, жизнь которого тесно связана с лесом, и благородного оленя, для которого наиболее благоприятно сочетание степей с лесом и лугом. Были найдены также кости бобра и выдры — наиболее ценных пушных зверей, водившихся по рекам и речкам степной зоны. Во время путешествия Рубрука множество степных сурков водилось и добывалось на землях Золотой Орды [Рубрук, 1911]. О «бесчисленном множестве» благородных оленей и других зверей в окрестностях Азова во время передвижения татар упоминал Барбаро.

У крымских ханов были особые пардусники. Это дает основание предположить, что на землях Крымского ханства были обычны дикие копытные, на которых охотились с гепардами. Этих зверей крымские ханы, может быть, получали из Закавказья и Ирана, где гепарды были нередки в начале XIV в., когда там правил хан Газан. Для его охоты подданным полагалось в течение года доставлять 300 гепардов и около одной тысячи ловчих птиц [Рашид-ад-дин, III, 1957, с. 316].

ГЛАВА ВТОРАЯ

XVI в.

Население и его занятия

В первой половине XVI в. степная зона Восточной Европы находилась во владении нескольких государств. Степное Причерноморье от нижнего течения Дуная до низовьев Днепра было во владении Османской империи и ее вассалов. Ей же принадлежали земли в низовьях Дона с г. Азов и в низовьях Кубани с городами Тамань и Темрюк. Большая часть этой территории принадлежала самому крупному турецкому вассалу — Крымскому ханству.

Степные земли, лежавшие к северу от черноморских владений Османской империи и Крымского ханства и располагавшиеся по среднему течению Буга, Ингулу и Ингульцу и по правобережью Днепра к югу от Кизыл-Керменя, входили во владения Великого княжества Литовского. Ему принадлежали также земли между реками Ворскла и Самара на левобережье Днепра.

Московское государство владело очень небольшим участком степного Подонья по верхнему течению Северского Донца и по левобережью Оскола.

Низовьями Волги владели ногайцы и Астраханское ханство. Ногайцы владели и степным Волго-Уральским междуречьем [1]

Одним из наиболее важных политических событий первой половины XVI в., сильно повлиявшим на судьбу народов степной зоны, было то, что в начале этого века объединенными усилиями Московского государства и Крымского ханства была добита Золотая Орда. Вскоре после этого союз Москвы и Крыма стал распадаться, под конец жизни Менгли-Гирея распался совсем, и крымские татары стали нападать на Московское государство, могущество которого неуклонно возрастало.

Во второй половине XVI в. рухнула мощь Большой Ногайской орды. Особенно ясно ее упадок проявился в 50-х гг. XVI в., когда шла ожесточенная междоусобная война двух ногайских группировок. Во главе одной из них стоял князь Юсуп, а во главе второй князь Исмаил, которого поддерживал Иван Грозный. В ноябре 1557 г. Исмаил писал Грозному: «Годы уже три и четыре в войне пребывая, животов у нас не осталося... И ты много кун [2] к нам пришли. И как подворье свео учиню неподвижно, и потом учну Крыма воевати...» В конце декабря того же, 1557 г. Исмаил

[1] См. карту «Русское государство и его соседи в конце XV — первой половине XVI века» в книге «Очерки истории СССР Конец XV—начало XVI в.» [1955].

[2] Кун — денег.

опять писал Грозному: «Сево году ни животов, ни лошадей, ни одежи у нас не осталось... Голод у нас» [Продолжение Древней российской вивлиофики, 9, 1793, с. 297—298, 302—303].

Московский посол так характеризовал положение в Большой Ногайской орде: «ногаи, государь, изводятся... Голодны небычайно и пеши ногаи; много с голоду людей мрет... Земля, государь, их пропала» [Перетяткович, 1877, с. 277].

То же самое сообщал и путешественник Дженкинсон. По его словам, к 1558 г. множество ногайцев погибло в междоусобной войне, а также от голода, чумы и других эпидемических болезней. Стали пусты ногайские земли [Дженкинсон, 1937].

В результате междоусобной войны Большая Ногайская орда распалась на несколько орд. Одной из них была Малая Ногайская орда, обосновавшаяся между нижним течением Дона, Манычем и Кабардой и находившаяся в тесной дружбе с Крымом. По словам крымского хана Давлет-Гирея, Казыев Улус (другое название Малой Ногайской орды), как каменная стена, ограждал Крым и Азов [Новосельский, 1948]

В конце 50-х гг. часть ногайцев во главе с шестью братьями («Шейхмамаевы дети») откололась от князя Исмаила и ушла на Яик. Исмаил отогнал их оттуда, и эти ногайцы ушли еще дальше на восток, к Эмбе [Сафаргалиев, 1949], и стали называться джембуйлуками [Бутков, 1869].

Большая же часть ногайцев осталась в Большой Ногайской орде. Основные владения ее располагались в степях и полупустынях правобережного степного Поволжья и Волго-Уральского междуречья.

После смерти князя Исмаила Большая Ногайская орда перестала подчиняться Москве и снова стала ее врагом, но прежней силы у нее уже не было. К тому же в конце 80-х и 90-х гг. происходили ожесточенные военные столкновения Большой Ногайской орды с Крымом и Малой Ногайской ордой [Новосельский, 1948].

Раздоры среди ногайцев и столкновения Большой Ногайской орды с Крымом помогли Ивану Грозному овладеть Астраханью и укрепиться в дельте Волги. Закрепляя положение в Нижнем Поволжье и предупреждая попытки Большой Ногайской орды проникнуть на земли, принадлежавшие ранее Казанскому ханству, Московское правительство построило в 1586 г. Самару, в 1582 г — Царицын и в 1590 г. — Саратов [Новосельский, 1948].

В 50-х гг. вследствие голода, морового поветрия и гибели скота в тяжелом положении очутилось и Крымское ханство. Во второй половине XVI в. в борьбе Московского государства с Крымским ханством и ногайцами стали принимать большое участие украинские и донские казаки.

Запорожское казачество, возникшее в начале XVI в., первоначально сосредоточивалось на землях Черкасского и Киевского старостств (поэтому в Московском государстве их называли «черкасами» не только в XVI, но и в XVII в.). Земли этих старостств были расположены в степной и лесостепной зонах, и туда стали пересе-

ляться казаки и крестьяне, стремясь уйти от все усиливавшихся притеснений польских панов в правобережной Украине. В Черкасском и Каневском староствах панская власть в то время почти не ощущалась, и они превратились в основные места сосредоточения украинского казачества.

Вскоре после создания украинской казачьей общины она стала участвовать в отражении татарских погромов и набегов, а иногда и сама, по своей воле, нападала на татарские улусы.

В грамоте польского короля от 1541 г., посланной Киевскому воеводе, было сказано, что казаки нападают на крымских татар, когда те кочуют в степи, бьют их и отгоняют скот. Поэтому приказывалось, чтобы казаки не ходили на татарские улусы в то время, когда между Польшей и Крымом заключался мир [Акты юго-западной России, I, 1863].

Во второй половине XVI в. значение украинского казачества в жизни Великого княжества Литовского и объединенного (после унии) Польско-Литовского государства возрастало все больше и больше. В 1556 г., когда Иван Грозный послал отряд под командой Ржевского для нападения на татар, к нему присоединился каневский и черкасский староста Дмитрий Вишневецкий, который набрал для этого украинских казаков, не испросив позволения у польского правительства.

Поход Ржевского и Вишневецкого был успешным. Ободренный этим успехом Вишневецкий решил создать базу для борьбы с татарами — построил укрепление на о. Хортица. Его назвали Запорожскою Сечью. В течение XVI в. местоположение Сечи менялось несколько раз.

В грамоте, пожалованной Стефаном Баторием запорожским казакам [3], сказано, что она дана в награду за то, что они «вход в Польшу и Украину заступили» и стали грудью против татар и ногайцев. В этой грамоте сказано, что король дает украинским казакам г. Терехтемиров и земли, прилегающие к Днепру от Терехтемирова до Чигирина, с расположенными на них местечками, селами и хуторами. Как далеко вширь от Днепра простирались жалованные земли, в грамоте точно указано не было. Кроме того, король жаловал казакам городок их старинный Самарь и земли, расположенные вверх по Днепру до р. Орель, а вниз — до крымских и ногайских степей. На западе эти земли простирались до Днепровского и Бугского лиманов, по Бугу — до р. Синюха, а на востоке — до степного Подонья.

Значительная часть казачества жила в степном Причерноморье. В XVI в. зародилось и стало крепнуть и донское казачество. Рязанские казаки уже при великом князе Василии Ивановиче хорошо знали места по Дону. В царствование Ивана Грозного число казаков, осевших на Дону, пополнилось и они стали называться донскими. На Дон шли не только из Рязанской земли, но

[3] Грамота эта сохранилась лишь в копии [Скальковский, ч. 1, 1846]. А. Скальковский не сомневался в ее достоверности.

и из Северской земли, жители которой («севруки»), как и рязанцы, славились своей отвагой [Соловьев, 6, 1960].

Донское казачество было политически независимо от Москвы. Однако оно сохранило хозяйственные и нравственные связи с Московским государством и помогало ему в борьбе с татарами и ногайцами. В 1548—1552 гг. донские казаки оказали Московскому государству ряд услуг в борьбе с татарами. Нередко они, соединясь с запорожцами, нападали на крымских татар и на турецкие города по Черноморскому побережью. Казачьи рейды предпринимались как для получения военной добычи, так и для освобождения из рабства и неволи русских и украинских пленников. Московский посланник Благов, отправленный в Константинополь в 1584 г., говорил. что на Дону и близ Азова живут казаки; некоторые из них там «постарели животом», т. е. живут издавна. Ссора их с крымскими татарами, азовцами и ногаями идет оттого, что эти люди ходят войною на украины Московского государства, берут в плен много русских и возят в Азов на продажу. А казаки не могут терпеть, потому что их род и племя на тех украинах, откуда татары, ногайцы и азовцы захватывают русских людей в плен [Соловьев, 7, 1960].

В годы «замирения» Москвы с Крымским ханством московское правительство отрицало свою связь с донскими казаками и называло их «ворами, беглыми людьми» [Соловьев, 7, 1960].

Однако уже в 1594 г. царь Федор Иванович послал грамоту «на Дон, донским атаманам Миките Болдырю, да Степану Ершову, да Ивану Носу и всем атаманом и казаком, которые ныне на Дону близко Азова». В этой грамоте московское правительство просило казаков, если крымские татары или азовские люди и ногаи Казыева улуса пойдут войною на московские украины, то чтобы казаки нападали на неприятелей на переправах через Дон и Донец и другие реки и предприняли поход на Казыев улус. Вместе с грамотой царь послал казакам «жалованье» — сукно и другие материалы на одежду, 50 пудов свинца, столько же — селитры, 6 пудов серы, 150 четвертей сухарей, 40 четвертей круп и столько же толокна [Акты... к истории Войска Донского..., 1, 1891].

Отношение московского правительства вновь изменилось в царствование Бориса Годунова. Тогда казакам запрещалось приезжать в Москву и в окраинные города к своим родным и для покупки там товаров и продажи своих. Казаков хватали, сажали в тюрьмы, вешали и топили [Тхоржевский, 1923].

Выходцы из Рязанской земли заложили основы еще одного казачьего войска — Гребенского. Во второй четверти XVI в. казаки, населявшие местность под названием Червленый Яр, сели вместе с семьями в струги и поплыли по Дону. Затем они переволоклись на Волгу и по Каспию доплыли до устья Терека. Оттуда они поднялись вверх по этой реке, вступили в союз с кабардинцами и при их содействии поселились у гребней или предгорий Кавказа, при впадении Аргуна в Сунжу и стали называться гребенскими казаками [Попко, 1880].

В 1567 г. на левом берегу Терека, против устья Сунжи, была поставлена русская крепость — Терский город или Терк. Она существовала недолго. Вскоре крымский хан и турецкий султан потребовали снести Терский город и открыть дорогу по побережью Каспия. В 1571 г. царские войска оставили этот город. По настоянию кабардинцев гребенские казаки засели в г. Терк, и туда к ним пришел большой отряд волжских казаков. Требования крымского хана и турецкого султана возобновились, но московское правительство отвечало, что в Терском городе самовольно засели «воры, волжские казаки, которые государя не слушают; хоть бы их всех побили, нам стоять за них не для чего» [Попко, 1880, с. IV]. Несмотря ни на что, гребенские казаки удержались в предгорьях Кавказа.

В XVI в. в царствование Ивана Грозного зародилось и яицкое казачество. Однако достоверные известия об этих казаках начинаются с конца XVI в. В 1586 г. ногайский князь Урус писал царю Федору Ивановичу, что «пришед на Яик казаков в 600 — 700 человек, поставили город большой и с того города нам много лиха учинили» [Карпов, 1911, с. 75]. В том же году бежавшие от князя Уруса татары сообщили астраханскому воеводе, что яицкие казаки взяли в полон триста ногайских женщин и захватили три тысячи голов скота.

Потерявшие к тому времени былую мощь, ногайцы пытались сбить с Яика казаков и разрушить их город, но не смогли.

Московское правительство стало привлекать яицких казаков в военные походы. В 1586 г., например, в Самару с Яика для похода на Крым пришло 150 казаков [Карпов, 1911], а в 1591 г. было велено астраханскому воеводе выслать для похода на Шавкала Тарковского, владевшего Дагестаном, 500 яицких казаков [Соловьев, 7, 1960].

Каковы же были основные занятия жителей степной зоны в XVI в.? Одним из самых важных предприятий Крымского ханства было нападение на Польско-Литовское и Московское государства с целью грабежа и захвата пленных для продажи их на невольничьих рынках или для получения выкупа. Это имело такое большое значение, что один из крымских ханов открыто признавал, что его «земля войною живет» [Соловьев, 5, 1960, с. 274]. И когда турецкий султан послал в Крым запрещение воевать с Москвой, то хан ответил ему: «не велишь мне итти ни на московского, ни на волошского, так чем же мне сыту быть и одету» [Соловьев, 5, 1960, с. 278]. В начале 70-х годов XVI в. крымский посол в Москве так передавал речи Давлет-Гирея. Хан обещал Ивану Грозному не ходить на московскую землю, если Грозный даст ему Астрахань, и добавлял, что он голоден не будет, так как будет воевать Литовскую сторону и черкас и от этого будет сыт [Кушева, 1963].

Отправляясь в крупные походы ханы мобилизовали почти всё взрослое мужское население. В 1501 г. Менгли-Гирей приказал, например, чтобы дома не оставался ни один татарин старше 15 лет. «А кто ся останет, а со мною не будет, тот мне ни моим детям

и князем не слуга, того ограбить и казнить». Каждый человек должен был взять с собою телегу, три коня, много доспехов и корма. Кроме того, на каждые пять человек приказывалось взять телегу и двух волов [Памятники дипломатических сношений..., 1884].

Но основным занятием крымских татар, когда они не совершали военные набеги, было скотоводство. В грамоте великого князя литовского, посланной в 1541 г., сказано, например, что «люди царя Перекопского з быдлом своим кочуют у поля» [Акты юго-западной России, 1863, с. 109]. Спустя двадцать лет перекочевки татар из Крыма за Перекоп подтвердил и Иван Грозный. В послании к ногайскому князю Исмаилу (10 июня 1560 г.) Грозный писал, что среди лета и осенью всем крымским людям прокормить свой скот внутри Крыма нельзя. Поэтому они выходят за перекоп к Черному лесу и за Днепр и там пасут скот [Продолжение Древней российской вивлиофики, ч. 10, 1795].

Более подробные сведения о занятиях крымских татар сообщил польский посол М. Броневский, проживший в Крыму в 1578 г. девять месяцев. Он писал, что многие крымские татары летом и осенью не живут в домах. В апреле они вместе с семьями, рабами и скотом откочевывают за Перекоп в степи Таврии, а иногда и дальше на восток, к Азову.

В самом Крыму татары занимались и земледелием. В Книге Большого Чертежа сказано, что крымские татары пашни пахали и сеяли пшеницу, ячмень и полбу [Книга, глаголемая Большой Чертеж..., 1846]. Несомненно, крымские татары добывали зверя и птицу, но достоверные сведения о значении охоты в их хозяйстве очень бедны. Кое-что известно о том, как и на кого охотилась крымская знать. Как и в XV в. крымские ханы и их родня увлекались охотой с ловчими птицами и просили московских правителей присылать им кречетов, соколов-сапсанов и белых ястребов.

У ногайцев земледелие имело совсем ничтожное значение. «Они ничего не сеют, и не едят хлеба», — сообщал Дженкинсон [1937, с. 171], путешествовавший по землям Большой Ногайской орды в 1558 г. Почти то же самое писал и князь Курбский: «хлеба там и ни именуетца» [Курбский, 1868, с. 55].

Все же эти сообщения не вполне точны. Начатки земледелия у ногайцев кое-где были. В июле 1557 г. князь Исмаил, обращаясь за помощью к Ивану Грозному, писал о том, что «пашню Сарайчикову вода взяла», и просил прислать хлеба, в том числе и семенного. В ответ на эту просьбу Грозный послал ему 50 четвертей [4] круп, 50 четвертей толокна, 50 четвертей ржаной муки и 30 четвертей пшеницы на семена [Продолжение Древней российской вивлиофики, ч. 9, 1793].

Основным и самым важным занятием ногайцев было разведение скота. Особенно славились их лошади. В первой половине XVI в., до междоусобной войны, ногайцы пригоняли к Москве

[4] Четверть круп или муки весила около 9 пудов.

на продажу по нескольку тысяч лошадей в год (в 1534 г., например, они пригнали 50 000, в 1552 г. — 10 000, в 1555 г. — 20 000).

Летом 1558 г. Дженкинсон, плывя вниз по Волге, видел в степи стада скота, которые пасли ногайцы. В этих стадах было более тысячи верблюдов, запряженных в повозки с крытым верхом, которые издали казались городскими постройками. Главной пищей ногайцев было мясо, а напитком — кумыс [Дженкинсон, 1937].

Ногайцы вели кочевой образ жизни. Описывая жизнь ногайцев, М. Меховский писал: «Верховой езде и стрельбе из лука они предаются с раннего возраста. Все свое возят с собою и, кочуя с места на место, живут в полях с женами, детьми и скотом. У них нет ни городов, ни сел, ни домов» [Меховский, 1936]. Кочевья их занимали большие пространства. В 1552 г. служилые московские люди доносили Ивану Грозному, что Исмаилу мирзе было определено летовать близ Яика на Чаганах и Тенгелах, Араслану и Белек Булату — на Б. и М. Кинеле, Юсуфу — по обе стороны Яика на Иялчане да на Тугалыке, Касаю — за Яиком, Айсе мирзе — на Большом Иргизе. В следующем году Айса мирза писал Ивану Грозному: «на усть Волги старейшего нашего Исмаилева изба, а наше зимовье — Дон, осенуем — на Илеке, а летуем — на самой Волге» [Продолжение Древней рос. вивлиофики, ч. 9, 1793, с. 97].

Занятия запорожских, донских и яицких казаков были сходны во многом. У всех их военная добыча была важным источником дохода. В 1585 г. запорожские казаки, например, ходили на крымские улусы и отогнали лошадей и другого скота около 40 тыс. голов [Соловьев, 7, 1960]. Крымский хан писал Годунову, что казаки с Дону и с Самары приходят к Овечьим Водам и воруют скот.

В мирное время обычными источниками существования были скотоводство, рыбная ловля и охота на копытного и пушного зверя. Князь А. Курбский сообщал, что донские казаки уходили на рыбные и бобровые ловли на Северский Донец.

Земледелия у яицких казаков не было даже в зачатке. Не было его в этом столетии и у донских казаков. У запорожцев же оно было кое-где по зимовникам, но в очень малых размерах.

Основные угодья

Так как земледелием в степной зоне была занята очень незначительная доля населения, пашни составляли незначительную долю территории. Большую же ее часть составляли травянистые степи. Во многих местах степи были малолюдными или почти безлюдными. Известно, например, что С. Наливайко — один из вождей крестьянско-казацкого восстания на Украине и в Белоруссии, уклоняясь от столкновения с польской карательной армией, пытался заманить ее в дикую уманскую степь, тогда еще совсем незаселенную [Костомаров, 1884].

Большинство степных жителей вело кочевой и полукочевой образ жизни и занималось скотоводством. Кочевья их занимали такие большие территории, что выпас был умеренным и степи не

превращались в скотосбой. По всей вероятности, пастьба скота, как и в более ранние века, была даже благоприятна для типичной травянистой степной растительности, так как не давала развиваться бурьянам. Человек время от времени выжигал степи, в особенно больших размерах — во время войн, чтоб затруднить продвижение неприятельского войска.

Физико-географические условия степной зоны таковы, что лес в ней без вмешательства человека может расти главным образом в пойме рек, на речных надпойменных террасах, по склонам северной экспозиции и на песках. В связи с этим наиболее крупные леса были по долинам Днепра, Дона, Северского Донца, Хопра, Медведицы, Волги. Конкретных описаний лесов в источниках XVI в. почти нет. Они появляются в источниках XVII—XVIII вв.

Распространение и численность зверей и птиц

Одним из важных занятий некоторых народов, населявших степную зону, была охота на зверей и птиц и рыболовство. Это указывает на то, что рыбы, зверя и птицы было много. Обширные малолюдные степи с рассеянными среди них лесами и кустарниками давали приют не только мелкому зверю и птице, но и таким крупным животным, как зубр, олень, кабан, косуля, тарпан, медведь, волк, дрофа, которых издавна промышлял человек.

Реки и речки были окаймлены тростниковыми и камышевыми зарослями, в них водилось множество птицы, жизнь которой неразрывно связана с водоемами и прилегающими к ним угодьями.

Однако источники XVI в. бедны сведениями о том, какие и где именно водились в то время звери и птицы. В «Трактате о двух Сарматиях», впервые опубликованном М. Меховским в 1517 г., сообщалось, что в стране татар [5] распространены олени, косули и сайгаки («cervi, dorcae et swak») [Меховский, 1936, с. 59]. Кроме них, были еще животные под названием «damae». С. А. Аннинский — переводчик «трактата» — считал, что под этим названием нужно подразумевать ланей. Но настоящих ланей (Cervus dama L.) в степной зоне не было. Возможно, что название damae относилось к оленицам, т. е. самкам благородного оленя.

Сайгаков было много, и М. Меховский оставил описание, как татáры на них охотились. Заметив скопление этих животных, татары устраивали облавную охоту. Окружив сайгаков со всех сторон, татары били в бубны. Испуганные звери метались от одного края облавы к другому и становились добычей охотников.

Польский посол М. Броневский, проживший в 1578 г. в Крыму 9 месяцев, собрал интересные сведения о крупных животных, распространенных во владениях Крымского ханства. В савранских и очаковских степях, находившихся между нижними течениями Днестра и Буга, были распространены следующие дикие звери:

[5] Под ними М. Меховский подразумевал как крымских татар, так и ногайцев.

«bisontes, alces, equus, cervos, arietes qui unicum tantum cornu habent, capros, apros, ursi campestres» [Broniovii, 1630, p. 245—246]. Часть этих названий не возбуждает сомнений: bisontes — зубр, alces — лось, equus — дикая лошадь, cervos — олень, apros — кабан, ursus — медведь. Неясно, кого Броневский назвал «козами» (capros). Это название могло относиться или к сайгакам, или к косулям. Совсем непонятно, каких зверей Броневский подразумевал под «однорогими баранами» («arietes qui unicum tantum cornu habent»).

Большой интерес вызывает сообщение Броневского о том, что лет за 10 или более до его приезда в Крым была очень суровая многоснежная зима и что в ту зиму погибло так много диких зверей, что в степи находили огромные груды их костей. Не была ли тогда та «зело студеная» зима, о которой писал князь Курбский, когда погибло множество скота у ногайцев и крымских татар [Курбский, 1868]. Нетрудно заметить, что Меховский и Броневский уделяли основное внимание копытным, а о других животных почти не вспоминали. Лишь Броневский упомянул о медведях и назвал их степными (ursi campestres).

Некоторые дополнительные сведения можно получить из грамот, которые посылались крымскими ханами и их родственниками к московским царям. В 1519 г. жена крымского хана Магмет-Гирея просила великого князя Василия Ивановича: «а у нас в сей земле лисицы черные не можно добыти, и яз у тебя, у брата моего, у великого князя на шапку одной черные добрые лисицы прошу» [Памятники дипломатических сношений..., 1884]. Эти слова ясно указывают на то, что в степных владениях крымского ханства были только лисицы обычной окраски. Очень редки во владениях крымского хана были горностаи. В 1517 г. Магмет-Гирей писал московскому великому князю, чтобы он прислал «девять портищ соболей, да третью девять пришли горностаев да рыбья зубу...» [Там же, с. 301]. Эти вещи ценились так дорого, что Магмет-Гирей не хотел, чтобы об их присылке знали его приближенные, и наказывал: «а соболи бы и горностаи и рыбьи зубы опатай мне подавали, только бы ты ведал, да яз ведал, да тот человек, который от тебя ко мне привезет [Там же, с. 445]. В Крымском ханстве наиболее дорогими считались собольи и горностаевые меха. В XIV в. в ряде стран южной Азии горностаевый мех ценился дороже собольего. В Индии шуба из горностаевого меха стоила 1000 динаров, а соболья — 400 динаров (Ибн-Батута, 1884).

Крымская и ногайская знать увлекались охотой с ловчими птицами. В 1508 г. Менгли-Гирей просил прислать ему «кречата белого, которой лебедя ловит, да серого кречата дикомыта, да высокого кречата, да белого ястреба» [Там же, с. 25]. Из этого послания можно заключить, что во владениях Крымского ханства ястребов белой окраски не было, как не было черных лисиц.

О распространении и обилии зверя и птицы в степном Подонье, Предкавказье и Волго-Уральском междуречье в источниках, относящихся к XVI в., сведений не обнаружено.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

XVII в.

В XVII в. в жизни народов, населявших степную зону между Дунаем и Уралом, произошли очень важные события. Для народов степного Причерноморья наибольшее значение имела освободительная война украинского народа 1648 г. и последовавшие за ней войны, в которых участвовали Московское государство, Польша, Османская империя и Крымское ханство.

Помимо этого, в XVII в., то затухая, то вновь разгораясь, продолжались периодические погромы южных окраин Московского и Польского государств кочевниками. По подсчетам А. А. Новосельского (1948), только в первой половине XVII в. татары угнали в плен из Московского государства и продали в рабство не менее 150 тыс. русских. Та же участь постигла и многих украинцев, живших в польских владениях. В этом столетии укреплялось и возрастало значение запорожского и донского казачества.

Для степного Подонья, правобережного степного Поволжья и Волго-Уральского степного междуречья большое значение имело то, что в эти области нахлынули калмыки.

В разных областях степной зоны отношения между государствами и народами складывались по-разному, и это отражалось как на численности населения, так и на его влиянии на природу. Поэтому в дальнейшем эти вопросы рассматриваются отдельно по каждой степной области, т. е. по Причерноморью, Подонью, Предкавказью, правобережному Поволжью и Волго-Уральскому междуречью

Степное Причерноморье

Население и его занятия

В XVII в. бóльшая часть степного Причерноморья находилась во владении крымских татар и ногайцев. Большая Ногайская орда под натиском калмыков, нахлынувших из-за Яика, продвинулась к нижнему течению Дона и стала пробиваться к Крыму. Туда же устремилась и Малая Ногайская орда. В 1635—1636 гг. обе ногайские орды перешли Дон и объединились с крымскими татарами [Новосельский, 1955].

В 1638 г. некоторые улусы Большой Ногайской орды кочевали по Кальмиусу, Бердам и Молочным Водам, в шести днях от Крыма и в четырех — от Азова, а в 1651 г. часть ногайцев Большой Орды кочевала по Орели [Воссоединение..., I и II, 1954].

Как и в XVI в., для крымских татар и ногайцев первостепенное значение имели военные набеги на соседние государства, главным образом на Московское и Польское.

Сходные сведения сообщил и д'Асколи [1], проживший в Крыму довольно долго. По его словам, татары отправлялись воевать дважды в год или по крайней мере один раз. Каждый всадник брал с собой двух коней. Возвращаясь из набегов, на одном ехал сам, на другом вез связанного пленника [Асколи, 1902].

По словам Боплана [1901], ногайцы Буджакской орды постоянно рыскали по степям, чтобы грабить украинцев и других степных жителей и продавать их в Турцию на галеры.

Торговля пленниками была важным источником дохода крымских татар и их ханов. Хан имел право получить от 5 до 10% привезенных в Крым пленников или определенную сумму за каждого из них. В 1640 г. хан Ислам-Гирей получил за каждого пленника по 10 золотых руб. Средняя цена здорового и сильного пленника составляла 40 руб. [Vernadsky, ч. 1, 1969].

Татары, жившие в Крыму и не участвовавшие в набегах, занимались земледелием, причем основные тяжелые работы выполняли рабы. Сеяли они преимущественно пшеницу (де Люк, 1879). По более поздним сведениям Боплана, крымские татары сеяли просо, ячмень и гречиху.

Ногайцы хлеба не сеяли. Главным занятием тех из них, которые не участвовали в военных набегах, было скотоводство. Они жили в степи, в крытых кибитках, которые ставили на повозках. Главной пищей их было мясо, молоко и изготовлявшиеся из него продукты. Де Люк сообщил, что они «сушили» кислое молоко [Люк, 1879, с. 478]. Под этим нужно понимать приготовление «крута», который и теперь делают башкиры.

Кроме крымских татар и ногайцев, в степном Причерноморье жили украинские крестьяне и казаки. Центром и оплотом украинского казачества было Запорожье. В первой половине XVII в. между запорожцами и донскими казаками существовали дружеские отношения: запорожцы большими и малыми партиями отправлялись к донским казакам, а те приходили к запорожцам. «Только живут переходя», — рассказывал в Посольском приказе запорожец Шафран, — «они ходят на Дон, а с Дону — казаки к ним, и живут, сколько где хто хочет. А повелось де у них то с донскими казаки изстари, что меж себя сходятца и живут вмести в одних куренях» [Воссоединение..., I, 1954, с. 70]. По словам Шафрана, донских казаков в Запорожье было в то время лишь в два раза меньше, чем запорожцев. Б. Хмельницкий сказал в 1648 г.: «когда мне будет очень тяжело, пойду на Дон» [Воссоединение..., II, 1954, с. 70]. Во время восстания Богдана Хмельницкого союз между украинскими и донскими казаками подвергся большому испытанию и был близок к расторжению. Хмельницкий, пользовавшийся

[1] Сочинение де Люка было составлено в 1625 г. и опубликовано между 1663 и 1672 гг. Описание д'Асколи составлено в 1634 г.

поддержкой крымских татар и ногайцев, просил донских казаков прекратить нападения на татарские улусы, но они его не послушали.

К началу 80-х гг. война на степной Украине прекратилась. В 1681 г. было заключено перемирие с Турцией и Крымским ханством на 20 лет. По этому договору земли от Киева до Запорожья и само Запорожье переходили во владения Московского государства. «А которые пустые земли за Днепром во владеньи Салтана Турского, и на тех землях городов и городков не делать» [Полное собрание законов..., т. II, 1830, с. 307].

После договора о перемирии с Турцией и после заключения мира с Польшей жизнь в правобережном степном Причерноморье стала более спокойной и запорожцы могли заниматься разведением скота. Кроме того, рыболовство и охота на зверя имели у них довольно большое значение. В 1657 г. Богдан Хмельницкий просил царя Алексея Михайловича утвердить ряд статей о правах запорожцев и жителей гетманской Украины. В одной из статей упоминалось, что «запорожские казаки, небогатые люди, ходят на промыслы для рыбныя и звериныя ловли на Низ (т. е. в земли по нижнему течению Днепра. — *С. К.*) и тем кормятся» [Собрание узаконений Русского государства, 1874, с. 1018].

Хлебопашество у запорожцев было развито мало и в этом столетии.

Сведения о климате степного Причерноморья

Рассматривая природу степной зоны в XVII в. и влияние на нее человека, прежде всего следует остановиться на сведениях о климате, имеющихся в письменных источниках. Сведений этих немного, и они касаются главным образом резких отклонений от обычного хода климатических явлений — необычно суровых зим или же чрезвычайных засух.

Зима 1618 г. — у ногайцев Большой Орды от стужи пало много лошадей [Новосельский, 1948].

Зимой 1631/32 г. (декабрь 1631—февраль 1632 г.) — во время набега сына Джанибек-Гирея с 15 тыс. татар и ногайцев на правобережную лесостепную Украину и Курское Посемье и возвращения их назад в Причерноморье — «были снега глубокие, стыдь стояла большая». Много татар «позябло», и они «пометали своих лошадей» [Новосельский, 1948, с. 183].

Зима 1645/46 г. очень студеная, много татар, возвращавшихся с большим полоном русских людей, померзло. Еще больше погибло пленников, многих из них привезли в Крым с отмороженными ногами и руками [Новосельский, 1948].

1651 г. — сильная продолжительная стужа. Погибло много скота у ногайцев, зимовавших в степях по р. Орель [Воссоединение..., III, 1954].

1679 г. — из-за многоснежья пропало много татар и коней [Сборник летописей, 1888].

Изредка встречены записи об очень сильных, необычных засухах: летом 1628 г. в Крыму была засуха, не родился хлеб, посохла трава [Новосельский, 1948], летом 1645 г. «жары великие, земля выгорела, а который кормишко и был и тот саранча поела» [Новосельский, 1948, с. 313].

Основные угодья

Земледелие в степном Причерноморье было развито очень слабо. Поэтому поля занимали в этой степной области очень не значительную часть территории, вероятно не более 1—2%.

Преобладали травянистые степи. Трава и степные кустарники (чилига, бобовник, степная вишня) покрывали не менее 90% территории степного Причерноморья.

Московские посланники Тяпкин и Зотов, ехавшие в 1681 г. в Крым через верховья р. Малая Орель к верховьям р. Терновка, с переправой через р. Самара (восточней современного г. Павлоград), сообщили в своем статейном списке интересные сведения о том, какие угодья встречались им на этом пути. Они писали, что «дубровы и прочие дровяные угодья» кончились в верхнем течении р. Терновка. Дальше до самого Крыма путь их лежал по степям.

Хотя в степи паслись стада домашнего скота и диких копытных, все же этих животных еще не было так много, чтобы степи превратились в скотосбой. Даже в Буджакской степи, находившейся между низовьями Дуная и Днестра, степная травянистая растительность была высокой, Боплан [1901] писал, что она высотой в два фута.

Большое влияние на степную растительность оказывали пожары, захватывавшие большие территории. В 1626 г. украинские казаки, возвращаясь с нижнедонских казачьих городков, вышли к Кальмиусу. А там «поле [степь] погорело. Шляхов не знать». По выгоревшей степи они шли дени и ночь и заблудились: вместо Запорожья вышли к Валуйке [Воссоединение..., I, 1954].

В 1650 г. крымский хан хотел идти войной на донских казаков, но был вынужден отложить свое намерение из-за конской бескормицы, так как выгорела вся степь [Соловьев, 10, 1961].

11 октября 1681 г. московские посланники Тяпкин и Зотов весь день шли от верховий р. Б. Терновка к р. Самара по выжженной степи. На следующий год, 12 июня, когда войско Московского государства шло в поход на Крымское ханство, у Конских Вод было видно, что горела вся степь «и великими огнями была покровенна» [Крекшин, 1841, с. 76]. Князь Василий Голицын, руководивший этим походом, оправдываясь за неудачный поход, говорил, что в будущее лето нужно отправиться в поход раньше, когда травы зелены и выжечь степи невозможно.

Лесов в степном Причерноморье в XVII в. было больше, чем в последующие (XVIII и XIX) века, но и в XVII столетии леса занимали небольшую долю территорий этой степной области

Наиболее крупные леса были сосредоточены на надпойменных террасах, в поймах рек, на песках и в местах, изрезанных мно

жеством балок и оврагов. Почти все такие леса находились в северной и центральной полосе степного Причерноморья. В южной его полосе настоящих лесов не было; однако и там часто встречались, как заметили московские посланники, «по рекам, по речкам и удолиям многие тальники и терники» [Статейный список... 1850, с. 73].

Наиболее крупный лесной массив степного Причерноморья простирался по обе стороны р. Самара. Эта река имела большое значение в жизни южной окраины Московского государства. Через брод, находившийся близ р. Кочерга, шла дорога, по которой русские и украинцы ездили из правобережных городов к Черному морю, а через брод возле устья р. Чаплинцы переправлялись татары при набегах на поселения на территории Ахтырского и Харьковского полков.

Поэтому в конце XVII в. московское правительство отправило военно-рекогносцировочный отряд во главе со стряпчим Коломниным и полковником Искрой для обследования урочищ и бродов на этой реке и прилегающих к ней угодий. Опись, составленная полковником Искрой, дает ясное представление об этих угодьях.

В нижнем течении р. Самара, от ее впадения в Днепр и до Гришина брода, находившегося в 8 верстах ниже устья р. Волчья, по обе стороны Самары простирались леса. Наиболее обычны были здесь «черные леса» и «редкодуб». Чернолесье состояло из липы, ясеня, клена, груши и яблони. «Редкодубом» было названо, вероятно, дубовое редколесье. Березовый лес показан в описи лишь в двух местах: между устьями рек Самарчик и Волнянка и между урочищем Лучанское и Гришиным бродом. Во втором из названных участков был и сосновый лес, росший на левобережной («крымской») стороне Самары.

По нижнему течению Самары почти всюду преобладали леса, а среди них встречались луга и пойменные озера. Лишь между урочищами Великая Лука и Лучанское преобладали луга, перемежавшиеся с черным лесом и «редкодубом».

Протяженность лесолуговой полосы по нижнему течению Самары определена в описи в 47 верст, а ее ширина — 4—5 верст. При средней ширине полосы в четыре версты площадь ее составляет 188 кв. верст (20 680 га). Если принять, что леса занимали $^2/_3$ этой площади, а луга и озера — $^1/_3$, площадь лесов, простиравшихся в то время по нижнему течению Самары, составляла около 13 790 га. Вверх от Гришина брода лéса по Самáре было мало. От этого брода и до устья р. Малая Терновка лесолуговая полоса была шириной в одну версту и лес перемежался с полянами и лугами. К востоку от р. Малая Терновка и до верховий Самары в приречной полосе преобладали луга, а лес встречался в виде небольших участков редкодуба или рощ яблони, груши, терна

Местами, особенно на участке от р. Чаплинцы до р. Бык, были часты озера, окруженные болотами и камышами. В них могли скрываться малые воинские отряды, а более крупные — обороняться и вступать в бой с крымскими татарами.

Распространение и численность зверей и птиц

Распространение и обилие животных в степной зоне Восточной Европы в XVII в. зависели от нескольких факторов. Одним из наиболее важных из них было преобладание целинных травянистых степей и зарослей степных кустарников; поля занимали совсем небольшую долю площади степной зоны.

Малую часть ее территории покрывали и леса. Местами они подвергались усиленной рубке, но площадь лесов, если и сократилась в течение этого столетия, то незначительно, так как после рубки леса восстанавливались.

Во многих местах охота на зверя имела большое значение в хозяйстве, и добыча наиболее ценного зверя становилась все более истребительной, тем более что огнестрельным оружием владели многие. Почти все взрослые запорожцы имели, например, пищали или самопалы.

Все же численность населения была еще невелика, и мест, где человек добывал зверя и птицу, было еще много. Поэтому в ряде мест наблюдалось обилие этих животных.

Московские посланники к крымскому хану (Тяпкин и Зотов) отметили, например, в своем «статейном списке», что в 1681 г. на всем их пути от верховья р. Орель до Крыма «зверя и птицы, и рыбы множество есть». Об обилии дикого зверя, водившегося в степной зоне между Днепром и Доном, сообщил и Жан де Люк.

Однако сведения о том, какой и где именно водился зверь и птица, довольно скудны и касаются немногих видов, главным образом копытных и пушных зверей. Боплан, много лет прослуживший в Польском королевстве и хорошо знавший Украину, писал, что в степной Украине близ порогов встречаются стада оленей, косуль и кабанов [Боплан, 1901]. («En ces mêmes quartiers se trouvent des cerfs, biches, chévreux, qui vont par bandes, comme aussi des sangliers d'une monteuse hauteur» [Beauplan, 1660, p. 83]). Множество кабанов было замечено генералом Гордоном во время похода в 1687 г. возле речки Анчакрак [Gordon, 1851].

Боплан отметил также, что в степной Украине паслись дикие кони табунами в 50—60 голов и что близ московских границ встречались «буйволы» (les buffles) и много других крупных зверей. «Буйволами» Боплан назвал, по всей вероятности, зубров. (В пределах Украины московская граница проходила в то время в окрестностях Глухова, Путивля, Недригайлова, Гадяча, Полтавы и в верховьях Орели и Самары. Лишь верховья этих рек расположены в степной зоне, остальные же места — в лесостепи.)

Из пушных зверей, водившихся в степной Украине, больше всего добывалось лисиц. В жалобах, направленных в 1648 г. Богданом Хмельницким польскому королю, упоминалось, что с каждого казака берут по лисице, а если не поймает казак лисицы, берут самопалы [Соловьев, т 9, 1961].

Как и в XVI в., лисицы в степном украинском Причерноморье были обычной окраски, а черных лисиц не было. Поэтому крымский хан Джаныбек-Гирей просил царя Михаила Федоровича прислать ему пятьдесят черных лисиц [2].

Степное Подонье

Население и его занятия

В течение XVII в. большая часть степного Подонья находилась во владении донских казаков. Одним из следствий Смуты в Московском государстве было увеличение численности и политического значения донского казачества, бóльшая сплоченность его и более крепкая организация. Правительство царя Михаила, особенно в начале его царствования, сознавало, что в изгнании поляков и окончании Смуты очень важную роль сыграло казачество. В грамоте 1614 г., посланной Войску Донскому, торжественно заявлялось, что «по милости божьей, а вашею прямою многою службою и раденьем и кровью государство от польских и литовских людей очистилось» [Тхоржевский, 1923, с. 12].

Почти всю первую половину XVII в. между донскими и запорожскими казаками существовали тесные дружеские связи. Они предпринимали совместные походы против крымских татар и азовцев, а иногда — и набеги на турецкое побережье Черного моря. Казацкие рейды имели двойную цель — приобрести военную добычу и освободить из неволи русских и украинцев, захваченных татарами в плен и проданных затем в рабство.

В годы перемирия с Турцией и Крымом московское правительство запрещало донским казакам принимать запорожцев и ходить вместе с ними на крымских татар и турок. Такой указ был послан, например, из Москвы в 1625 г. [Воссоединение..., I, 1954]. Несмотря на запрещение, донские казаки и запорожцы в 1632 г. учинили приговор о том, что «запорожским черкасом на Дону, нам, казакам, помогать, а нам, донским казакам, помогать запорожским черкасом, а Дону де нам без крови не покидывать...» [Воссоединение..., I, 1954, с. 123].

В 1637 г. по собственной инициативе и вопреки намерениям московского правительства казаки взяли Азов. Взятие его и геройская оборона против турецко-крымской армии были совершены донскими казаками совместно с запорожцами. В расспросных речах войскового атамана М. Татарина имеется важное сообщение о том, что в начале 1638 г. в Азове и в других местах степного Подонья донских казаков было около 10 000 и столько же запорожцев: «и ныне к ним в Азов запорожские черкасы идут беспрестанно многие люди» [Воссоединение..., I, 1954, с. 203].

В 1637—1642 гг. донские казаки в борьбе с турками и крымскими татарами, превосходившими их численностью в несколько раз, потеряли под Азовом много людей. В 1641 г. они просили

[2] ЦГАДА, ф. 123. Крымские дела, д. 12.

московское правительство принять Азов. Когда в этой просьбе им было отказано, казаки покинули его. В 1644 г. они просили московское правительство прислать им на помощь ратных людей, так как «люд у нас повыбит весь», а татары и турки хотят строить города между Северским Донцом и Доном и сбить с Дона казаков [Донские дела, 1906].

В 1646 г. из Москвы были посланы служивые люди в Тамбов, Воронеж, Козлов и в другие украинские города для набора вольных людей и поселения их на Дону. К началу 1647 г в этих городах было набрано 3205 человек. С желающих уехать на Дон брали поручные записи от их родных или близких людей. Тем из них, у кого были свои ружья, давалось по пяти рублей [3], а у кого ружей не было, тем давались самопалы и по 3—4 рубля. Однако толку от этого набора было мало. Служивые люди, ведавшие набором, говорили, что казаки неохотно принимали набранных людей, не давали им продовольствия и притесняли. Вследствие этого набранные люди разошлись с Дона. Донские же есаулы отвечая на эти обвинения, говорили, что люди, прибывшие на Дон, пропили выданные им деньги и ушли с Дона.

Более успешным было заселение степного Подонья людьми, прибывшими на Дон по своей воле. Они приходили туда из городов, расположенных по южной окраине Московского государства, из Воронежа, Костенок, Ельца, Ольшанска, Козлова [Кобяков, 1955].

Самый же мощный поток переселенцев составляли люди, бежавшие на Дон из-за лютого притеснения их в Московском государстве. Особенно усилились побеги после постановлений Московского Собора 1667 и 1681 гг. о раскольниках и разгрома стрелецких восстаний 1682, 1683 и 1698 гг.

В 1672 г. на Дону было 46 городков. По северной окраине стояли городки Тишанский, Мигулин, Вешки, Усть-Хопра, Усть-Медведицы, Распопин, Клецкий, Перекопский, Кременский. Остальные городки располагались по Дону к югу от Кременского городка. Крайними южными городками были Маныч, Черкасский и Батай [Историческое описание..., 1892].

Резкое увеличение количества казачьих городков произошло в 80-х и 90-х гг. XVII в., когда на Дон бежало множество русских и украинцев. Казачьи городки возникли по Северскому Донцу, Хопру, Медведице и Бузулуку.

В самом конце XVII в. по среднему течению Северского Донца находились следующие казачьи городки: Сухарев, Краснянский, Боровской, Трехизбенский, Айдарский, Теплинский, Луганский, Митякинский, Гундоров [Материалы к истории Войска Донского, 12, 1914]. В 1685 г. в указе, посланном князю Василию Голицыну, было сказано, что стрельцы, казаки и другие служивые люди бегут на Хопер и Медведицу и городки по этим рекам наполнились бежавшими людьми: там, где прежде было 15—20 человек, к 1685 г стало 200—300 [Дополнения к Актам историческим, XII, 1872]

---

[3] В то время на эти деньги можно было купить трех коров.

В 1700 г. по указу Петра I были осмотрены и описаны леса по Хопру. В росписи о площади и состоянии лесов приведены данные и о казачьих городках по Хопру, начиная с Пристанского городка и кончая городком, стоявшим в устье Хопра. Всего городков было в то время 26. В этих городках было 2885 куреней (дворов), в среднем по 111 куреней в городке.

В другом указе, посланном из Москвы в 1686 г., сказано, что старообрядцы с женами и детьми бежали на Медведицу с разных мест Украины и из Москвы, с Кадашевой слободы. Беглецы поставили на Медведице городки, укрепив их тыном и плетнями. Бегство туда началось приблизительно с 1676 г. [Дополнения к Актам историческим, XII, 1872]. В 1700 г. были осмотрены леса по р. Медведица и составлена их опись, а также опись казачьих городков по этой реке. Они начинались с Бурлуцкого городка, поставленного в устье р. Бурлук, и заканчивались Усть-Медведицким городком. Всего их было шестнадцать, и в них в 1700 г. проживало 604 казака и 557 бурлака.

В связи с тем что численность населения степного Подонья значительно увеличилась за счет людей, бежавших из Московского государства, стало развиваться и хлебопашество. В указе, посланном в 1685 г. Василию Голицину, упоминалось о том, что прежде на землях по Хопру и Медведице казаки «пашни не пахивали и никакого хлеба ни севали, а важивали хлеб из русских городов и кормились зверми да рыбой, а ныне де в тех городах они казаки завели пашню» [Дополнения к Актам историческим, XII, 1872, с. 124]. В книге вице-адмирала русского флота Корнелия Крюйса, изданной в Амстердаме в 1703 г., указывалось, что казаки сеют хлеба так мало, что его не хватает для прокормления их семейств. По словам К. Крюйса, донские казаки употребляли в пищу преимущественно рыбу, мясо, молоко, яйца и овощи.

На первых порах хлебопашество встретило неодобрение со стороны Войскового Круга. В грамоте, посланной им в 1690 г. в хоперские и медведицкие городки, запрещалось пахать землю и сеять хлеб, а «если станут пахать и того бить до смерти и грабить» [Краснов, 1863, с. 54]. Это запрещение было вызвано тем, что казакам весь XVII в. приходилось вести неустанную борьбу с крымскими татарами и ногайцами, а подчас — и с турками. Казаки должны были находиться постоянно в боевой готовности, а при занятиях хлебопашеством это было труднее исполнить.

Помимо той борьбы, которую казаки вели за свой страх и риск, они часто приходили на помощь Московскому государству. В июле 1679 г., например, азовские татары вместе с ногайцами напали на Харьков, Чугуев, Печенеги и другие окраинные города. Донские казаки быстро пришли на выручку под Чугуев, но неприятеля там не застали. В августе того же года азовские татары и ногайцы пришли вновь под Змиев и Соколов. На этот раз донские казаки, соединясь с отрядом князя Черкасского и с яицкими казаками, догнали неприятеля, многих побили, взяли языков и лошадей [Акты.. к истории Войска Донского..., 1, 1891]

Понимая значение донского казачества в борьбе с кочевниками, московское правительство время от времени посылало на Дон «жалованье». В 1658 г. было послано 2 тыс. руб. (одна из них — на покупку хлеба, а другая — на раздачу казакам), 30 пудов пушечных запасов и 50 пудов пушечного зелья [Соловьев, 11, 1961]. В 1685 г. было послано 5 тыс. руб., 430 половинок «сукон амбургских», 230 пудов пороху ручного и пушечного, 115 пудов свинца. Кроме того, из Воронежа было послано 6500 четвертей хлеба и 500 ведер вина [Акты... к истории Войска Донского..., 1, 1891]. «Жалованье» присылалось казакам нерегулярно, и они с горечью писали в Москву, что служат не с поместий и с вотчин, как служилые люди в Московском государстве, а «с воды и с травы» [Соловьев, 11, 1961].

При удачных походах на крымские и турецкие владения казаки захватывали значительную военную добычу. Но мирное время бывало все же чаще, и тогда основными занятиями казаков были рыболовство, охота, разведение скота и добыча соли. В источниках XVII в. иногда встречаются упоминания о том, что казаки кормились рыбою да зверем, да травою. Рыба ловилась не только для себя, но и на продажу. Известно, что в 60-х гг. XVII в. торговые люди Московского государства вывозили с Дона рыбу всякую — свежую, соленую и вяленую [Кириков, 1966]. По словам Корнелия Крюйса, Дон изобиловал осетром, белугой, стерлядью и другой рыбой.

Немалое значение в казачьем хозяйстве имела и охота. Казаки, соединившись в отряды по 100 человек, уезжали на охоту по Хопру, Медведице, Иловле, по задонским степям, а иногда — и на Куму. Там они проводили часть лета, осень и почти всю зиму [Акты... к истории Войска Донского..., 1, 1891; Историческое описание земли Войска Донского, 1903]. Меха и кожи диких зверей вывозились с Дона московскими торговыми людьми.

В течение XVII в. скотоводство приобретало у казаков все большее значение. В источниках этого времени нередко встречаются сведения о лошадиных и «животинных» стадах, которыми владели казаки. (Под животиною подразумевался весь домашний скот, кроме лошадей.) Казаки гоняли лошадей на продажу в окраинные лесостепные города Московского государства — Белгород, Чугуев, Маяки, Валуйки, Старый и Новый Оскол, Елец, Воронеж, Коротояк, Костенки, Усмань, Лебедянь, Козлов, Тамбов или же продавали лошадей на месте торговым людям [4].

В XVII в. в степном Подонье, кроме казаков, жили ногайцы и азовские татары, а во второй половине этого столетия появились калмыки. Разведение скота было основным занятием ногайцев в мирное время [Люк де, 1879]. Серьезное значение имела, повидимому, и охота на дикую лошадь, оленя, лисицу и волка, так как де Люк упоминает о множестве этих зверей на равнинах Подонья, где кочевали ногайцы.

[4] ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, Белгородский стол, ст. 608, л. 88, 89, 91.

Во второй половине XVII в. московское правительство стало использовать калмыков как значительную вспомогательную силу при военных действиях против Крыма и Малой Ногайской орды и открыло им доступ на Дон [Акты... к истории Войска Донского..., 1, 1891, с. 93].

Сведения о климате степного Подонья

Как и ранее, имеются разрозненные сведения о наиболее аномальных по погоде годах.

Зима 1640—1641 гг. — «Зима была добре студена и лед был в гирле толст, промерз до песку» [Донские дела, 2, 1906].

1647 г. Русские разведчики установили, что в степях по Лугани и в других местах были глубокие снега: в ровных местах «лошади по чрево», а в низинах кони не могли пройти. Кроме того «снеги унастились и лошадей де кормить не можно» [Новосельский, 1948, с. 392].

1648 г. В конце января калмыки прекратили свой поход на Дон, потому что «окинули большие снега и извела стыдь» [Новосельский, 1948, с. 394].

1696 г. Во время похода на Азов в степях умерло «от великого хлада до трех тысяч войска» [Крекшин, 1841, с. 115].

Основные угодья

Слабое развитие земледелия было основной причиной того, что в степном Подонье и в XVII в. поля занимали незначительную часть его территории и преобладали степи. Выпас домашнего скота оказывал несомненное влияние на степи, но он был умеренным и не приводил к скотосбою.

На травянистые степи и степные кустарники несомненное влияние, как и в XV—XVI вв., оказывали палы. Нередко они захватывали большие территории. Так, в 1626 г., например, запорожские казаки, возвращавшиеся с Дона в Запорожье, вышли за Кальмиусом в выгоревшую степь и шли по ней целые сутки [Воссоединение..., I, 1954]. В 1639 г. казаки, ожидая нападения турецких и крымских войск на занятый ими Азов, выжгли окрестные степи на много верст [Новосельский, 1948]. Летом 1650 г. на Дон пришло около 6 тысяч запорожцев под командой сына Богдана Хмельницкого и наказного атамана Демки. Их послал туда крымский хан. Однако дело не дошло до войны, так как хан приказал запорожцам возвратиться, потому что степь выгорела и конница осталась без корма [Соловьев, 10, 1961].

В степном Подонье, как и в других исконно степных областях, леса занимали небольшую долю территории и располагались в поймах рек и на надпойменных террасах, на песчаных массивах и на склонах северной экспозиции на возвышенностях. В конце XVII в. в лесах, ближайших к Дону, Хопру и Медведице, по приказу Петра I, решившего взять Азов, усиленно вырубались де-

ревья, пригодные для строительства кораблей, галер и стругов. Было мобилизовано 26 тыс. работников, которые должны были изготовить к весне 1696 г. 1300 стругов, 300 лодок и 100 плотов [Савельев, 1870]. В 1699 и 1700 гг. был произведен осмотр лесов по Северскому Донцу, по Хопру и Медведице. Опубликованные отчетные росписи этого осмотра позволяют определить, какую площадь составляли там леса и в каком состоянии они находились.

Леса по Северскому Донцу были обследованы от впадения его в Дон до г. Маяки [Материалы к истории Войска Донского, 12, 1914]. На этом участке длина приречных лесов составляла 243 версты; ширина же их («от берегов в степь») колебалась от 0,5 до 2 верст; местами полоса леса сужалась до одной десятины[5]. По данным росписи, общая площадь лесов составляла около 290 кв. верст (в переводе на современные меры это около 32 тыс. га). В этих лесах главными древесными породами были дуб, карагач, осокорь. На участке от устья р. Быстрая до впадения Северского Донца в Дон осокорь сменялся тальником. (Под тальником подразумевалась, вероятно, ветла.) В лесах, расположенных между Маяками и Трехизбенским городком, кроме дуба, карагача и осокоря, встречалась липа, а на участке между Кривым Рогом и Гундоровым городком отмечен вяз.

Кроме приречных лесов, в росписи упоминался бор, находившийся на левобережье Северского Донца между Маяками и Боровским городком и начинавшийся в 6—10 верстах от речного берега. В росписи сказано, что «за дальностью» нельзя было измерить, как далеко в степь простирался этот бор. Длина сосновых бревен, годных для строительства флота, составляла 7—8 сажен, а толщина их в отрубе — от 6 до 8 вершков. Бор в то время был уже сильно вырублен.

В 1700 г. были обследованы и леса по Хопру, начиная от устья р. Колышлей до впадения Хопра в Дон. В нижнем течении Хопра — от Пристанского казачьего городка и до устья Хопра — не было уже леса, пригодного на постройку кораблей и стругов, а был только лес «дровосечный». Какова была площадь этих лесов, в росписи не сообщалось.

В верхнем же течении Хопра — вверх от Пристанского городка до устья р. Колышлей — леса по Хопру простирались на 235 верст, и площадь их, по данным росписи, может быть определена в 480 кв. верст (в переводе на современные меры — около 53 тыс. га).

Сюда не входит Телермановский лес, о котором в росписи сказано следующее: «а на усть р. Вороны новопостроен г. Павловск (ныне Борисоглебск. — *С. К.*), а против ево... лес: дуб, липа, карагач, ясень и всякий дровяной лес, по смете поперешнику верст их пятнадцать» [Материалы к истории Войска Донского, 12, 1914, с. 194—199].

В верхнем течении Хопра были как черные леса, так и боры. Чернолесье находилось на участках от устья р. Колышлей до устья

---

[5] Десятина в то время составляла обычно 80 сажен в длину и 40 сажен в ширину

р. Аркадак, от устья р. Гузнаир до устья р. Перевесенка, от устья р. Перевесенка до устья р. Аркадак, от устья р. Аркадак до устья р. Карайгор, от устья р. Карайгор до устья р. Ворона, от устья р. Ворона до устья р. Олферовка, от устья р. Олферовка до Пристанского городка.

По данным росписи, главными лесными породами в чернолесье были дуб и липа, к ним примешивался «всякий дровяной лес». Боров было меньше, чем чернолесья. Крупный бор, длиною около 40 верст и в поперечнике около 6 верст, тянулся от устья р. Сердоба до устья р. Гузнаир. В описании этого бора сказано: «в этом бору чернолесье и всякий дровяной лес». Следовательно, это был смешанный сосново-широколиственный лес. Небольшой Бардаковский бор находился в устье р. Меткирей. Совсем небольшие боры находились ниже устья р. Бадуковка и близ устья р. Амелик.

Дубы и липы, росшие в чернолесье и пригодные на постройку кораблей и стругов, были высотой в 5 и 6 сажен и толщиной в отрубе 12 вершков и больше. В деревьях толщиной аршин и больше местные жители устраивали борти для пчел. Сосны же в борах были высотой 10 сажен и больше и толщиной в отрубе от 6 до 8 вершков. Встречались кое-где и более крупные сосны, и в них тоже были устроены борти.

Леса по р. Медведица были обследованы в том же, 1700 г. Приречные леса от верховья до устья простирались на 120 верст. Площадь их, по данным росписи, исчислена в 90,4 кв. версты (по современной мере это 9940 га). Леса, годного на постройку кораблей и стругов, уже не было; был только дровосечный лес. Наиболее обычны были в нем дуб, карагач, тополь, ива; осинника, березника и кленовника было мало, а соснового леса не было совсем. Лес перемежался с полянами и пойменными озерами, а в окрестностях казачьих городков — с пашенной землей и сенокосами. Менее крупных лесов было больше. В конце XVII в. по р. Жеребец, от устья до верховья, тянулся, например, лес верст на 10 и больше. По р. Бахмут лес был только в верховьях, да и то лишь небольшими буераками [Булавинское восстание..., 1935].

Распространение и численность зверей и птиц

По сообщению Жана де Люка [1879], на степных равнинах между Днепром и Доном в начале XVII в. водились дикая лошадь, олень, лось, медведь, лисица, волк и звери, названные им «Loups cerviers». Вероятно, под этим названием надо подразумевать рысь. Более обстоятельные сведения о промысловом звере, водившемся в степном Подонье, найдены в архивных источниках. Донской атаман Фрол Минаев, посетивший Москву в 1668 г., при расспросе сказал: «А з Дону те торговые люди вывозят товары: ... кожи лосиные, зубреные, козлиные и иных зверей, бобры, выдры» [Кириков, 1966, с. 135]. Территория, где жили в то время донские казаки, находилась почти вся в степной зоне, и лишь небольшая часть ее — в лесостепи. Другое сообщение о зубрах, встречавшихся в степном

Подонье, находится в челобитной атамана Аввакума Сафонова, поданной в 1642 г. Когда Сафонов и сопровождавшие его казаки перешли Северский Донец и заночевали в степи близ Митякина колодезя, на них напали татары и отогнали 12 лошадей с сумами, в которых находилось продовольствие. Почти все казаки шли оттуда до Валуек пешком, по ночам «крепкими местами» и буераками, хоронясь от татар. На этом пути они убили зубра и съели его [Донские дела, кн. 2, 1906]. О зубрах, водившихся в XVII в. в степном Подонье, упоминалось и в неизданном списке «Космографии» Меркатора с дополнениями русского переводчика. В главе «О великом и славном Российском Московском государстве» сказано: «круг реки Дона и иных рек в той же стране по лесам і в степи буйволов і вепрей і изубрей і иных диких зверей безчисленно множество» [Арсеньев, 1911, с. 7].

Из пушного зверя, водившегося в степном Подонье, по-видимому, больше всего добывалось лисиц. Донской атаман Фрол Минаев жаловался в 1687 г. на царицынского воеводу, что у казаков, охотившихся по Медведице и Иловле по казачьим зимовьям, было отобрано 275 лисиц [Дополнения к Актам..., т. 12, 1872].

Степное Предкавказье

Сведения о судьбах и быте народов, населявших эту степную область в XVII в., довольно бедны. Крайне мало известно и о влиянии человека на ее природу в этом столетии.

В целях закрепления своих владений в степном Предкавказье московское правительство решило строить там крепость. В 1654 г. на р. Сунжа был построен острог. Он был заселен терскими стрельцами, гребенскими казаками и кабардинцами. Острог просуществовал недолго. В 1653 г. он подвергся нападению войска, во главе которого находились шамхал Суркай и эндерийский мурза Казаналопа. Острог устоял, но предместье его было выжжено, а гребенские казачьи городки разорены. Вскоре острог был покинут. Для укрепления г. Терки туда было отправлено много людей с огнестрельным оружием [Попко, 1880]. Помимо правительственного переселения русских людей в степное Предкавказье, туда самовольно уходили старообрядцы, спасаясь от жестокого притеснения. В 1680 г. около 1500 человек прибыло на р. Кума. Неподалеку от Мажарского городища они построили городок, окружив его валом и рвом [Попко, 1880]. Вскоре они перебрались на участок приморья между Сулаком и Аграханью.

К исходу XVII в. положение русских в степном Предкавказье изменилось к худшему. В Чечне и Кабарде распространился ислам. Былые добрососедские отношения между чеченцами и гребенскими казаками прекратились и переросли во вражду. Из Чечни и Эндери было совершено нападение на два казачьих городка. Казаки поняли, что им не удержаться у Гребеней, и решили переселиться оттуда. Между 1680 и 1685 гг. они водворились на новые места и заняли мыс у впадения Сунжи в Терек [Попко, 1880].

Появившиеся в степном Предкавказье калмыки стали теснить ногайцев, а затем вошли в соприкосновение с чеченцами. По чеченским преданиям, чеченцы долго боролись с калмыками и отбросили их в прикумские и манычские земли [Попко, 1880].

В 1672 г. Аюка-хан, собрав все калмыцкое войско, забрал в свое подданство Малую Ногайскую орду и отвел ей для кочевья земли по Тереку близ Кабарды. В том же году он увел на Волгу людей Большой Ногайской и Джетысанской (Эдисанской) орд. В 1696 г. Большая Ногайская орда, захватив с собой часть джетысанцев, джембуйлукцев и малоногайцев, откочевала от Волги на Кубань [Бутков, 1869].

Ногайцы и калмыки вели в Предкавказье кочевой образ жизни, и скотоводство было их главным занятием. Некоторые другие народы степного Предкавказья занимались земледелием. В плоской, негористой части Дагестана были пашни, сады, виноградники, в дельте Терека — поливные пашни. Гребенские и терские казаки разводили виноградники и сады. Жители Окоцкой слободы — одного из предместий г. Терки — уже в начале XVII в. пахали пашни, сеяли пшеницу и просо, разводили скот [Кушева, 1963].

Земледелие все же было распространено на небольшой части степного Предкавказья, в котором преобладали степи.

Кое-где по предгорьям и долинам рек были распространены и леса. В середине XVII в. за р. Сунжа, напротив Сунженского острога, был большой лес, в котором преобладали дуб и бук. Этот лес тянулся до кумыцкой степи на 7 верст, а ширина его была до 3 верст. Большой лес тянулся и по другому берегу Сунжи в длину на 7 верст и более, а поперек — от 1 до 3 верст. По Тереку лес тянулся от г. Терки до гор [Кабардино-русские отношения, 1, 1957]. Значительные леса имелись и по Куме. Возле одного из них в 1680 г. поселились старообрядцы, бежавшие из Московского государства [Попко, 1880].

Сведений о распространении и обилии зверей и птиц в степном Предкавказье в источниках XVII в. обнаружить не удалось.

Степное правобережное Поволжье и Волго-Уральское междуречье

Население и его занятия

В XVII в. в населении степного правобережного Поволжья и Волго-Уральского междуречья преобладали кочевники. В первую половину века их основную массу составляли ногайцы.

Важным событием в жизни народов, населявших Волго-Уральское степное междуречье, был приход сюда калмыков и вытеснение ими бóльшей части ногайцев.

На землях по Б. и М. Иргизу, Самаре и среднему течению Яика калмыки пришли в соприкосновение с башкирами, приходившими сюда главным образом на охоту. Между калмыками и башкирами нередко возникали кровопролитные ссоры.

Калмыки пытались нападать и на русские города и селения. В 1631 г., например, около 10 тыс. калмыков напали на Самару, но взять ее не смогли.

Убедившись, что военная борьба с Москвой не приносит успеха, калмыки вступили с ней в соглашение. Калмыкская конница не уступала коннице крымских татар и ногайцев и даже превосходила ее. Поэтому московское правительство считало калмыков своим ценным союзником и привлекало их к военным действиям против внешних врагов и к подавлению восстаний Степана Разина и башкирского 1662—1664 гг.

Во второй половине XVII столетия, после шерти 1657 г. и участия калмыков в походе под Азов и против Малой Ногайской орды, калмыкам было разрешено кочевать и на правобережье Волги к северу от Царицына. Московские власти настойчиво предлагали калмыкам перейти с ногайской (левобережной) стороны Волги на крымскую (правобережную) сторону. С правобережья было удобней привлекать калмыков для военных действий против неприятелей Московского государства.

Московское правительство очень высоко ценило военную помощь калмыков и поэтому разослало указы о том, чтобы русские люди, донские казаки и башкиры «не ссорились» с калмыками, а если кто «начнет ссору», то тех людей велено было вешать без пощады [Преображенский, 1960].

Главным занятием калмыков в мирное время было кочевое скотоводство. Летом они пасли скот там, где трава не была выжжена зноем, а на зиму стремились откочевать туда, где скот мог найти подножный корм и где можно было укрыть его во время буранов. Подсобными занятиями калмыков были охота и рыболовство.

Калмыки нередко применяли облавные охоты и придавали им такое большое значение, что за нарушение порядка налагались наказания и штрафы, обусловленные в законах, принятых на съезде монгольских народов в 1640 г. На того, кто распугает зверей, находившихся в облавном кругу, налагался штраф в пять лошадей. Кто найдет зверя, подстреленного другим охотником, и утаит его — штраф пять скотин и т. д. Особенно большое внимание уделялось охране и сбережению сайгаков — наиболее многочисленного вида копытных в Волго-Уральском степном и полупустынном междуречье. С этой целью устраивались «заповедные места», т. е. заказники, где нельзя было ни охотиться на этих животных, ни пасти скот. На того, кто охотился в заповедных местах или пас там скот и распугивал сайгаков, налагался штраф в девять скотин с верблюдом во главе [Монголо-ойратские законы 1640 г., 1880]. В XVII в. в степном Поволжье оседлое население составляло небольшую часть по сравнению с кочевым и полукочевым. Хотя Самара, Саратов и Царицын были основаны еще в конце XVI в., все оседлое население степного Поволжья было малочисленным как на правобережье, так и на левобережье. В 20-х гг. XVII в., например, земли по левобережным притокам р. Медве-

дица — по Колышлею, Идолге, Карамышу — были угодьями крестьян Шацкого уезда, которые приходили сюда временно для устройства бортей и сбора меда из них, для добычи зверя и ловли рыбы.

К концу XVII в. степные районы, прилегавшие к Самаре и Сызрани, были населены наиболее густо и жители их настолько успешно занимались земледелием, что сюда ежегодно прибывали за хлебом яицкие казаки.

На далекий Яик, отрезанный от остальной России широким и диким степным пространством, шли самые смелые и решительные люди, кому стало невмоготу жить на родной земле. Подавление стрелецких бунтов и лютое, бесчеловечное преследование старообрядцев вынуждали их уходить на далекие окраины государства. За один 1683 г. на Яик бежало 320 человек, преимущественно стрельцов [Карпов, 1911].

Казачье войско на Яике хотя и медленно, но все же увеличивалось, и около 1620 г. казаки основали свой главный город в устье р. Чаган, получивший название Яицкого городка (нынешний г. Уральск). С этого же времени начались постоянные сношения казаков с Москвою, многие взрослые казаки стали нести военную службу. Им приходилось не только отбивать набеги кочевников, но и участвовать в войнах Московского государства с Польшей, Швецией, Турцией и Крымом.

Земледелия у яицких казаков в XVII в. не было совсем. За хлебом казаки ездили в Самару и Сызрань. Продав рыбу, икру и шкуры зверей, они покупали там хлеб. В самарской таможне с них брали десятую часть от привезенных на продажу товаров. Так, в 1679 г. десятинный оклад составлял 546 белуг, 4539 осетров и чалбашей, 600 стерлядей, 674 пуда и 59 гривенок икры; 2000 пучков вязиги, 3 пуда клея [Карпов, 1911].

Главными занятиями казаков в мирное время были рыбная ловля на Яике и охота на копытного и пушного зверя.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

XVIII в. И ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.

Во второй половине этого периода степная зона от Дуная до Урала стала владением Российской империи. Огромные перемены в судьбах народов, населявших степную зону, очень сильно различались в разных степных областях. В связи с этим были различными и изменения в составе угодий. Поэтому рассмотрение этих вопросов ведется по отдельным степным областям. Вопрос же о распространении и обилии зверя и птицы оказалось удобнее обсудить по отдельным их видам по степной зоне в целом. Чтобы показать административное деление, существовавшее в последней четверти XVIII и в первой половине XIX в., прилагаются фотокопии старых схематических карт губерний, находившихся полностью или частично в степной зоне, с разделением их на уезды. Эти карты заимствованы из Атласа, изданного в 1838 г. Письменные источники, относящиеся к данному периоду, гораздо богаче разносторонними сведениями о влиянии человека на изменения природы, чем источники X—XVII вв. Естественно, что этот раздел книги стал наиболее обширным.

Степное Причерноморье

Население и его занятия

С начала XVIII в. и до конца 60-х гг. не произошло больших перемен ни в границах государств, во владения которых входило степное Причерноморье, ни в основных занятиях населения.

Большая часть территории была населена крымскими татарами, ногайцами и запорожскими казаками.

В 1736—1766 гг. ногайцы разделялись на несколько орд. Между низовьями Дуная и Днестра кочевала Буджакская орда. К востоку от нижнего течения Днестра и до низовий Буга находились кочевья Едисанской и Очаковской орд, в них насчитывалось около 40 000 кибиток. По левобережью нижнего течения Днепра, к югу от Кизы-Керменя (Берислава) до Кинбурна кочевала Джембуйлуцкая орда. В ней было около 5000 кибиток. На левобережье кочевала и Едичкульская орда, в которой начитывалось около 40 000 кибиток. Владения этой орды простирались по Днепру от Кизы-Керменя до р. Конская, на востоке — до верховья р. Конская и р. Берда, а на юге до Перекопа [Скальковский, 1843; Струков, 1853].

Лишь небольшая часть ногайцев Буджакской орды занималась хлебопашеством и была оседлой [Скальковский, 1846]. Большинство ногайцев вело кочевой образ жизни. Летом только овцы оставались вблизи ногайских жилищ. Лошадей, быков и верблюдов ногайцы клеймили и выпускали в степь на все лето. Сколько-нибудь точных сведений о количестве скота у ногайцев не удалось найти. Некоторое представление об этом можно составить по количеству скота у ногайцев, кочевавших осенью 1769 г. в окрестностях Хаджибея. Запорожцы при нападении на этих ногайцев отогнали более 20 000 лошадей, около 4000 овец, около 1000 голов рогатого скота и 180 верблюдов [Скальковский, 1886].

У крымских татар хлебопашество было развито в большей степени, чем у ногайцев. Есть известие [Хартахай, 1867], что в XVIII в. татары, жившие внутри Крыма, сеяли пшеницу, овес, ячмень, просо и не нуждались в привозном хлебе. По всей вероятности, это утверждение справедливо лишь в отношении некоторой их части. В 1755 г., например, двое запорожцев, посланных под видом купцов в Крым для разведки, в отчете своем указали на то, что в январе они приехали в Перекоп и дальше ехать не могли, так как в татарских селах, расположенных по тракту из Перекопа в Бахчисарай, нельзя было купить ни сена, ни соломы, ни хлеба. А к тому же и снег лежал «зело великий» [Скальковский, 1846]. Известно также, что в 1769 г. внутри Крыма полевого корма было мало и татары выгнали скот за Перекоп. У татар же, живших к северу от Перекопа, кочевое скотоводство было, по-видимому, таким же главным занятием, как и у ногайцев.

У ногайцев и татар, вероятно, существенное значение имела охота, но сведения об этом очень скудны.

Земледелие в этот период было мало развито и у запорожских казаков. Известно, что в 1709 г. после Полтавской битвы старая Запорожская Сечь была разрушена Петром I до основания. Запорожцы ушли в пределы Крымского ханства и лишь в 1734 г. возвратились на свои старые земли. В 1737 г. у запорожцев было 38 куреней, а в середине XVIII в. Запорожье разделялось на 8 паланок (округов), не считая самой Сечи: Бугогардовскую, Ингульскую, Прогноинскую, Кодацкую, Орельскую, Самарскую, Протовчанскую и Кальмиускую. Запорожцы были твердо убеждены в том, что все земли от рек Синюха, Ташлык и Днепровского лимана на западе до донских станиц на востоке и от Украинской линии на севере до ногайских земель на юге принадлежат им. Площадь запорожских земель составляла 8 млн. десятин.

В начале 50-х гг. XVIII в. на этих землях проживало около 13 000 казаков и около 5000 крестьян мужского пола. В 1767 г., по данным ревизии, насчитывалось 20 114 человек [Дружинина, 1959; Кабузан, 1966]. В 1768 и 1769 гг. на Запорожье напали ногайцы и крымские татары; они разграбили и сожгли все зимовники на Орельской, Самарской и Протовчанской паланках [Скальковский, 1886]. В 1775 г. на землях Запорожья было учтено 40 492 души мужского пола, 45 деревень и 1601 зимовник [Кабу-

зан, 1966]. Кроме того, из Запорожья в Турцию после уничтожения Сечи эмигрировало около 9 000 запорожских казаков. Близкие к этим данные приведены и Е. И. Дружининой [1959]. По ее мнению, на запорожских землях после уничтожения Сечи было около 60 000 человек, не считая беглых крестьян, число которых определялось приблизительно в 40 000 человек. Плотность же населения в это время составляла около 1,3 человека на 1 кв. версту.

Жизнь, полная тревог, и сознание, что всегда нужно быть готовым к отражению татарских и ногайских погромов, не могли способствовать развитию земледелия на запорожских землях. В январе 1755 г. запорожский кошевой атаман просил, чтобы ввозимые в Запорожье «съестные и питейные припасы» и вывозимые из него товары не облагались пошлинами в Переволочной и Кременчугской таможнях. Атаман писал, что в хлебе стала «немалая трудность» и что «войско Запорожское из давних лет и нынче хлеба не пашет» [Материалы для истории южнорусского края..., 1886]. Атаман был все же не вполне прав, утверждая, что запорожцы не сеяли хлеба. В Бугогардовской, Ингульской и Кальмиуской паланках земледелия не было вовсе, но в Кодацкой, Протовчанской, Орельской и Самарской паланках земледелием занимались, хотя и в небольших размерах [Скальковский, 1846]. Все же своего хлеба запорожцам действительно не хватало. В 50-х гг. XVIII в. в Запорожье ежегодно привозилось около 90 000 пудов ржаной муки, около 9000 пудов пшеничной и около 40 пудов пшена. Кроме хлеба, в Запорожье привозили по 500 «малороссийских» бочек горилки [1], материалы для одежды, 4000 пудов ниток для вязания сетей, порох, свинец и ружья.

Основным занятием запорожцев, живших на зимовниках, было скотоводство. У богатых казаков, принадлежавших к запорожской старшине, скота было много. В зимовнике Колпака, полковника Орельской паланки, например, в 1769 г. было 1200 овец, 127 лошадей, 85 кобылиц, 120 волов, быков разного возраста 120, коров 54. Остальная скотина не считана [Скальковский, 1846].

Помимо скотоводства, важными занятиями запорожцев были рыбная ловля и охота на зверя. Запорожцы ловили рыбу не только для себя, но и на продажу. В 50-х гг. они отправляли ежегодно в Россию 4000 четвертных возов вяленой и соленой рыбы. (Четвертными назывались, по-видимому, возы, которые могли везти четыре вола. На такие возы клали около 90 пудов). Известно также, что в 60-х гг. XVIII в. запорожцы, жившие в низовьях Буга и Днепра, продавали ежегодно не менее 10 000 возов рыбы в Польшу и Елисаветградскую провинцию [Топографическое описание..., 1868].

Коренные изменения в государственном устройстве северного Причерноморья произошли в последней трети XVIII и в начале XIX в. В войну 1769—1774 гг. турки потерпели полное поражение и русская армия взяла Геническ, Перекоп, Кинбурн, Хотин, Бен-

[1] В бочке было от 40 до 60 ведер.

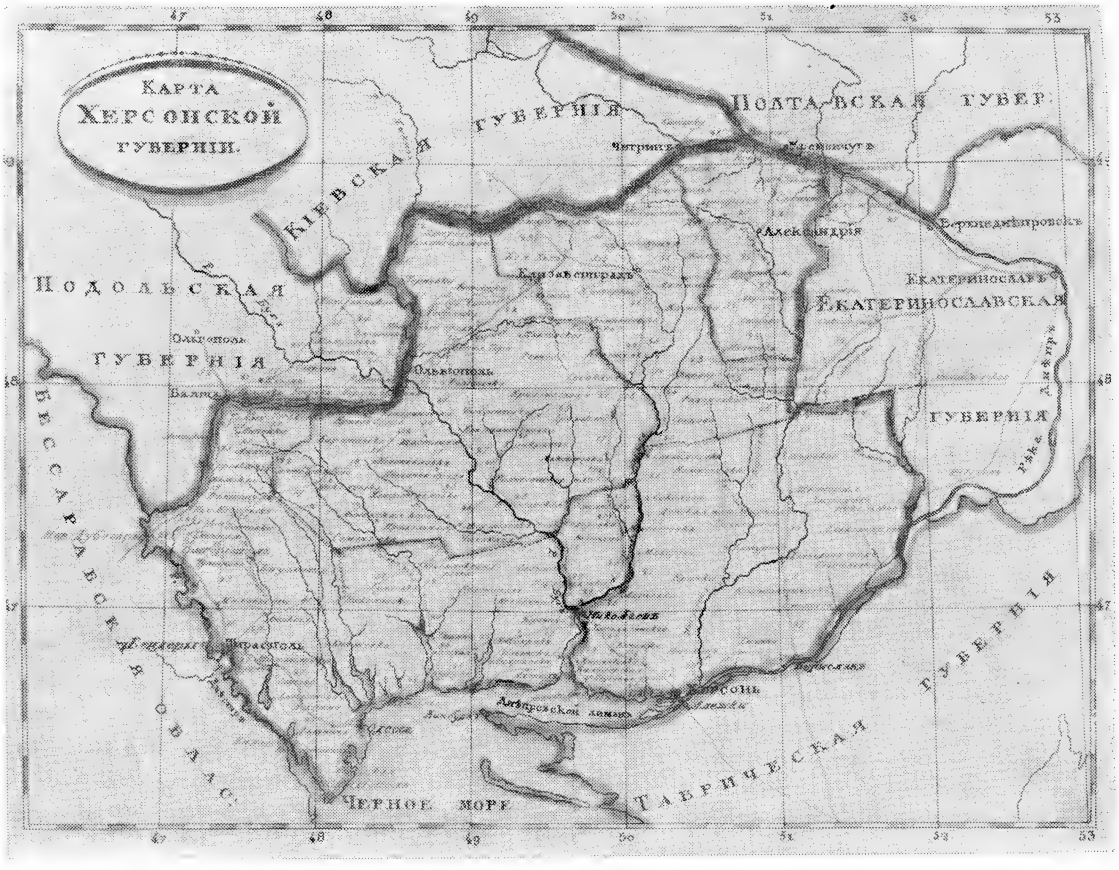


Рис. 1. Схематическая карта Херсонской губернии

Фотокопия из Атласа Российской империи..., 1838 г.

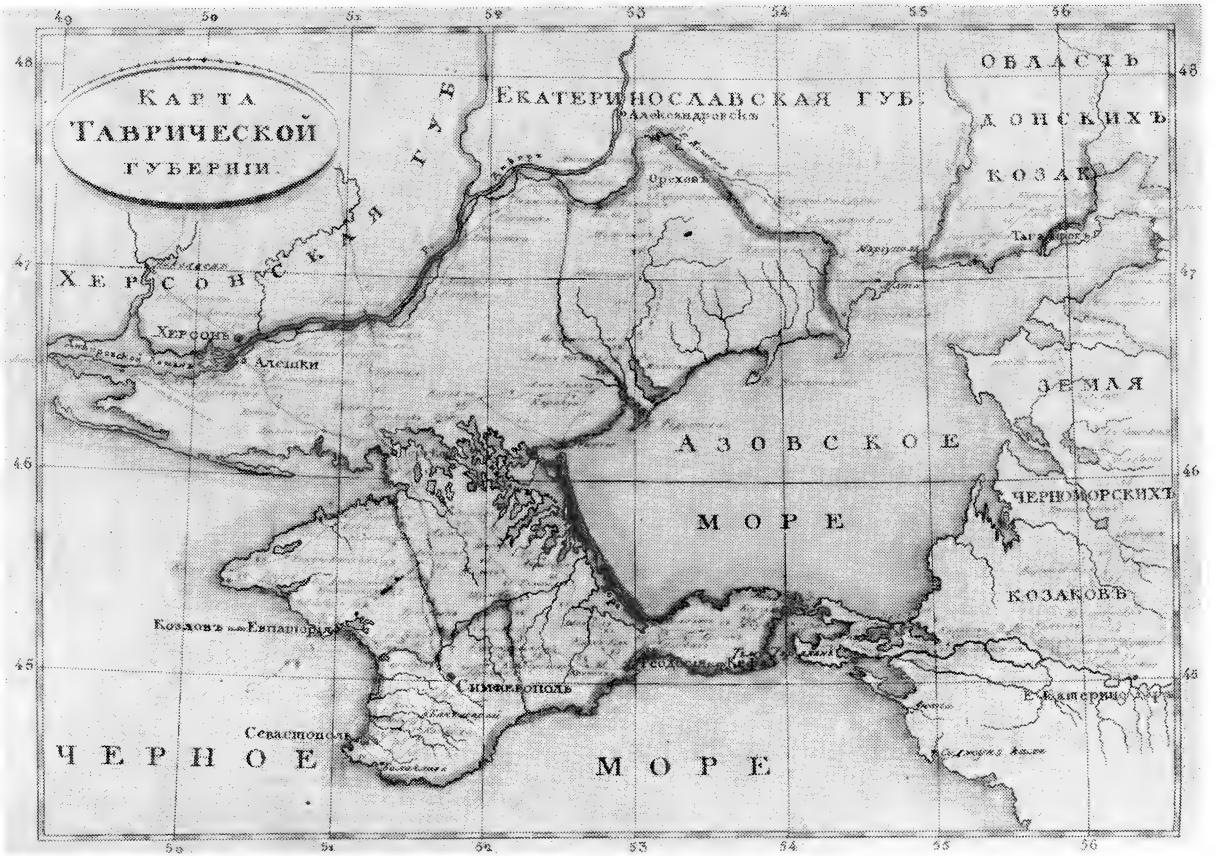


Рис. 2. Схематическая карта Таврической губернии

Фотокопия из Атласа Российской империи..., 1838 г.

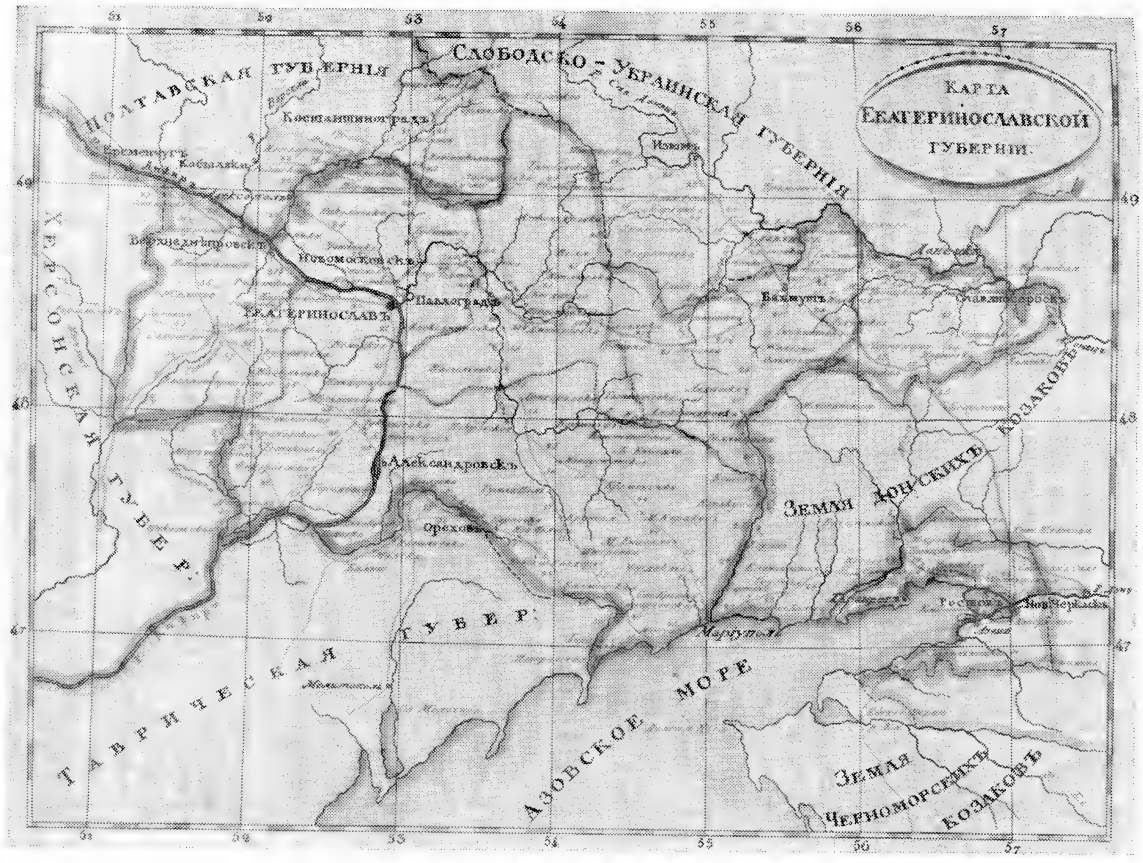


Рис. 3. Схематическая карта Екатеринославской губернии

Фотокопия из Атласа Российской империи... 1838 г.

деры, Аккерман. В 1787—1791 гг. Буджак, Бессарабия, Молдавия, Валахия и крепости от Очакова до Измаила и Хотина сдались русской армии. Днестр стал государственной границей Российской империи, а после войны 1806—1811 гг. границей стал Прут.

Эти события повлекли за собой крупные перемены в составе населения. В 1770 г. Буджакская и Едисанская ногайские орды отпали от Турции и подчинились России. В пределах Российской империи их места жительства менялись несколько раз. В 80-х годах XVIII в. ногайцы, жившие между Доном и Кубанью, подняли восстание. Часть их погибла в сражениях, другие ушли за Кубань, и только немногие остались на территории России [Дружинина, 1959].

Немного ногайцев осталось и в других ордах. При генерал-губернаторе Новороссии А.-Э. Ришелье около 17 000 ногайцев Едисанской, Джембуйлуцкой и Едичкульской орд были поселены в Причерноморье на Молочных водах. В 1812 г. по мирному договору ногайцы Буджакской и значительной части Едисанской орд решили переселиться в Османскую империю и чуть не погибли при переходе в морозную зиму 1812/13 г. В 1816 г. на Молочных водах осталось около 28 000 ногайцев [Скальковский, 1843].

В 1775 г. была уничтожена Запорожская Сечь. Земли запорожского казачества и степи, где прежде кочевали ногайцы и татары, стали быстро заселяться. По данным VI ревизии, с 1795 по 1811 г. в Екатеринославскую губернию переселились 20 422 души мужского пола, в Херсонскую — 21 374 и в Таврическую — 36 029 (рис. 1—3), причем в Таврической губернии заселились главным образом Днепровский и Мелитопольский уезды [Кабузан, 1966].

Все же плотность населения была еще невелика. В 1832 г. в громадном Днепровском уезде Таврической губернии, занимавшем 1726 тыс. десятин, плотность населения составляла всего лишь 3,5 человека на 1 кв. версту. В Екатеринославской губернии во время генерального межевания 1798—1807 гг. плотность населения составляла от 4,0 (Александровский уезд) до 11,0 (Новомосковский уезд) человек на 1 кв. версту.

В занятиях сельского населения южной окраины Новороссии скотоводство имело в то время большее значение, чем земледелие. В экономических примечаниях к генеральному межеванию Днепровского уезда 1832 г. упоминалось, например, что жители занимались преимущественно скотоводством и лишь отчасти — хлебопашеством. В первой трети XIX в. в некоторых крупных хозяйствах большое значение стало приобретать разведение тонкорунных овец. Так, у одного владельца был завод испанских овец в 18 000, у другого — в 6000 голов и т. д.

В Херсонской и Екатеринославской губерниях земледелие развивалось более успешно, чем в Таврической. Об этом можно судить по площади, которую занимали пашни.

Основные угодья

В первые три четверти XVIII в. в степном Причерноморье преобладали обширные целинные степи. Известно, например, что после поражения под Полтавой Карл XII и Мазепа с небольшими отрядами запорожцев и шведов решили укрыться в турецких владениях. Чтобы запутать следы и спастись от преследования русских, запорожцы выбрали путь, где не было дорог. Переправившись через Днепр, они шли к низовью Буга около 250 км по необозримой степной равнине, где не было видно ни жилья, ни людей, ни домашних животных. Лишь в одном месте был встречен обоз из нескольких чумаков [Adlerfeld, 1740].

Территория, где кочевали ногайцы, была покрыта также главным образом степями. Земли, занятые Буджакской ордой, в 60-х гг. XVIII в. назывались Буджакской степью. «Пустая и дикая степь» преобладала в те же годы и на землях запорожского казачества [Чернявский, 1852].

Распахивание степей и превращение их в поля производились в очень малых размерах. Все же влияние человека сказывалось и в это время. Оно проявлялось через выпас домашнего скота, который был умеренным и не приводил к превращению целинных степей в скотосбой. У ногайцев и татар было кочевое скотоводство и места выпаса менялись по мере стравливания травы. У запорожцев же скот выпасался близ зимовников, разбросанных по одиночке или малыми группами среди обширных степей.

Диких копытных животных стало гораздо меньше, и поэтому в северной полосе степного Поднепровья степи были покрыты густым и высоким травяным покровом. «Тоди травы велики росли», — рассказывал Д. И. Эварницкому старый казак, помнивший времена Запорожья и живший в окрестностях Никополя. «Як глянеш, так наче жито стоить... Пидешь косить, косою не одвернеш» [Эварницкий, 1888, с. 6—7]. Сходное впечатление произвели в 1799 г. на П. Сумарокова и степи Бессарабии: «сенолиственные пастбища достигают такой высоты, что стрегомых среди них стад совсем не видно» [Сумароков, 1800, с. 255].

Помимо выпаса скота, был еще и другой вид воздействия человека на степи — их выжигание. В особенно больших размерах оно проводилось во время войн.

В июле 1735 г., например, запорожские казаки, возвратившиеся с разведки из ногайских степей, известили Сечь, что ногайцы, кочевавшие у Молочных Вод, пускали пожар по дальним степям, чтобы истребить подножный корм в случае вступления российской армии в их пределы. В октябре того же года ногайцы выжигали степи перед наступавшими русскими войсками.

Примерно 2 года спустя полковник Фермон, участник похода Миниха, записал в дневнике: «8 июля 1737 г. Армия стала бивуаком при впадении Буга в лиман. Неприятель выжег всю траву... 15 июля. Армия прошла 92 версты по выжженной степи... 27 июля. День и ночь армия переправлялась через Буг. К вечеру неприятель

Таблица 1

Соотношение земельных угодий *, %

Губерния и уезд	Общая земельная площадь, десятин	Пашни и приусадебные земли	Степи ** и сенокосы	Неудобные земли	Леса
Херсонская					
Тираспольский ***	995 448	16,4	76,6	5,0	2,0
Таврическая					
Днепровский ***	1 726 598	10,5	79,0	10,2	0,3
Екатеринославская					
Новомосковский	588 254	29,9	55,1	10,5	4,5
Павлоградский	783 556	30,6	60,8	8,0	0,6
Екатеринославский	680 476	21,8	65,1	9,6	3,5
Верхне-Днепровский	629 401	31,5	60,5	7,0	1,0
Александровский	1 676 205	10,3	80,0	8,9	0,8

* По данным экономических примечаний к генеральному межеванию, проведенному в Новороссии в конце XVIII—первой трети XIX в.

** Выкашиваемые и невыкашиваемые степи объединены в одну графу «степи и сенокосы».

*** По другим уездам этих губерний, находившихся полностью в степной зоне, сведений о соотношении угодий не удалось найти.

зажег траву по дороге к Бендерам... 28 июля. К вечеру в направлении к Бендерам вся степь охвачена огнем» [Сборник военно-исторических материалов, 1904, с. 52, 54, 58].

Среди травяных степей были нередки заросли терна, степной вишни, чилиги и других степных кустарников. Описывая Очаковскую землю [2], А. Мейер [1794] отметил, например, что все степи были усеяны степными вишнями.

Почти до конца XVIII в. земледелие в степном Причерноморье развивалось очень медленно. После присоединения Крыма к России хлебопашество стало приобретать большее значение и пашни к концу 20-х гг. XIX в. уже занимали от 10 до 30% территории. Степи все же оставались преобладающим типом угодий (табл. 1).

Данные о преобладании степей дополняются сведениями, имеющимися в записках путешественников. Сообщалось, например, что в 1799 г. на пути от Елисаветграда (Кировоград) до Николаева тянулась необитаемая людьми степь, а между Богоявленском и Херсоном лежала степь, где не было никакого жилья [Сумароков, 1800]. Не было следов жилья и в степи между почтовой станцией Киргинцей и Херсоном, а неподалеку от Херсона на Ингульском поду находилась безводная степь, около 100 верст в окружности [Измайлов, 1802].

Среди обширных степных пространств находились и леса. В степном Поднепровье большая часть их располагалась к северу

[2] Границами этой земли были: на западе — Днестр, на востоке — Буг, на севере — р. Кодыма, на юге — побережье Черного моря.

от днепровских порогов. Но и здесь крупных лесных массивов было немного.

В годы генерального межевания один из них площадью в 2222 десятины находился в Верхнеднепровском уезде во владениях сел Калужино, Днепрово-Каменка, Бородаевка.

Другой крупный лесной массив, существовавший в годы генерального межевания в степном Причерноморье, простирался по р. Самара. Наиболее значительный участок этого леса, площадью 3521 десятина, состоял из дуба и сосны, к которым примешивались клен, ясень, береста, липа. По заболоченным низинам росла черная ольха. Лес с этого участка шел на нужды винокуренных заводов и кожевенной фабрики, принадлежавших помещику Родзянко [3].

Мелких лесов и перелесков было гораздо больше. Они были расположены в поймах рек, на нижних надпойменных террасах, по балкам, на склонах северной экспозиции, среди обширных песчаных кучугуров.

Доля лесов в общей земельной площади показана в табл. 1. По Екатеринославской губернии имеются сведения о площади лесов, относящиеся ко времени генерального межевания, а также и к 1846 г. (табл. 2).

Таблица 2

Лесистость в Екатеринославской губернии, 1798—1807 гг.

Уезд	Площадь лесов, десятин	
	во время генерального межевания *	в 1846 г.**
Новомосковский	26 011	28 410
Павлоградский	4 858	7 230
Верхнеднепровский	6 400	4 918
Екатеринославский	23 939	27 596
Александровский	14 180	7 705

* ЦГАДА, ф. Экон. примеч., Екатеринославская губ., д. 2.

** Журн. М-ва внутр. дел. 1846, ч. XVI, № 11.

Площадь лесов оказалась близкой по этим двум временны́м рубежам. Лишь в Александровском, самом южном уезде, в 1846 г. она оказалась в два раза меньше, чем во времена генерального межевания. В Новомосковском, Павлоградском и Екатеринославском уездах площадь лесов в 1846 г. показана даже немного большей, чем во время генерального межевания. Это, возможно, объясняется большей точностью учета, либо некоторыми изменениями границ уездов. Наимейее лесистой была та часть степного Поднепровья, которая находилась к югу от днепровских порогов.

[3] ЦГАДА, ф. Экон. примечания, Новомосковский у., д. 23.

В конце XVIII в. (в последние годы существования Запорожской Сечи) и в начале XIX в. наиболее крупные лесные и лесоплавневые массивы в степном Причерноморье находились по нижнему течению Днепра, от современного г. Запорожье и до впадения Днепра в Днепровский лиман.

Самый крупный из этих массивов простирался от того места, где теперь находится г. Запорожье, и заканчивался приблизительно у с. Князь-Григорьевка. Во времена Запорожской Сечи он назывался Великим Лугом и представлял собой громадный вековой лес, изрезанный протоками рек Днепр и Конская, ериками, пойменными озерами и перемежавшийся с плавнями и лугами, а кое-где и с песчаными дюнами. Великий Луг тянулся в длину верст на 70, а в ширину верст на 25 [Эварницкий, 1890].

Второй крупный лесной и лесоплавневый массив находился в низовьях Днепра. По сообщению Андреевского [1834], в 1802 г. вдоль Днепровского лимана, между селениями Казачьи Лагеря, Чолбасы, г. Алешки и с. Голая Пристань, было около 5000 десятин леса. Года четыре спустя этот лес был отдан в распоряжение казенных поселян, а к 1834 г. от него остались лишь следы. Сведения Андреевского подтверждаются Экономическими примечаниями к генеральному межеванию Днепровского уезда, составленными в 1832 г. В это время во владении с. Голая Пристань оставалась лишь 321 десятина леса, а во владении д. Чолбасы — 181 десятина. Однако во владении Збурьевского лимана было еще 1397 десятин леса. Эти сведения о лесах и лесоплавнях, находившихся по нижнему течению Днепра в конце XVIII—начале XIX в., интересно сопоставить с тем, что сообщил о лесах степного Причерноморья Геродот (он жил в 484—425 гг. до н. э.).

По словам Геродота, Скифия представляла собой равнину, богатую травой и крайне бедную лесом [1972, с. 201]. В другом месте, говоря об области, где жили царские скифы, Геродот утверждал: «во всей земле скифов, кроме Гилеи, не встретишь деревьев» [1972, с. 192].

Где же была Гилея? Высказывалось мнение, что Гилеей Геродот называл лесоплавневый массив в низовьях Днепра. Так, например, по словам М. И. Артамонова, «к востоку от Борисфена, (Днепра. — *С. К.*) близ его устья, находилась лесная область Гилея [1956, с. 293]. То же самое утверждал и П. Д. Либеров: «по Геродоту, в пойме нижнего Днепра находилась лесистая страна, называемая Гилеей» [1960, с. 115]. Эти представления были основаны на словах Геродота: «за Борисфеном же со стороны моря сначала простирается Гилея, а на север от нее живут скифы-земледельцы» [Геродот, 1972, с. 192]. Однако эти слова Геродот относил не ко всей Гилее, а лишь к ее южной окраине.

В его «Истории» имеется и другое указание о Гилее. Описывая наиболее значительные реки, протекавшие по Скифии, Геродот шел с запада на восток. Первой из них был назван Истр (Дунай), затем — Тирас (Днестр), Гипанис (Южный Буг), Борисфен (Днепр). Из рек, находившихся в Скифии к востоку от Борисфена,

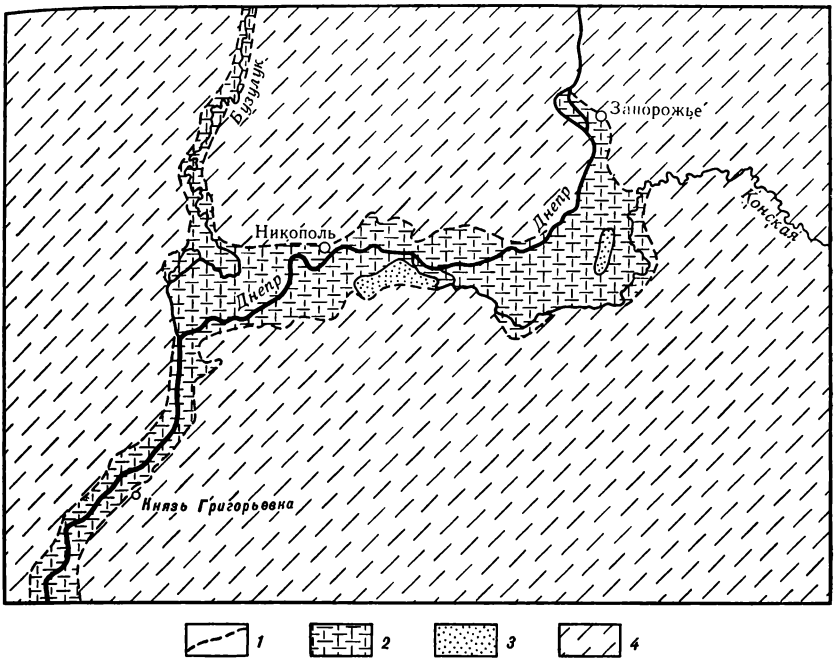


Рис. 4. Схема лесоплавневого участка в среднем течении Днепра по данным 1930 г. (северная окраина геродотовой Гилеи)

1 — граница участка; *2* — леса и плавни; *3* — пески; *4* — степи и с. х. угодья на месте степей

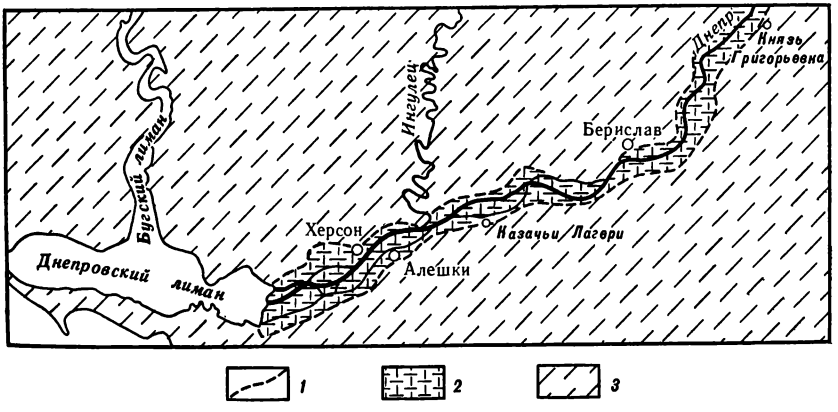


Рис. 5. Схема лесоплавневого участка в нижнем течении Днепра по данным 1930 г. (южная окраина геродотовой Гилеи)

1 — граница участка; *2* — леса и плавни; *3* — степи и с. х. угодья на месте степей

Геродот назвал сначала Пантикап, а затем — Гипакирис, Герр и Танаис (Дон).

Говоря о Пантикапе, Геродот заметил, что эта река протекала через Гилею, а затем, минуя ее, сливалась с Борисфеном. Это описание достаточно точно подходит к той реке, которая теперь называется Конская. Приблизившись к Днепру, она отклонялась к востоку и, обогнув территорию между ней и Днепром, впадала в него («сливалась с Борисфеном»). Затем она отделялась от Днепра и снова сливалась с ним. Никакого противоречия между этими двумя указаниями Геродота о местонахождении Гилеи нет. В первом из них было сказано, где находилась южная окраина Гилеи, а во втором — где она заканчивалась на севере.

Следовательно, Гилея в геродотово время представляла собой лесоплавневый массив, тянувшийся вдоль Днепра от о. Хортица до его устья.

На карте, составленной в XIX в., северный участок Гилеи представлен в следующем виде (рис. 4).

Сохранились сведения и о том, что было на месте южной окраины геродотовой Гилеи в начале XIX в. н. э. По сообщению Андреевского [1834], в 1802 г. вдоль Днепровского лимана между селениями Казачьи Лагери, Чолбасы, Голая Пристань и г. Алешки было около 5100 десятин леса. Года четыре спустя этот лес был отдан в распоряжение казенных поселян, а к 1834 г. от него остались лишь следы. Это замечание Андреевского подтверждается экономическими примечаниями к генеральному межеванию Днепровского уезда, составленными в 1832 г. В это время во владении с. Голая Пристань была лишь 321 десятина леса, а во владении с. Чолбасы — 131 десятина. Однако во владении Збурьевского ретраншемента было 1397 десятин леса [4].

На карте, составленной в XIX в., южная окраина геродотовой Гилеи изображена в следующем виде (рис. 5). Следовательно, границы Гилеи, описанной Геродотом, оставались почти неизменными до конца XVIII в.

Степное Подонье

Население и его занятия

Направляя армию для подавления Булавинского восстания, Петр I приказал: «все казачьи городки, лежащие по Донцу, Медведице, Хопру, Бузулуку и Иловле, сжечь и разорить до основания...». Этот приказ был исполнен: все казачьи городки по Северскому Донцу (от устья Оскола до Луганской станицы), по Айдару, Деркулу, а также по Медведице, Хопру, Бузулуку и Иловле были разорены или сожжены. Та же участь постигла и городки по нижнему течению Дона, принявшие участие в восстании [Савельев, 1870, с. 59—61].

[4] ЦГАДА, ф. Экон. примечания, Днепровский у., д. 1, л. 1 и 28.

В начале XVIII в., после подавления Булавинского восстания, земли по Донцу были изъяты из владений Войска Донского и причислены к Бахмутской провинции, а затем по Хопру — к Воронежской провинции.

После разгрома Булавинского восстания бегство крестьян на Дон временно прекратилось, но уже в 1724 г. в грамоте, отправленной на Дон, приказывалось, чтобы оттуда выслали беглых крестьян с их семьями к прежним владельцам. Тем не менее в 40-х гг. наблюдалось массовое переселение крестьян в степное Подонье [Пронштейн, 1961].

Хотя жизнь донских казаков и крестьян была тревожной из-за набегов кочевников, все же основными занятиями большинства казаков были скотоводство и земледелие. В 60-х гг. XVIII в. в обширных степях между Хопром и Медведицей казаки занимались преимущественно разведением скота, особенно лошадей [Фальк, 1824]. Табуны лошадей находились в степи на подножном корме почти круглый год; лишь в особенно многоснежную пору или в гололедицу лошадей загоняли на базы, где им давали сено. (Базы устраивались из одной огорожи и были открыты сверху.) Рогатый скот также почти круглый год пасся в степи. Кроме лошадей и крупного рогатого скота, казаки разводили овец [Статистическое описание..., 1891].

В степях между Хопром и Медведицей в конце 60-х гг. XVIII в. зерновых засевалось немного и их не хватало для пропитания местных жителей [Фальк, 1824]. По наблюдениям Гюльденштедта, в начале 70-х гг. XVIII в. на миусских землях сеяли преимущественно рожь и просо. Урожай был хороший. Жнивье на полях выжигалось, но они не унаваживались. Украинцы, жившие по Миусу, пахали большим плугом, впрягая в него 4 пары волов: казаки пахали русской сохой [Guldenstädt, 1791].

О том, что еще в 70-х гг. скотоводство у донских казаков имело бóльшее значение, чем земледелие, можно судить и по ценам на мясо и на муку. Пуд говядины в те годы стоил 80 коп., пуд баранины — 60 коп., а мера [5] пшеничной муки — 1 руб. 20 коп. [Щелкунов, 1911].

Даже в первой половине XIX в. главным занятием донских казаков было разведение скота, особенно лошадей [Статистическое описание земли донских казаков..., 1864].

У казаков, живших по Азовскому побережью и близ Дона, большое значение имело рыболовство. Об обилии рыбы можно судить по ценам на нее. В 70-х гг. XVIII в. пуд осетрины и другой красной рыбы стоил 80 коп., а пуд черной икры — 3 руб. 20 коп. [Щелкунов, 1911].

Местами существенное значение имела и охота.

Хотя степное Подонье усиленно заселялось с 40-х гг. XVIII в., все же жизнь казаков и поселившихся среди них крестьян была тревожной почти до конца этого столетия [Гмелин, 1771]. Описы-

[5] Мера муки — приблизительно 1 пуд.

вая жизнь казаков в Верхне-Курмоярской станице во второй половине XVIII в., Е. Котельников отмечал, что кочевники нередко громили казаков и убивали их. На полевые работы и на сенокос выезжали всей станицей при оружии, под прикрытием сторожевых разъездов. Если возникала опасность нападения, старики посылали из станицы вестников, мчавшихся со знаменами по полям и покосам. Казаки, увидев знамена, бросали работу и собирались в осаду [Котельников, 1886].

В мирное время калмыки, жившие на Дону, занимались в основном скотоводством и широко кочевали по степному Подонью, а иногда выходили и за его пределы. В декабре 1723 г., например, калмыцкий тайша Четер отошел от Аюки хана на Дон. В том же году Артемий Волынский (бывший тогда астраханским губернатором) позволил другому тайше — Досангу кочевать по Дону. Распоряжение Волынского не было одобрено правительством, и в грамоте к нему было сказано, что лучше бы калмыкам кочевать попрежнему в Поволжье. 30 июня 1724 г. Волынский доносил, что Четер кочевал близ Черкасского городка на восточной стороне Дона, а два других крупных калмыцких владетеля — на восточной стороне Хопра близ Дона. В ноябре 1725 г. двум внукам Аюки хана (Досангу и Петру Тайшину) было позволено кочевать на левобережье Дона, где кочевал и Четер. У всех их было около 14 000 кибиток. Считалось, что на левобережье Дона калмыков было немногим меньше, чем к востоку от Волги. Калмыки из улусов, принадлежавших Четеру, кочевали на Дону и в 1740 г.[6]

Основные угодья

В этот период у калмыков и ногайцев, живших в донских степях, хлебопашества почти не было и главным занятием их было скотоводство. Донские казаки хотя и занимались земледелием, но и у них оно имело меньшее значение, чем разведение скота.

Вследствие этого в угодьях степного Подонья преобладали степи. В Приазовье, например, между с. Сарматское (находившимся в 20 верстах к северу от Таганрога) и г. Бердянск на протяжении 200 верст тянулась степь, где не было ни одного селения [Güldenstädt, 1791].

В 1769 г. по земле донских казаков путешествовал С. Г. Гмелин. Он сообщил, что на его пути «пустая», т. е. целинная, лишь кое-где распаханная степь тянулась от Казанской станицы [7] до самого Черкасска. Путь Гмелина шел вдоль Дона, т. е. по наиболее населенной части земли Войска Донского. Пройдя этот путь длиной около 800 км, Гмелин пришел к заключению, что земля Войска Донского «лежит в запустении и представляет дикую степь» [Гмелин, 1771, с. 269].

И. Фальк, путешествовавший в том же, 1769 г., сообщал, что

---

[6] ЦГАДА, ф. 119, д. 2, л. 3—5 и 43.

[7] Эта станица находилась в 60 км к юго-востоку от г. Богучар.

на северной окраине степной зоны, между Тамбовом и Хоперском, находилась Большая Ярославская степь, простиравшаяся на 150 верст. Обширные степи тянулись и далее, между Хопром и Медведицей.

Степи Подонья были неоднородными в природном отношении, и яснее всего это проявлялось в составе травянистых растений. Степи Приазовья и северной окраины Подонья были преимущественно ковыльно-разнотравными. К югу от них простирались ковыльные степи южного типа, а также — ковыльно-полынные степи. В XVIII и в первой половине XIX в. эти степи использовались главным образом для скотоводства. Пашни здесь было мало и поля располагались небольшими участками по наиболее пригодным для земледелия местам.

Сведения о том, какую именно долю территории занимали поля в степном Подонье в это историческое время, обнаружены лишь в экономических примечаниях к генеральному межеванию Бахмутского и Славяносербского уездов [8] (табл. 3).

Таблица 3

Соотношение земельных угодий, %
1798—1807 гг.

Уезд	Общая площадь, десятин	Пашни	Степи и сенокосы	Неудобные земли	Леса
Славяно-Сербский	456 073	28,6	53,8	14,5	3,1
Бахмутский	820 491	21,9	65,9	11,2	1,0

В XVIII в. леса в степном Подонье занимали небольшую площадь по сравнению со степями и тогда уже в некоторых местах чрезмерно вырубались. Особенно сильному истреблению подверглись леса в окрестностях Бахмутского и Торского соляных заводов. Уже в середине 30-х гг. XVIII в. в Торском заводе выварка соли резко сократилась, так как лес в его окрестностях был почти весь истреблен. По словам современников, «за недостатком в дровах сей завод уже почитай весь упал»[9]. На бахмутские солеварни дрова доставляли главным образом из лесов, расположенных по р. Бахмут и его притокам. К середине 30-х гг. леса и там были так вырублены, что возчикам приходилось ездить за дровами за 80—100 верст к югу от Бахмута, а там татары нередко убивали их или уводили в плен.

Леса Бахмутской провинции[10], расположенные по Северскому Донцу, были в то время в лучшем состоянии. В 30-х гг. XVIII в.

[8] Бахмут теперь — Артемовск, а Тор — Славянск.
[9] ЦГАДА, ф. 375, д. 62, л. 12—16.
[10] По административному делению 1745 г. в Бахмутской провинции имелись следующие городки и слободы: на левобережье Северского Донца — Царево-Борисов, Ямполь, Краснянский, Боровой, Трехизбянский, Новый Айдар, Старый Айдар, Теплянский, а на правобережье — Маяки, Тор, Райгородок, Бахмут.

донские казаки рубили лес в Трехизбянском юрту (позже на территории этого юрта был построен г. Славяносербск). В 1739 г. рубка леса была запрещена, и там были устроены засеки для защиты от набегов крымских татар.

В 40-х гг. дубовые леса имелись в Краснянском, Сухеревском, Старо-Айдарском, Теплянском и некоторых других юртах.

Донские казаки просили позволить им рубить там лес. Казакам отказали, потому что сенат велел хранить эти леса, как пригодные «для судового казенного строения» [Акты... к истории Войска Донского..., 1894].

Довольно богат лесом был бассейн р. Миус, особенно его верховий, где находились крупные лесные массивы, называвшиеся Леонтьевыми, Глухими и Березоватыми буераками. На Леонтьевы буераки обратил внимание еще Петр I, так как там и в соседних балках росли огромные дубы, пригодные для постройки морских судов [Кириллов, 1913]. При размежевании донских и запорожских казачьих земель Леонтьевы и Глухие буераки были отведены Войску Донскому. Донские казаки обратились к правительству с просьбой запретить рубку леса в этих буераках бахмутским жителям, которые возили оттуда бревна и дрова на продажу в Бахмут и Тор и немало уже опустошили эти леса. Однако правительство отказало казакам в их просьбе, сославшись на то, что остановится солеварение в Бахмуте и Торе. Доходы же казны от пошлин за солеварение доходили до 40 000 рублей, что по тогдашним ценам составляло крупную сумму.

Четверть века спустя, в 1773 г., Глухие и Леонтьевы буераки посетил И. А. Гюльденштедт. Там все еще было много хорошего, ровного леса из дуба, липы, яблони и груши. Вырубание лесов в бассейне р. Миус продолжалось и в 70-х гг., когда один купец заключил сделку на поставку с Миуса для Таганрогской крепости 1000 куб. саженей дров по 11 руб. за сажень. Южнее Таганрогской укрепленной линии весь лес был уже вырублен, и ближайшие леса оставались верстах в 40 к северу от нее. В 1793 г. Глухие, Леонтьевы и Березоватые буераки (лес) были отданы в ведение Черноморского флота, а в 1799 г. переданы в Лесное управление. В 1812 г. Глухие и Березоватые буераки были возвращены Войску Донскому, но Леонтьев лес остался казенной дачей и был причислен к Ростовскому лесничеству [Кириллов, 1813].

Кое-где значительные участки леса были и по самому Дону, даже в его нижнем течении. В конце XVIII в. в окрестностях Верхне-Курмоярской станицы, например в займищах по Дону и Аксаю, были леса из осокоря, тополя, ивы и вяза, а в урочище «Пески» был лес из осины, березы, яблони и груши. Когда из-за Волги прикочевали калмыки и стали зимовать по Аксаю и левобережью Дона, они истребили там леса в жестокие зимы на обогрев и корм скоту [Котельников, 1886]. Береза была одной из главных пород и в некоторых других лесах по Дону. В указе императрицы Елизаветы Петровны, посланном в 1750 г. на Дон, упоминалось что комендант Дмитриевской крепости (впоследствии переимено

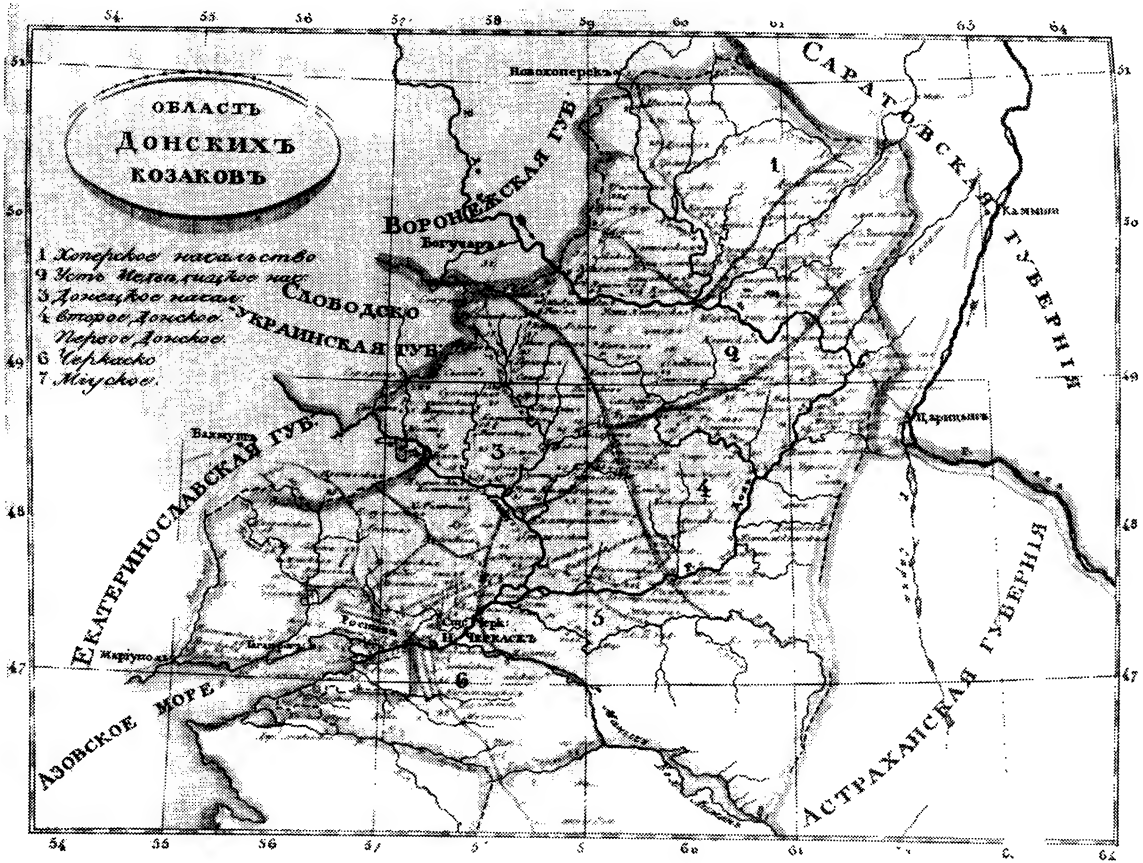


Рис. 6. Схематическая карта Области донских казаков

Фотокопия из Атласа Российской империи..., 1838 г.

Таблица 4

Лесистость в области Войска Донского, середина XIX в.

Уезд	Площадь лесов, десятин	
	станичных	войсковых
Хоперский	70 701	6 632
Усть-Медведицкий	118 087	20 340
Донецкий	31 400	3 525
Миусский	1 656	1
Черкасский	681	—
Первый Донской	14 955	—
Второй Донской	54 678	—

ванной в г. Камышин) отдавал березовый лес Калачевской слободе на откуп, для производства дегтя, а донским казакам запрещал въезжать в этот лес.

Наиболее крупные леса в степном Подонье находились по нижнему течению Хопра и Медведицы.

Сведения о том, какую площадь занимали леса, относятся к первой половине XIX в. В области Войска Донского (рис. 6) леса находились главным образом в станичном, т. е. в общем пользовании казаков, живших в той или иной станице, а меньшую их часть составляли общевойсковые леса. Распространение в середине XIX в. лесов приводится в табл. 4 [Вершинин, 1861].

Степное Предкавказье

Население и его занятия

В населении степного Предкавказья произошли очень большие изменения, тесно связанные с военными и политическими событиями.

В первые три четверти XVIII в. славянское население Предкавказья было очень немногочисленно. В 1711 г. губернатор Апраксин уговорил гребенских казаков, осевших на приморском мысу между Сулаком и Аграханью, перебраться на левый берег Терека, где стояла крепость Терка. Гребенские казаки в 1711 или в 1712 г. переселились и поставили по Тереку пять городков: Червленый (выше устья Сунжи) и четыре городка между ним и крепостью Терка.

В поисках убежища от гонений и притеснений в Предкавказье уходили старообрядцы, пополнявшие русское население. Главными местами старообрядческих поселений стали леса при казачьих гребенских городках, лесные урочища Калинова Лука и Моздок по Тереку и Черные леса по Куме [Попко, 1880].

В 1722 г., объявив войну Персии, Петр I решил заменить крепость Терка новой крепостью Святого Креста на Сулаке.

Вначале это петровское предприятие было успешным. В сентябре 1723 г. посол персидского шаха на основании данных ему полномочий заключил договор, по которому Петр I должен был послать войско в помощь шаху против восставших его подданных. Персия должна была уступить Дербент, Баку и провинции Гилян, Мазандеран и Астрабад. Однако министры шаха посчитали посла изменником, и договор не был ратифицирован [Бутков, I, 1869]. Тем не менее Петр I послал указ генералу Левашеву принять на себя управление этими провинциями, не дожидаясь ратификации договора.

После прихода к власти в Персии Надир-хана и его побед над Турцией правительство Анны Ивановны стало хлопотать о мире с Персией. По трактату 1732 г. провинции Гилян, Мазандеран и Астрабад были возвращены Персии и очищены также все земли до левого берега Куры.

В 1735 г. по Ганжийскому договору Баку, Дербент с их уездами и Кубинское ханство были очищены русскими войсками, а крепость Святого Креста была оставлена русским гарнизоном, и все ее население было переведено в Кизлярскую крепость. Южная граница России в Предкавказье в 1735 г. проходила по Тереку от Кизляра до Червленого гребенского городка.

После войн, которые велись в царствование Петра I и Анны Ивановны, русское население в степном Предкавказье было сосредоточено в казачьих станицах по Тереку и в Кизлярской крепости. В 1762 г. был основан Моздок. Вскоре он стал важным укреплением. В 1770 г. туда был переведен из Астрахани один батальон и переселено 100 семей донских казаков, а для заселения территории между Моздоком и Червленой станицей было переведено 517 семей волжских казаков. В 1792 г. началось переселение черноморских казаков с Днестра на Кубань. Черноморские казаки были потомками запорожцев, бежавших в Османскую империю в 1775 г. после уничтожения Запорожской Сечи и во время войн России с Турцией перешедших на сторону русских. Переселение их продолжалось 2 года. Всего их насчитывалось около 25 000 душ обоего пола. Территория, на которую они переселялись, занимала около 30 000 кв. верст.

На Кубани черноморцы придерживались того порядка и быта, какой был в Запорожской Сечи. Екатеринодар, основанный в 1713 г., стал крупным центром черноморцев. Здесь были выстроены курени, где жили бессемейные («сирома») и служилые казаки. Остальное казачество было расселено по кубанской степи.

Степное Предкавказье стало быстро заселяться русскими и украинцами, после того как оно в 1774 г. по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору между Россией и Османской империей 1774 г. частично перешло во владения России.

В 1777 г. 500 хоперских и 700 волжских казаков были переселены в Предкавказье и основали крепости св. Георгия, Ставропольскую и Александровскую (теперь города Георгиевск, Ставро-

поль и Александровск) и три станицы (Екатериноградскую, Ново-Павловскую и Старо-Марьинскую).

В 1783 г. Кубанская область была окончательно присоединена к России. Первоначально было основано 40 куренных селений. В их окрестностях возникли хутора и зимовники. Поселениями особого рода были кордоны или посты, т. е. небольшие казачьи крепости и сторожевые пункты (пикеты).

В первой половине XIX в. продолжалось заселение Причерноморья. В 1809—1811 гг. сюда было переселено из Полтавской и Черниговской губерний 41 534 человек (мужчин и женщин) и в 1820—1825 гг. из этих же губерний еще 48 382 человек, а в 1845—1850 гг. из Харьковской губернии и из некоторых других мест Украины — еще 15 500 человек [Щербина, 1889].

В начале 60-х гг. XIX в. в Причерноморье насчитывалось 89 805 мужчин и 86 288 женщин [Кухаренко, 1862].

Территория Причерноморья исчислялась в то время в 2 856 000 десятин (т. е. около 3 140 000 га). Около 90% территории составляли «удобные» земли [Кухаренко, 1862].

Основным занятием преобладавшей массы населения было разведение скота. Особенно было много овец; в начале 60-х гг. XIX в. численность поголовья овец волжской породы составляла 494 664 головы, шленской породы — 19 442. Рогатого скота было 239 000 голов, табунных коней — 55 025, свиней насчитывалось 57 979, коз — 33 510 голов.

В первые годы после переселения казаков в Причерноморье зимы были теплые; скот выпасали в степи круглый год, сена не косили [Кухаренко, 1862].

Почти одновременно с переселением казаков в Причерноморье началось заселение и Старой Линии. Так называлась пограничная полоса между русскими владениями и землями кавказских горцев, находившимися к востоку от земли черноморских казаков, и включенная в первой половине XIX в. в Кавказскую губернию (рис. 7).

В 1794 г. на Старой Линии было основано 6 станиц. Они были населены донскими казаками, сосланными сюда после бунта. Десять лет спустя было устроено еще 5 станиц, заселенных жителями Слободской Украины. К середине XIX в. Старая Линия состояла из 36 станиц. Часть их находилась у границы с горцами (Лабинская, Тифлисская, Казанская, Темишбекская, Григориполисская, Прочноокопская, Баталпашинская), другие — на некотором удалении от нее [Щербина, 1889].

Хотя линейные станицы находились в значительной мере на военном положении, все же их жители занимались сельским хозяйством, а на хуторах разведение скота было основным занятием.

В первые три четверти XVIII в., когда русских и украинцев в степном Предкавказье было очень мало, на этой территории преобладало кочевое население. Одним из наиболее крупных кочевых народов были ногайцы.

Места их обитания менялись несколько раз. В 1715 г. они пришли на Волгу и близ Астрахани напали на калмыцкого хана

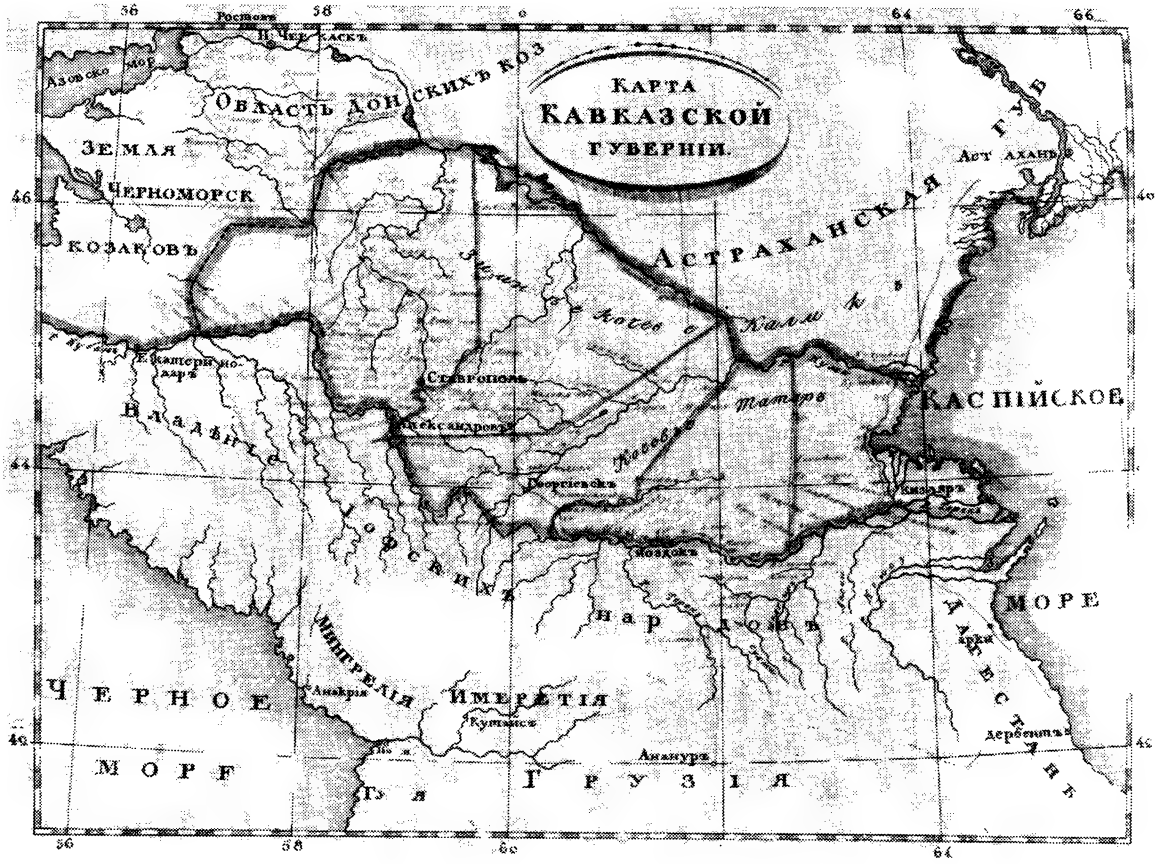


Рис. 7. Схематическая карта Кавказской губернии

Фотокопия из Атласа Российской империи..., 1838 г.

Аюку. Забрав ногайцев Едисанской (Джетысанской) и Джембуйлукской орд, бывших в подчинении у калмыков, они увели их на Кубань. В 1717 г. калмыцкий хан ходил с большим войском на Кубань, разорил часть ногайцев Большой Орды, а ногайцев Едисанской и Джембуйлукской орд увел обратно в Поволжье. Но там они оставались недолго и во время калмыцкой междоусобицы ушли с Волги на Кубань. В 1728 г. во время бунта Бахты-Гирей-Солтана против турецкого султана ногайцы Едисанской орды были переведены с Кубани за Перекоп, а потом за Днепр в Буджакскую (Белгородскую) орду.

Во время русско-турецкой войны 1736—1737 гг. русское правительство послало калмыцкого наместника Дундук-Омбо в поход на Кубань. В помощь калмыкам был придан отряд донских казаков. Калмыцко-донское войско разбило кубанских ногайцев. Изъявили покорность четыре улуса Малой Ногайской орды. Им было назначено кочевать возле Кизляра по Тереку, Малке и Куме. Зимой 1736/37 г. калмыцко-донское войско разбило ногайцев Едичкульской орды. Победители отогнали множество скота. Лишь на долю калмыков досталось около 20 000 лошадей. Попавшие в плен признали власть России.

При описании населения степного Причерноморья упоминалось, что в 1770 г., когда ясно обозначилось поражение турецкой армии, ногайцы Буджакской и Едисанской орд откололись от Турции и изъявили желание быть в дружбе и союзе с Российской державой. Им было позволено кочевать между Днепром и Азовом. После того как из районов обитания крымских татар и ногайцев была образована особая область под начальством крымского хана и под покровительством Екатерины II, ногайцы Буджакской и Едисанской орд перешли с крымской стороны на кубанские земли и присоединились там к ногайцам Едичкульской и Джембуйлукской орд. В 1774 г. кочевья ногайцев располагались на левом берегу Кагальника, по Чутуру, по правому берегу Еи и по Калале, между Чалбашем и верховьями Еи, между левобережьем Кирпени и правобережьем Каганлы, а также — между Агашлы и Кара-Кубанью и между Ачуевом и Копылом.

Ногайцев, соединившихся на Кубани и кочевавших между Еей и Кубанью, насчитывалось около 80 000 казанов (котлов). Один казан соответствовал, по-видимому, одному взрослому мужчине.

По Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г. крымские татары, кубанцы и ногайцы Буджакской, Едисанской и Джембуйлукской орд признавались вольными и независимыми от Османской империи и от России. У едисанцев было 20 000 казанов, у джембуйлуков — 11 000 казанов и у едичкульцев — 16 900 казанов.

В 1783 г. Крым и Кубань были присоединены к России. Потемкин приказал привести к присяге всех татар и ногайцев, находившихся на правой стороне Кубани, и не удерживать тех, кто не захочет присягнуть. Узнав об этом приказе, многие ногайцы ушли в турецкие владения [Бутков, I, 1869].

Когда кубанские земли были отданы Черноморскому войску, 1500 кибиток едичкульцев и единсанцев, оставшихся после побега 1783 г., и 2000 кибиток, кочевавших по нижнему течению Урупа и Лабы, в начале 1787 г. получили позволение перейти на земли между Еей и Азовом. В 20-х гг. XIX в. значительная часть ногайцев, оставшихся в степном Предкавказье, кочевала в кизлярских степях. Территория, которую занимали ногайцы, простиралась с запада на восток от границ Георгиевского уезда до Каспия, а с севера на юг — от Кумы до казачьих станиц, находившихся на Кавказской линии [Павлов, 1845].

Другие кочевники — калмыки принимали большое участие в военных действиях против Крымского ханства и Османской империи в 1736—1737 и в 1768—1770 гг. на территории степного Предкавказья. В мирное же время они кочевали по Предкавказью лишь в отдельные годы и в небольшом числе. Так, в феврале 1721 г. сыновья Аюки-хана Чандержап и Черек-Дундук кочевали по Куме. После войны 1736—1737 гг., когда граница Российской империи в направлении от Кубани к Кизляру проходила по Калаусу, кочевья калмыков в северо-западном Предкавказье простирались обычно до Калауса. Южнее этой реки калмыки кочевали в немногие годы. В 1732 г. калмыки кочевали по Тереку вверх от Кизляра. С января и по май 1740 г. Дундук-Омбо кочевал по Куме [Бутков, 1869].

В 1771 г. бóльшая часть калмыков откочевала из пределов России. Кочевья оставшихся в России калмыков простирались по Волге и восточному Подонью. В Предкавказье они уже не прикочевывали.

Основные угодья

О состоянии угодий в XVIII—первой половине XIX в. сведений очень мало. Как уже было сказано в предыдущем разделе, кочевое население в степном Предкавказье к концу XVIII в. сильно уменьшилось, а основательное заселение оседлыми земледельцами — русскими и украинцами — началось с 70-х гг. XVIII в. Еще в конце XVIII в. на всем протяжении от Еи до Кубани население было малолюдным, и на этой территории преобладали степи [Короленко, 1899].

Наиболее мощный и разнообразный травяной покров был в ковыльно-разнотравных степях. Выпас скота был умеренным. Что в степях бывают травы по пояс человеку, писал о кубанских степях Я. Г. Кухаренко [1862]. В этих степях наиболее обычными и характерными растениями были ковыли и некоторые другие злаки, шалфей и бобовые. Среди последних местное казачье население обращало особое внимание на «бурунчук» — полевой клевер. По народной примете зацветание этого растения указывало на то, что наступала пора сенокоса: казаки отбивали косы, набирали в бочонки воду и отправлялись на покос [Попко, 1858].

Однако позже, во второй половине XIX в., почти все черноземные степи Предкавказья были распаханы или превращены в ското-

сбой. «Тут не было ни одного камушка, — вспоминали старожилы с. Северного, — мы не думали, что здесь камень есть; а потом пустили скотину, выбила она землю, он и обнаружился» [Иванов, 1886, с. 241].

Лесов в степном Предкавказье было очень мало. В начале XIX в. они занимали в Ставропольском уезде площадь в 13 187 десятин, в Александровском — 5197, в Георгиевском — 7112 и в Моздонском — 8748 десятин [Равинский, 1809]. Наиболее крупные леса (Черный, Темный и Русский) находились в окрестностях г. Ставрополь. В начале XIX в. р. Кума по обоим берегам была покрыта лесом. В прикумских лесах росли дуб, береза, ветла, кизильник, терн [11]. Однако уже к концу 50-х годов многие приречные леса были истреблены [Корнилов, 1859].

Правобережное степное Поволжье

Население и его занятия

В начале XVIII в. эта степная область была очень малолюдной. В 1719 г. Артемий Волынский доносил, что от Саратова до Астрахани «меж городов по двести и по триста верст жилья никакого нет... Того ради по моему б мнению надобно меж городов еще сделать хотя малые городки для прибежища проезжих и для закрытия пустоты от неприятельских набегов» [Астраханский сборник..., 1896, с. 239].

В 1717 г. для защиты русской границы от кочевников начали строить Царицынскую линию; в 1720 г. она была закончена. Она начиналась у Царицына и кончалась у Дона между станицами Качалинской и Островянской.

Для заселения этой линии были отправлены казаки Волжского войска. До ее устройства «при городах Царицине и Саратове ничего сеять в полях и степях не смели, за опасением внезапных приходов Кубанской орды» [Перетяткович, 1882, с. 338].

Во второй половине XVIII в. степное Поволжье стало быстро заселяться. В первой трети XIX в., по данным генерального межевания 1799—1835 гг., в Балашевском уезде насчитывалось, например, 109 978 крестьянских душ обоего пола, в Аткарском — 70 013 и нагорной стороне Камышинского уезда — 62 786 душ. Плотность же населения в этих уездах равнялась в Балашевском 11,9 человека на 1 кв. версту, в Аткарском — 6,3 и в нагорной стороне Камышинского уезда (рис. 8) — 7,5 человека на 1 кв. версту.

Из кочевников в степном Поволжье наибольшую массу составляли калмыки. Они кочевали не только по степному и полупустынному правобережному Поволжью, но и в степном Подонье, а также Волго-Уральском степном и полупустынном междуречье. В пределах степного Поволжья за время с 1720 по 1740 г. кочевья калмыков были известны по правобережью Волги. Калмыки кочевали

[11] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18483 (Кавказское наместничество).

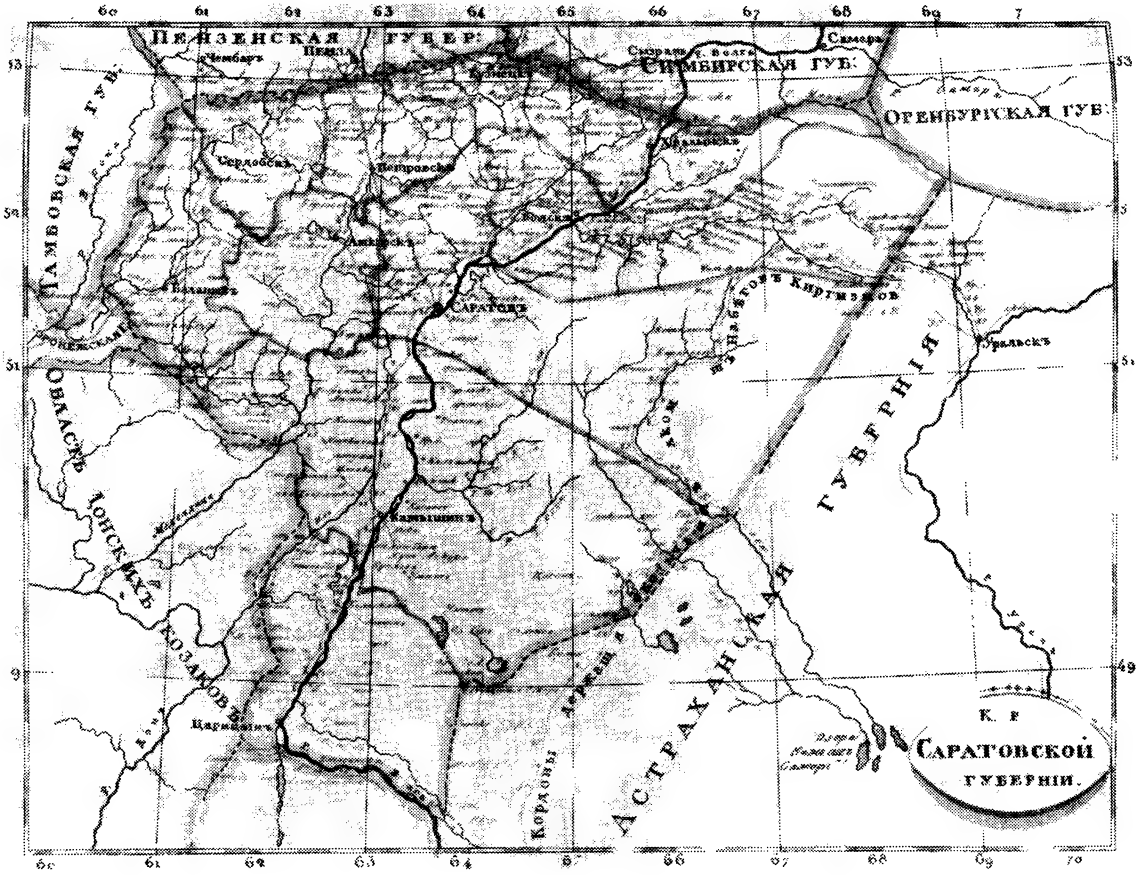


Рис. 8. Схематическая карта Саратовской губернии

Фотокопия из Атласа Российской империи..., 1838 г.

в степи в 30 верстах от Царицына, по Медведице — в 150 верстах от Саратова, по Волге — в урочище Мантахо. 3 мая 1725 г. некоторые калмыцкие владетели за недостатком корма в более южной части Поволжья прикочевывали к Саратову. В июне 1740 г. калмыцкий хан кочевал по Ергеням [12].

В 60-х гг. XVIII в. Царицынская линия служила северной границей калмыцких кочевий в правобережном Поволжье. Главным занятием калмыков, кочевавших в Поволжье, было, как и в донских степях, скотоводство. От калмыков Россия получала наилучший убойный и рабочий скот: калмыцкие волы были крупнее, сильнее и выносливей украинских [Лепехин, 1795].

Основные угодья

В XVIII в. в этой степной области преобладали степи. Еще в конце XVIII в. в южной части Балашевского уезда бóльшую часть угодий занимали целинные незаселенные степи и каждый новый поселенец пахал, где хотел [Харизоменов, 1888]. Немногим ранее, в 1769 г., по обе стороны Царицынской линии тянулась степь, и лес был виден только в буераках, поросших терновником, боярышником и дикими яблонями [Лепехин, 1, 1795]. Другой участник академической экспедиции — Фальк также сообщил, что в окрестностях Царицына была сухая, холмистая, солонцеватая, глинисто-песчаная степь [Фальк, 1824].

Среди ковыльно-разнотравных и ковыльных степей южного типа часто встречались большие и малые куртины степных кустарников — бобовника, степной вишни, таволги, терна. И. Лепехин в 1769 г. встречал близ р. Иловля вишенники, тянувшиеся на версты. Около 100 лет спустя в описании степного Поволжья было отмечено, что там были раскиданы куртины степного вишенника и бобовника. Бобовник нередко занимал большие площади и затруднял распашку степей там, где были его заросли [Яковлев, 1866].

В первой трети XIX в. земледелие в степном Поволжье сделало значительные успехи и значительная часть степей была распахана. Наиболее пригодными для хлебопашества были ковыльно-разнотравные степи, находившиеся главным образом в северной полосе степного Поволжья, они и подверглись распашке в большей мере.

В южной же полосе, примыкавшей к полупустыням нижнего Поволжья, преобладали сухие ковыльно-полынные и полынные степи, среди которых было много солонцов, солончаков и других «неудобных» земель. Эта полоса начиналась от нижнего течения р. Иловля; от Царицынско-Сарептской излучины она простиралась к югу по Ергеням до Маныча. В этой полосе пашни вплоть до середины XIX в. занимали небольшую площадь. Данные о соотношении земельных угодий в степном Поволжье находятся в экономических примечаниях к генеральному межеванию и сведены в табл. 5.

[12] ЦГАДА, ф. 119, д. 2.

Таблица 5

Соотношение земельных угодий в Саратовской губернии *, %

Уезд	Общая площадь, десятин	Пашни и приусадебные земли	Степи и сенокосы	Неудобные земли	Леса
Балашевский	952 916	43,9	42,9	5,5	7,7
Аткарский	1 148 301	24,0	55,5	6,1	14,4
Камышинский, правобережная сторона	866 231	22,6	30,2	38,8	8,4

* По данным экономических примечаний к генеральному межеванию 1798—1833 гг.

К сожалению, эти данные нашлись не по всем уездам, входившим в степное Поволжье.

Леса в степном Поволжье находились по долинам рек Хопер, Ворона, Медведица и по их крупным притокам, а также — на Приволжской возвышенности в пределах нагорной стороны Камышинского уезда.

Экономические примечания к генеральному межеванию указывают на то, что леса степного Поволжья состояли из лиственных пород как в северной его части (Балашевский и Аткарский уезды), так и в южной (Камышинский и Царицынский уезды). Лес, находившийся, например, во владении с. Трехсвятительское (по Хопру и Каменке), разделялся на строевой и дровяной. В первом из них росли дуб, осина, береза, липа, клен, а в дровяном — ольха, ива, рябина, черемуха и «карагуч»[13]. Лес, принадлежавший д. Чигонах (тоже по Хопру), состоял из дуба, березы, осины, ольхи. Во владениях с. Дмитриевское (Красный Яр), тоже по Хопру, весь лес был дровяным и состоял из осины, березы, ольхи, клена, ивы, дуба, вяза и черемухи.

Степное Волго-Уральское междуречье

Население и его занятия

В XVIII в. это междуречье [14] заселялось оседлым населением более медленно, чем правобережное степное Поволжье или степное Подонье. В начале этого столетия русские поселения были здесь лишь по Волге и по Яику. На Яике казаки осели еще при Иване Грозном, и их поселения располагались вниз от устья р. Илек. Отдельным, довольно крупным поселением выделялся, кроме того, Сакмарский городок, находившийся в 30 км выше впадения Сакмары в Яик. В грамоте, посланной в 1727 г. атаману яицких казаков, было сказано, что в этом городке дозволялось поселить триста казаков, а беглых крестьян и других людей приказывалось

[13] Карагучем назван, вероятно, карагач.

[14] Восточную окраину этого междуречья составляет степное правобережье Урала, простирающееся от г. Орск к г. Уральск и немного южнее его до границы степной зоны с зоной полупустынь.

выслать в их прежние места жительства [Полное собрание законов..., 1830, т. 7, № 5197].

Незадолго до этого, в 1725 г., приезжал в Петербург яицкий атаман Арапов и просил позволения построить крепость при впадении Сакмары в Яик. Крепость эта должна была оберегать границу России от нападений кочевников. Сенат дал согласие, но с условием, что казаки не будут принимать в эту крепость беглых украинцев и русских и что атаман Арапов и его товарищи должны подчиняться общевойсковому яицкому атаману [Соловьев, 1963].

Этому предложению Арапова суждено было осуществиться 20 лет спустя, когда стали строить линию крепостей по Яику. Она простиралась от Верхнеяицкой крепости (теперь г. Верхнеуральск) до Илецкого городка [15].

Для соединения Поволжья с крепостной Яицкой линией в те же 30—40-е гг. была построена Самарская линия, шедшая вдоль р. Самара от ее впадения в Волгу и до истока. На этой линии находились городок Алексеевский, крепости Красно-Самарская, Борская, Ельшанская, Бузулукская, Тоцкая, Сорочинская, Ново-Сергиевская, Переволоцкая и несколько редутов (рис. 9) [16].

Устройство Самарской и Яицкой крепостных линий способствовало заселению Волго-Уральского степного междуречья оседлыми жителями, преимущественно русскими. Все же оседлое население было немногочисленным до конца XVIII в.

В конце XVIII в. преобладающая часть степного Заволжья находилась в пределах Саратовского наместничества [17]. Тогда это Заволжье «лежало впусте», кроме нескольких поселений и раскольничьих скитов по р. Иргиз и по Волге вниз от устья Б. Иргиза до устья Коромана и по нижнему течению Коромана [Описание Саратовского наместничества, 1790].

Земли по Б. Иргизу стали основательно заселять еще с 60-х гг. XVIII в., когда сюда устремились старообрядцы и беглые. Они основали Красный Яр, Криволучье (Покровское), Медвежий Гай, Суховской Острог, Перекопную Луку и несколько других селений. Старообрядцы были приписаны к Малыковской дворцовой волости и, им разрешалось ловить рыбу в Иргизе и охотиться на зверя [18].

К 30-м гг. XIX в. численность населения степного Заволжья значительно увеличилась. Северо-западная окраина степного

---

[15] Крепость, названная Оренбургом, была построена первоначально в устье р. Орь (теперь г. Орск); затем Оренбург, как главное место управления Яицкой линии, был перенесен в Красногорскую крепость, но и это место оказалось неудобным. Окончательно Оренбург был построен возле устья р. Сакмара, т. е. там, где просил позволения построить крепость атаман Арапов.

[16] По административному делению конца XVIII в. городок Алексеевский и Красно-Самарская крепость находились в Самарском уезде Симбирской губернии, а остальные крепости — в Оренбургской губернии.

[17] В то время в Саратовское степное Заволжье входили земли левобережной стороны Хвалынского, Вольского, Саратовского и Камышинского уездов. Остальная часть земель этих уездов была в зоне полупустынь.

[18] ЦГАДА, ф. 16, д. 915, л. 4—5.

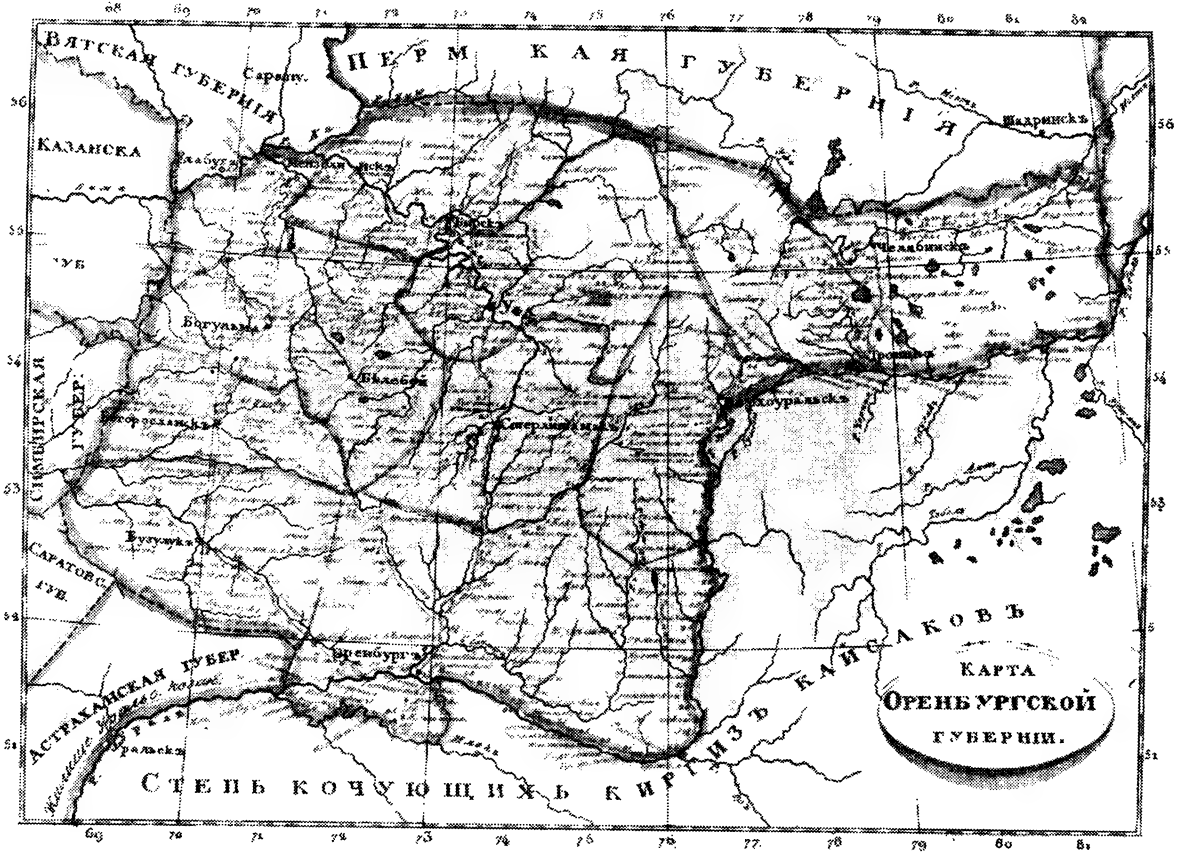


Рис. 9. Схематическая карта Оренбургской губернии

Фотокопия из Атласа Российской империи..., 1838 г.

Заволжья находилась в левобережной части Самарского уезда. Она была заселена неравномерно. Почти не заселены были обширные земли в бассейнах рек Безенчук и Майтуга.

На землях по среднему течению р. Моча, где были расположены деревни Колывань, Дубовый Умёт и Березовый Гай, плотность населения во время генерального межевания 1798—1835 гг. составляла 3,6 человека на 1 кв. версту. Более густо были заселены земли по нижнему течению Самары, находившиеся во владении деревень Бобровка, Спиридоновка, Новая Спиридоновка и Черновка. Эти селения были расположены между городком Алексеевским и Красно-Самарской крепостью. Плотность населения здесь была 7,2 человека на 1 кв. версту [19]. На левобережной стороне Хвалынского уезда в это же время насчитывалось 20 458 человек, а плотность населения составляла 3,2 человека на 1 кв. версту.

Левобережная сторона Вольского уезда, территория которой находилась не только в степной зоне, но и в полупустынной, была менее людной: здесь числилось 3522 человека. Из них в казенном ведомстве было 2311 человек, колонистов — 586, помещичьих крестьян — 434; остальных — 191 человек. Плотность населения — 0,2 человека на 1 кв. версту.

Такая же плотность населения была и на левобережной стороне Саратовского уезда. На левобережье Камышинского уезда она составляла 0,4 человека на 1 кв. версту [20]. Большая часть левобережной территории этого уезда находилась не в степной, а в полупустынной зоне.

Малолюдным было и население степной полосы Оренбургской провинции, расположенной к западу от р. Урал. В 1768 г. во всей этой провинции [21], включая и лесостепь, было 36 922 человека православного вероисповедания; из них 18 000 мужчин и 18 922 женщины [Фальк, 1824].

Дальнейшее увеличение численности населения было приостановлено народным восстанием 1773—1775 гг., начало которому положили яицкие казаки [Документы ставки Е. И. Пугачева..., 1975, с. 52].

Во время этого восстания казачье и крестьянское население степного междуречья понесло тяжелый урон. К тому же поселения, находившиеся на Яицкой и Самарской линиях, подверглись набегам кочевников и были разорены.

В донесении П. Панина о нуждах Оренбургского казачьего войска упоминалось, например, что в 1774 г. из-за набегов казаки Рассыпнинской крепости не могли ни пахать, ни сеять и что весь рогатый скот, принадлежавший казакам и другим жителям этой крепости, был отогнан кочевниками в 1774 г. В том же году был отогнан казачий конный табун Ельшанской крепости, а у сорочин-

---

[19] Вычислено по материалам, имеющимся в экономических примечаниях к генеральному межеванию. ЦГАДА, ф. Экон. прим., Самарский у., д. 14.

[20] ЦГАДА, ф. Экон. прим., Хвалынский у., д. 110; Вольский у., д. 43; Саратовский у., д. 82; Камышинский у., д. 49.

В эту провинцию входили г. Оренбург и крепости Самарской и Яицкой линий.

ских казаков отогнали 120 лошадей и сожгли 32 дома. Бузулукские казаки все лето 1774 г. были заняты отражением отрядов кочевников, прорвавшихся внутрь Самарской линии, и не могли заниматься хлебопашеством, и т. д.[22]

Все же к 30-м гг. XIX в. численность населения степной полосы Оренбургской провинции заметно увеличилась. В Бузулукском уезде (см. рис. 9), бóльшая часть которого находилась в степной зоне, а меньшая — в лесостепи, во время генерального межевания 1798—1835 гг. населения насчитывалось 42 074 человека (1,9 человека на 1 кв. версту).

В степной полосе этой провинции находился и Оренбургский уезд. Сколько жителей было в те годы в степной полосе этого уезда, установить трудно, так как число их показано для всего уезда, а в него входили и горные леса южной Башкирии, и лесостепь.

В начале 60-х гг. XIX в. Оренбургское казачье войско насчитывало 112 тыс. человек. В это число входило и мужское население казачьих поселений, расположенных по Уралу вверх от Орска, т. е. территории, которая в данной работе не рассматривается. В пределах рассматриваемого степного Волго-Уральского междуречья оренбургских казаков в эти годы было, вероятно, около 80—90 тыс.

В те же годы в Уральском войске насчитывалось около 70 тыс. казаков [23].

В XVIII и первой половине XIX в. основными занятиями оседлого населения в степном Заволжье и в степной полосе Оренбургской провинции были скотоводство и земледелие. В 30-е гг. XIX в. земледелие получило кое-где значительное развитие. Об этом можно судить по величине запашки (см. раздел об угодьях). Однако у яицких казаков, чьи владения тянулись по Яику от Илецкого городка до Каспийского моря, хлебопашества в первой половине XVIII в. почти совсем не было, и казаки ездили за хлебом на Волгу. Весною или в начале осени они отправлялись с Яика в Самару, Алексеевский городок и Сызрань, где были хлебные рынки. Распродав рыбу, икру, рыбий клей, пушнину и некоторые другие товары и закупив хлеб, они возвращались домой. Казаки были вынуждены ездить за хлебом, собравшись в значительные партии и под прикрытием вооруженных отрядов, так как в пути они подвергались нападениям кочевников [Витевский, 1879]. Даже в 20-х гг. XIX в. о яицких казаках сообщалось, что хлеба они сеют мало и то с недавнего времени. Хлебопашество в то время было сосредоточено возле Уральска и в близких к нему местах, в 40—50 верстах к северу и югу от этого города [Левшин, 1823]. Помимо сельского хозяйства, у оседлых жителей степного Заволжья и степной полосы Оренбургской губернии и у яицких (уральских) казаков существенное значение имел и охотничий промысел. Охотились главным образом на копытных (косулю, лося, кабана, сайгака, кое-где и на

[22] ЦГАДА, ф. 52, оп. 1/194, св. 7, д. 73.
[23] ЦГАДА, ф. 483, д. 72.

тарпана) и пушных зверей (лисицу, корсака, волка, сурка). У яицких казаков еще бóльшее значение имело рыболовство.

В середине XIX в. значительная часть уральских казаков [24] была бедной и неимущей и они существовали тем, что несли воинскую службу по найму. Казаки, служившие в «Киргизской степи»[25], получали по 250—350 руб. в год, а казаки, несшие службу в пределах России, — около 100 руб. в год [26]. Оренбургские казаки жили более зажиточно, чем уральские. Около 10 000 их (приблизительно десятая часть их) состояла на воинской службе.

Основные угодья

Почти весь XVIII в. оседлое население Волго-Уральского междуречья было немногочисленно и на его территории преобладали степи. Путь П. Палласа летом 1769 г. от Бузулукской крепости до Оренбурга проходил полностью по степям. К востоку от редута Погромный П. Паллас ехал (22 июня) по выгоревшей степи. В своих записках он отметил, что степные пожары бывали здесь очень часто. Местные жители выжигали степи ранней весной, полагая, что после палов степная трава растет быстрее [Паллас, 1773].

Степи явно преобладали над всеми другими угодьями и в первой половине XIX в. На землях по рекам Безенчук и Майтуга (левобережная сторона Самарского уезда) степи занимали 70% общей земельной площади. На левобережной стороне Хвалынского уезда они занимали 66,9%, а на той же стороне Вольского уезда — 81,6%. На заволжской стороне Саратовского уезда, находившейся частью в степной зоне, а частью в полупустынной, степи занимали 42%, а 55% составляли солончаки и другие неудобные земли. В Бузулукском уезде степи занимали 77,2% его территории.

Среди травянистых степей было много больших и малых куртин степных кустарников — степной вишни, бобовника, чилиги; кое-где встречался терн.

По мере того как возрастала численность оседлого населения, увеличивалась и площадь пашни. Приблизительные сведения о том, какую долю занимали пашни в степном междуречье, находятся в экономических примечаниях к генеральному межеванию 1798—1835 гг.

В двух крупных земельных дачах, находившихся на левобережной стороне Самарского уезда и расположенных по рекам Безенчук и Майтуга, пашни и приусадебные земли занимали 3758 десятин; это составляло 3,7% от общей площади этих дач [27].

На левобережной стороне Хвалынского уезда, находившейся полностью в степной зоне, пашни и приусадебные земли занимали 81 010 десятин — 12% от общей земельной площади. На той же

---

[24] После восстания 1773—1775 гг. Яик был переименован в Урал, а яицкие казаки — в уральских.

[25] Так назывался тогда Казахстан.

[26] ЦГАДА, ф. 483, д. 6.

[27] ЦГАДА, ф. Экон. прим., Самарский у., д. 14, л. 84, 93

стороне Вольского и Саратовского уездов пашни занимали соответственно 7,2 и 2%. Следует заметить, что земли этих уездов на левобережье Волги находились не только в степной, но и в полупустынной зоне.

К востоку от левобережной части Самарского уезда простирался Бузулукский уезд, занимавший территорию в 2 282 767 десятин. Этот уезд находился в основном в степной зоне и лишь небольшая часть его — в лесостепи. В годы генерального межевания под пашнями и приусадебными землями в нем было 110 975 десятин — 4,7% общей земельной площади. Восточней Бузулукского уезда располагался Оренбургский уезд. Какую долю занимали пашни в его степной полосе, выяснить сколько-нибудь точно нельзя, так как сведения приводятся для уезда в целом. Поэтому укажу лишь, какую долю площади занимали пашни в некоторых крупных земельных владениях, находившихся в степной зоне. Во владениях Ильинской крепости они занимали 3,3%, во владениях Сакмарского городка — 3,2, Нижнеозерной крепости — 9,8%. Однако в Бердской слободе, расположенной близ Оренбурга, пашни занимали 21% всей площади земель.

У яицких казаков в XVIII и в начале XIX в. хлебопашество имело очень малое значение и пашни занимали ничтожную долю территории этого войска.

Леса на территории степного междуречья занимали в XVIII и в первой половине XIX в. малую долю его территории. Они располагались главным образом по долинам рек, на склонах северной экспозиции, по песчаным массивам.

На левобережной стороне Хвалынского уезда во время генерального межевания леса занимали 10 459 десятин, что составляло 1,6% общей земельной площади. На той же стороне Вольского уезда леса занимали 24 221 десятину — 1,3%, а на левобережье Саратовского уезда — 31 322 десятины — 1,1% общей земельной площади.

Наиболее крупными лесами в степной полосе Оренбургской провинции и Уральского казачьего войска были пойменные и надпойменные леса по Уралу, Сакмаре и Самаре.

Сведения о климате

Сведения о климате степной зоны в письменных источниках XVIII и первой половины XIX в. по-прежнему бедны и касаются преимущественно резких отклонений от многолетнего хода климатических явлений. В памяти степных жителей оставались чаще всего зимы с лютыми продолжительными морозами, так же как и необычно многоснежные и буранные зимы.

В степном Причерноморье известно несколько таких зим. В январе 1754 г. были большие снега, морозы и ветры. В январе 1758 г. запорожские разведчики, возвращаясь из южного Побужья, видели в ногайских кочевьях множество трупов скота, погибшего от стужи и глубокого снега. В конце ноября 1765 г.

на запорожских землях стояли такие морозы, что на дорогах померзло много народа [Скальковский, 1846].

Зима 1788/89 гг. отличалась жестокими продолжительными морозами и получила название «Очаковской» зимы [Авксентьев, 1849]. Такой же была и зима 1802/03 г. В лютую зиму 1812/13 г. (ее называли «французской» в память о войне с Наполеоном) в одной Таврической губернии погибло 70 760 лошадей, 153 702 головы рогатого скота, 772 824 овцы и 661 верблюд. В эту же зиму в степной Украине было поймано и перебито в глубоком снегу очень много тарпанов [Скальковский, 1843; Кеппен, 1865].

Лютая и буранная зима была и в 1823/24 г. В январе 1848 г. морозы доходили до 32 °С и сопровождались сильными вьюгами. В эту зиму не успевали прибирать падавших овец, лошадей и коров и складывали их в огромные кучи. Немало было хозяев, которые лишились всего скота, и счастливыми считались те, у кого осталось около 40% рогатого скота и лошадей и 20% овец. В эту зиму наиболее пострадали Екатеринославская, Херсонская и северная часть Таврической губернии [Авксентьев, 1849; Отечественные записки, 1850, № 12, отдел «Смесь»]. Зимы 1812/13, 1823/24, 1840/41, 1844/45, 1848 и 1849/50 гг. отличались необычно лютыми морозами и буранами в степном Подонье.

В памяти жителей степного и полупустынного Поволжья остались зимы 1788/89, 1798/99, 1802/03, 1827/28, 1831/32, 1844/45, 1848/49 гг. Они отличались или необычно сильными и продолжительными морозами, или необычной многоснежностью и буранами, или же настами и гололедицей после зимних оттепелей. В 1803 г. лютые морозы начались 9 января и доходили до 36 °С. В январе наблюдалась гибель птиц от замерзания. В зимы 1831/1832 и 1844/1845 гг. были сильные оттепели, а затем наступили жестокие морозы. На снежной поверхности образовался такой прочный наст, что лошади и верблюды шли по нему, не проваливаясь. В эту зиму погибли целые табуны скота [Черкасов, 1859, Рыбушкин, 1841].

То же самое произошло зимой 1844/1845 гг. и в степном Предкавказье. В ноябре и декабре 1844 г. шел то снег, то дождь. После дождей наступили сильные морозы. Образовалась такая гололедица, что скот с трудом добывал корм. Погибло много скота. Зимы 1848/49 и 1849/50 гг. отличались в степном Предкавказье многоснежностью и сильными буранами. Погибло много скота и сайгаков [Ребров, 1849, 1850].

Распространение и численность зверей и птиц

Сведения о зверях и птицах, относящиеся к этому историческому периоду, довольно обширны. Это позволило рассмотреть изменения в их распространении и численности по отдельным систематическим группам по всей степной зоне Европейской части СССР в целом, а не по отдельным ее областям.

Раньше всех других видов пришел конец существованию *зубра* (Bison bonasus L.). Последние известия о пребывании зубра в степном Причерноморье относятся к первой половине XVIII в. Д. Кантемир [28] упоминал о том, что «bubali silvestres» (лесные быки) заходил в Молдавию из причерноморских степей и Подолии зимою, когда Днестр покрывался льдом [Cantemiru, 1872].

Немногим дольше существовал зубр в степном Подонье. Здесь он был очень редким уже в начале XVIII в. В 1736 г. Артемий Волынский, направляя свое послание в сенат, приложил к нему «известие, где какие в России есть звери». В нем было сказано, что «в Воронежской губернии и около донских казачьих городков» водятся зубры [29]. По росписи 1746 г. Воронежская губерния состояла из пяти провинций — Елецкой, Шацкой, Тамбовской, Воронежской и Бахмутской. Кроме того, к Воронежской губернии причислялась крепость святой Анны, впоследствии соединенная с крепостью святого Дмитрия и затем переименованная в г. Ростов.

Однако сведений о том, что в XVIII в. в степном Подонье ловили зубров и отправляли их к царскому двору, не обнаружено. Известно лишь, что один из последних зубров, остававшихся здесь, был убит в конце XVIII в. в лесах, которые находились в то время по Аксаю и Дону неподалеку от Верхне-Курмоярской станицы [Котельников, 1886].

Очень редко заходили зубры в степное Предкавказье. В необычно многоснежную и буранную зиму 1847/48 г. один зубр был доставлен в слободу Владимировку, расположенную в среднем течении Кумы (на стыке степной зоны и полупустыни). Из этого зубра было сделано чучело и отослано в Зоологический музей Московского университета [Ребров, 1849].

В степном правобережном Поволжье и в степном Волго-Уральском междуречье зубра ни в этот, ни в более ранние периоды не было.

Очень мало известно о том, где в степной зоне водился *лось* (Alces alces L.). Ни в опубликованных, ни в архивных источниках не обнаружено сведений о его распространении в степном Причерноморье. По-видимому, в этот период его здесь не было.

В степном Подонье лось, хотя и был редок, все же встречался здесь чаще, чем зубр, и ареал его распространения в XVIII и начале XIX в. простирался до южных пределов степного Подонья. Старые казаки из Верхне-Курмоярской станицы вспоминали, например, что последних лосей, убитых в окрестностях этой станицы, видели в конце XVIII в. [Котельников, 1886].

Немного сведений и о распространении лося в степном Предкавказье. О том, что сохатые водились по Куме, сообщил С. Г Гме-

---

[28] «Descriptio Moldaviae» (Описание Молдавии) было написано Д. Кантемиром по-латыни и переведено на румынский язык.

[29] ЦГАДА, ф. 1232, Обер-егермейстерская контора, оп. 741, д. 18.

лин [Gmelin, 1784]. О лосе в степном Предкавказье упоминал и Георги: «in den östlichen Steppen am Kaukasus» [Georgi, 1800]. Возможно, что Георги лишь повторил сообщение С. Г. Гмелина, не сославшись на использованный им источник. В начале XIX в. в западном Предкавказье, в низовьях Кубани, двух молодых лосят видел путешественник Кларк [Clarke, 1810].

Очень редко встречался лось и в степном правобережном Поволжье. Фальк, путешествовавший в 1770 г. по Нижнему Поволжью от Царицына до Астрахани, упомянул о том, что лось был редок в «каспийских степях» («Selten in den südlichen Kaspischen... Steppen» [Falk, 1786, S. 296]).

В степном Волго-Уральском междуречье в 60-х гг. XVIII в. лось встречался к югу от р. Самара и был здесь нередок. Казаки, жившие в Алексеевском городке и Борской крепости, добывали ежегодно немало лосей и продавали их шкуры по рублю, а мясо отдавали почти даром. На охоту за лосями они отправлялись главным образом в марте, когда устанавливался прочный наст. Охотились на лосей и казаки Бузулукской крепости [Паллас, 1773].

Однако позднее, в годы генерального межевания Бузулукского и Оренбургского уездов (1796—1835 гг.), уже не упоминалось о лосях в степной полосе этих уездов. В эти годы не было лося и в более южных местах степного Заволжья, расположенных в бассейнах Б. и М. Иргизов, Еруслана, Коромана, Б. и М. Узеней [30].

О распространении *благородного оленя* (Cervus elaphus L.) известно, что в 50-х и 60-х гг. XVIII в. на запорожских землях к западу от Днепра этого зверя добывали как сами запорожцы, так и стрельцы Лубенского и Миргородского полков, отправлявшиеся туда для добычи крупного зверя. В «Устном повествовании бывшего запорожца... Коржа» [1842] упоминалось, что во время существования Запорожской Сечи в Великом луге водилось множество оленей. Об их обитании в степной Украине по обеим сторонам Днепра сообщал и Мышецкий [1852], живший в Запорожье в 1736—1740 гг

В степном Подонье олени, по-видимому, встречались реже, чем в степной Украине. В начале 60-х гг. XVIII в. Бахмутская провинциальная канцелярия, отвечая на запрос Сената, прислала список зверей, водившихся в этой провинции. Среди них упомянуты были и «елени шерстью половые, з большими рогами» [Кириков, 1966]. В конце того же столетия олени водились неподалеку от г. Черкасска и Верхне-Курмоярской станицы [Географическое описание..., 1791; Котельников, 1886]. В более позднем описании земли Войска Донского, составленном в 1822—1832 гг., отмечено, что олени «удалились вовсе» с донских земель [Статистическое описание..., 1891].

О распространении благородного оленя в степном Предкавказье сведения более подробны. Перечисляя зверей, водившихся

[30] ЦГАДА, ф. Экон. прим., левобережная сторона Хвалынского, Вольского и Саратовского уездов, д. 112, 28 и 83.

на Куме, С. Г. Гмелин назвал среди них и оленя. В 1793 г., через 21 год после Гмелина, по прикумским землям путешествовал П. С. Паллас. Он сообщил [Pallas, 1799], что в окрестности с. Малые Мажары (среднее течение Кумы) олени заходили с гор и предгорий Кавказа и что в верхнем течении Кумы, у г. Георгиевск, оленей было очень много. В Прикумье олени встречались и в 20-х гг. XIX в. В эти же годы довольно много оленей водилось по Тереку вниз от г. Моздок [Броневский, 1823]. В те же 20-е гг. на оленей охотились в Ставропольском и Александровском уездах [Журнал путешествия..., 1824]. В 1795 г., вскоре после переселения черноморских казаков на Кубань, войсковой судья Головатый сообщил, что на кубанских землях водились олени. В кубанских плавнях на оленей охотились и в середине XIX в. [Кухаренко, 1862; Сборник материалов по истории..., 1898].

В степном правобережном Поволжье оленей, видимо, не было ни в XVIII, ни в первой половине XIX в. О них не упоминали ни Гмелин, ни Гюльденштедт, ни Лепехин, путешествовавшие по Поволжью в 1769 г. Ничего не написал о них и Паллас, побывавший в степном Поволжье в 1793 г. Нет упоминаний об оленях и в списках животных, которые были составлены при описании земельных дач во время генерального межевания 1798—1835 гг. Аткарского, Петровского и правобережной («нагорной») стороны Камышинского и Царицынского уездов.

Ни в одном из источников, относящихся к XVIII и первой половине XIX в., не обнаружено сведений об обитании оленей в степном Волго-Уральском междуречье.

Косуля (Capreolus capreolus) была распространена гораздо шире, чем благородный олень. В последней четверти XVIII в. косули были нередки между низовьями Буга и Днепра. По южному побережью Днепровского лимана они встречались в то время от Кинбурна до Збурьевского кута [Топографическое описание..., 1868]. В бассейне р. Кодыма еще в конце XVIII в. было «великое множество косуль» [Мейер, 1794].

На степном левобережье Днепра косули были нередки в казенных плавнях между Днепром и Конской. В конце XVIII и в начале XIX в., когда производилось генеральное межевание, дикие козы встречались в ряде земельных дач Новомосковского, Екатеринославского и Павлоградского уездов. В Новомосковском уезде основные места пребывания косуль были известны в дачах, расположенных по р. Самара, а в Екатеринославском и Павлоградском уездах — в дачах, прилегавших к Днепру и Конской [31]. В 80-х гг. XVIII в. косули изредка встречались в Купянском уезде и более часто в Беловодском уезде (впоследствии он переименован в Старобельский уезд). В этом уезде места обитания косуль находились в дачах, прилегавших к рекам Айдар и Белая.

О распространении косули в степном Подонье сведения беднее.

[31] ЦГАДА, ф. Экон. прим., Новомосковский у., д. 23; Екатеринославский у., д. 1; Павлоградский у., д. 29.

В начале 60-х гг. XVIII в. Бахмутская провинциальная канцелярия представила в сенат список зверей, водившихся в этой провинции. В нем отмечены «козы шерстью серые».

В окрестностях г. Черкасск косули водились еще в конце XVIII и начале XIX в. [Географическое описание..., 1791; Романо, 1896].

Автор «Исторического сведения о Курмоярской станице...», составленного в 1818 г., упоминал, что прежде в окрестностях этой станицы водились дикие козы [Котельников, 1886].

В степном Предкавказье, особенно с западной его части, косули были нередки в конце XVIII в. В окрестностях Моздока и Георгиевска их было много [Pallas, 1799].

В степном правобережном Поволжье косуль в XVIII и первой половине XIX в. либо не было совсем, либо они были очень редки. Никто из натуралистов, путешествовавших здесь в 60-х и 70-х гг. XVIII в., не упоминал о косулях. Не упоминались они и в экономических примечаниях к генеральному межеванию Сердобского, Аткарского, Балашевского и нагорной стороны Саратовского, Камышинского и Царицынского уездов.

В Волго-Уральском степном междуречье косули встречались в конце 60-х гг. XVIII в. по южной окраине Общего Сырта [Паллас, 1773]. По данным Эверсманна, относящимся к середине XIX в., косули в степном междуречье встречались по Общему Сырту в тех местах, где были колки леса [Эверсманн, 1850].

Кабан (Sus scropha L.) водился в степной зоне, преимущественно там, где были обширные тростниковые и камышевые заросли, плавни и пойменные заболоченные леса. Кабан встречался также и в суходольных широколиственных лесах.

В последней трети XVIII в. между низовьями Днестра и Буга кабаны жили во множестве в тростниках и камышах по Днестру, Березани, Куянлыку, Кучургану. На южном побережье Днепровского лимана (от Кинбурна до Збурьевского кута) много кабанов встречалось в тростниках в 70-х гг. XVIII в. [Топографическое описание..., 1868]. Однако в экономических примечаниях к генеральному межеванию Днепровского уезда, составленных в 1832 г., об обитании кабанов не упоминалось при описании земельных владений Кинбурнской крепости и земель, отошедших от нее к соляным озерам. В этом уезде кабаны в то время были обычны в плавнях по Днепру и Конской и в тростниковых зарослях по рекам Белозерка, Мечетная Каирка, Кривая, Рогачин.

В степном Подонье в конце XVIII и в начале XIX в. особенно много кабанов водилось в низовьях Дона и по его притоку Кейсугу. Однако уже в начале 30-х гг. XIX в. о диких свиньях сообщалось, что они, как и олени, «удалились вовсе» с донских земель [Статистическое описание, 1891].

По степному Предкавказью кабан был распространен еще довольно широко. Во время путешествия С. Г Гмелина [1772 г.] кабаны водились в степном Прикумье. А. Ребров, владелец Слободы Владимировки, проживший там 45 лет, упоминал, что прежде дикие свиньи водились в окрестностях этого селения, но в середине

XIX в. их там уже не было [Ребров, 1850б]. В начале XIX в. кабан встречался в лесах Ставропольского и Александровского уездов. Но наиболее обычны как в XVIII, так и в первой половине XIX в. кабаны были в Прикубанье, особенно в плавнях [Pallas, 1799; Сумароков, 1805; Кухаренко, 1862].

О распространении кабана в степном правобережном Поволжье известно очень мало. В 60-х гг. XVIII в. он водился, хотя и помалу, в Царицынском уезде [32]. Однако в экономических примечаниях к генеральному межеванию этого уезда 1798—1835 гг. о кабанах уже не упоминалось.

В Волго-Уральском степном междуречье в 60-х гг. XVIII в. кабан еще водился в окрестностях Оренбурга [33], но в окрестностях Бузулукской крепости уже был истреблен [Паллас, 1773]. В те же 60-е гг. по Уралу, в пределах его течения по степной зоне, кабана было мало [Восстание Ем. Пугачева, 1935]. В годы генерального межевания 1796—1835 гг. кабаны встречались на казенных землях, простиравшихся от Волги до М. Узеня, а с севера на юг — от рек Караман и Еруслан до оз. Эльтон. Площадь этих земель — около 2 млн. десятин. В каких именно местах они там водились, в экономических примечаниях не сказано. При описании этой казенной дачи упомянуто, что там были обширные тростниковые и камышевые заросли по болотам Пришиб, Могуты и Болугты. Там, вероятно, и водился кабан [34].

Сайгачье поголовье степной зоны претерпело большие изменения в течение XVIII и первой половины XIX в.

Раньше всего *сайгак* (Saiga tatarica Pall.) исчез в степной Молдавии. Последние сообщения о его там обитании относятся к 1716 г.

На землях же запорожского казачества сайгака было довольно много в первые две трети XVIII в. В степях между Переволочной и низовьем Буга сайгак часто встречался шведам и запорожцам, сопровождавшим Карла XII и Мазепу во время их бегства в турецкие владения после Полтавской битвы [Adlerfeld, 1740].

В первой половине XVIII в. сайгак был нередок в степях по Ингулу, Ингульцу, Ташлыку, Синюхе и Мертвоводам [Rzaczyński, 1745].

Известно также, что в «заднепровские» или «залинейные» места, т. е. во владения запорожцев, находившиеся между Бугом и Днепром, в 50-х и 60-х гг. XVIII в. отправлялись на охоту за крупным зверем стрельцы Лубенского и Миргородского полков. Среди дичины, добытой ими и отправленной к царскому двору, были и сайгаки. В 1755 г. было отправлено, например, 6 сайгаков, в 1756 г. — 11, в 1761 г. — 11 битых сайгаков и 1 живой и т. д. [Плохинский, 1891].

Довольно много сайгака было и в других владениях запорож-

[32] ЦГАДА, ф. 261, кн. 5560.
[33] Там же.
[34] ЦГАДА, ф. Экон. прим., Камышинский у., луговая сторона, д. 52.

цев. Старые казаки рассказывали А. Пшичевичу, что местами стада сайгаков покрывали степь. Когда приходило время ягниться, сайгаки приближались к казачьим зимовникам и жили там до тех пор, пока сайгачата не приходили в силу. Пока сайгачата были малы, запорожцы не трогали их. По словам старых запорожцев, сайгаки покинули их степи за год до уничтожения Сечи [Пшичевич, 1884].

В сочинении Пейсонеля «Observations sur la commerce de la mer Noire et des pays qui la bordent», опубликованном в Амстердаме в 1767 г.[35], сообщалось, что на равнинах между Очаковом и Перекопом водились сайгаки, ходившие стадами. На них охотились с ружьями и стрелами и ловили капканами. Рога сайгака служили предметом торговли и продавались в Перекопе по 3—4 парà [36], а в Бахчисарае — до 20 парà за пару рогов.

В «Описании Малороссии», составленном Г Юнкером в 1737 г. и опубликованном в 1764 г., упоминалось, что сайгаки встречались в степях от Крыма до Азова и в их стадах насчитывалось иногда до 10 000 голов [Junker, 1764].

Несмотря на то, что в некоторых местах еще оставались обширные степи, жизнь сайгака становилась все более стеснительной и беспокойной. В связи с быстрым ростом народонаселения истребление его человеком увеличилось. К этому присоединились и стихийные бедствия — жестокие зимы с обильными снегопадами и буранами 1788/89, 1802/03, 1812/13, 1823/24 гг., когда погибло множество домашнего скота, были, вероятно, губительными и для сайгака.

В 90-х гг. XVIII в. сайгак еще изредка встречался в Очаковской земле, занимавшей в то время территорию между низовьями Днестра и Буга. Но и тогда уже, по словам местных жителей. большая часть сайгаков удалилась отсюда в таврические степи [Мейер, 1794]. В экономических примечаниях к генеральному межеванию Тираспольского, Ольвиопольского и Одесского уездов, составлявшихся в первой трети XIX в., сайгак не упоминался совсем (Ольвиополь теперь называется Первомайском).

В степях между Бугом и Днепром сильная убыль поголовья сайгака была замечена уже в 70-х гг. XVIII в. И. Гюльденштедтом. Путешествуя по Елисаветградской провинции летом 1774 г., он собрал сведения о том, что прежде сайгаки встречались здесь часто, но во время его путешествия они наблюдались лишь по одиночке между низовьями Буга и Днепра [Guldenstädt, II, 1791]. В том же, 1774 г. было составлено «Топографическое описание доставшимся по мирному трактату от Оттоманской Порты во владение Российской империи землям...» [1868]. В нем сказано, что в степях между Бугом и Днепром изредка били из ружей сайгаков, а затем добавлено, что это было в недавнем прошлом: «были, сказывают, и сугаки, но ныне совсем не видно» [с. 167].

[35] Это сочинение было недоступно автору, и ссылки на него даются по М. Кирьянову [1839].

[36] Пара — мелкая турецкая монета.

Не упоминаются сайгаки и в примечаниях к генеральному межеванию Херсонского уезда, составленных в 1798—1818 гг. Этот уезд занимал в то время территорию, расположенную между низовьями Буга и Днепра, и незначительную часть поднепровского левобережья.

В описании же Таврической области, составленном Габлицем в 1785 г., сказано, что сайгаки встречались на равнинах между Днепром и Перекопом и показывались там большими стадами, особенно в зимнее время [Габлиц, 1785]. Однако в экономических примечаниях к генеральному межеванию огромного Днепровского уезда, составленных в 1832 г., сайгак уже не упоминается.

В донских степях сайгак появлялся преимущественно летом или весной, прикочевывая сюда из полупустынь северо-западного Прикаспия и из степного Предкавказья.

Численность сайгака в течение XVIII и первой половины XIX в. несколько раз резко изменялась. В степях по Аксаю, Салу, Сарпе и Царице сайгака было очень много в 50-70 гг. XVIII в. Он прикочевывал сюда весной из северо-западного полупустынного Прикаспия («с Кумы и тамошних округ»). В эти годы его резали и стреляли, сколько кому было угодно, когда он переплывал через реки. После жестоких зим 1787, 1788, 1790, 1798 и 1799 гг. численность поголовья сайгаков резко сократилась [Котельников, 1886]. Все же в окрестностях Черкасска сайгак встречался в эти годы [Географическое описание..., 1791]. К 1818 г. сайгак опять стал появляться весной большими стадами в степях, прилегавших к Верхне-Курмоярской и к соседним с нею станицам [Котельников, 1886]. Эти сведения подтверждались сообщением Мейендорфа [Meyendorf, 1826]. Он писал, что летом, во время сильной жары, сайгаки собирались в стада до 4—5 тыс. голов, покидали полупустыни и устремлялись в донские степи. На плавях через Дон казаки резали их во множестве. Огромные стада сайгаков заходили весной в донские степи и в 50-х гг. XIX в. При этом сообщалось, что они шли сюда с западного побережья Каспия [Черкасов, 1859].

Пребывание и численность сайгаков резко колебались и в степном Предкавказье: в некоторые годы их здесь бывало очень много, а в другие годы их не было совсем. Наиболее полно это прослежено в степном Прикумье. В 1772 г. сайгаков здесь не было [Gmelin, 1784], но в 1793 г., когда Паллас был на Куме у с. Малые Мажары, он узнал, что сайгаки бывали нередко в степном Прикумье. Их пребывание на прикумских землях отмечено и в начале 20-х гг. XIX в. [Броневский, 1823]. Особенно много сайгаков появилось на Куме в окрестностях слободы Владимировка в декабре 1848 г. и в январе 1849 г. Их пригнали сюда жестокие бураны и обильные снега, выпавшие в полупустыне северо-западного Прикаспия и степном Предкавказье. «Это просто море снеговое: к Царицыну на 500, к Астрахани на 400, на Красной Бугор — 140, в Кизляр — 200, на Моздок — 110, на Георгиевск — 140 верст», — сообщал владелец Владимировки А. Ребров [1850а]. Число сайгаков, появившихся в степном Прикумье зимой 1848/49 г., А. Ребров определял

в несколько сот тысяч. Люди брали их живьем в снежных сугробах и за один день привезли к А. Реброву несколько десятков. На запад сайгаки в эту зиму забегали до Кисловодска.

В правобережном степном Поволжье сайгаки появлялись, как и на Дону, главным образом летом и весной, прикочевывая сюда из полупустынь северо-западного Прикаспия и из степного и полупустынного Волго-Уральского междуречья. В течение рассматриваемого исторического периода численность сайгака подвергалась резким колебаниям. В 1762 г., отвечая на запрос сената, дмитриевская (впоследствии Дмитриев был переименован в г. Камышин) комендантская канцелярия, перечисляя охотничьих зверей, не упомянула о сайгаке. В том же году Царицынская канцелярия сообщила, что сайгаки в этом уезде бывали, но помалу [37].

В начале же XIX в. огромные стада сайгаков переплывали летом Волгу с левого берега под Саратовом и против Камышина и паслись в степях на правобережье этих уездов [Яковлев, 1860]. Однако в экономических примечаниях к генеральному межеванию правобережной стороны Камышинского уезда, составленных в начале 30-х гг. XIX в., об этом не упоминается. Южнее же, в правобережной стороне Царицынского уезда сайгак встречался в земельных дачах с. Отрада, слободы Светлый Яр, с. Мечетное, станицы Пичужинская, посада Дубовка, с. Балыклей, деревень Песковатка и Олень и в некоторых других местах [38].

На Ергенях, в бассейне р. Сарпа, крупные стада сайгака встречались и в середине XIX в. В то время там были охотники, главным промыслом которых была добыча сайгака [Artzibascheff, 1859; Яковлев, 1860].

В степном Волго-Уральском междуречье северным пределом распространения сайгака были степи, прилегавшие к р. Самара. Во время путешествия Палласа (лето 1769 г.) большие стада сайгаков встречались неподалеку от Бузулукской, Новосергиевской и Переволоцкой крепостей. Сайгачата, пойманные в раннем возрасте, легко приручались, и их держали в Новосергиевской крепости и Оренбурге [Паллас, 1773]. Во множестве добывали сайгаков уральские казаки. В 30-х и 40-х гг. XIX в. сайгака уже не было в степях по Общему Сырту, а также — между Оренбургом и Уральском [Железнов, 1888; Эверсманн, 1850].

Однако на южной окраине степного междуречья, граничившей с полупустыней, сайгак был нередок в первой половине XIX в. В годы генерального межевания (1798—1835 гг.) его присутствие отмечено на «луговой» стороне Саратовского уезда, по обоим берегам рек Б. Иргиз и Короман, по рекам Мечетная, Сухой и Малый Кушум, Б. и М. Узени [39] О том, что сайгак водился на землях уральских казаков, расположенных между Кушумом, Б. и М. Узенями, сообщалось и в описании, составленном в 1827 г.[40]

[37] ЦГАДА, ф. 261, кн. 5560.
[38] ЦГАДА, ф. Экон. прим., Камышинский у., д. 57; Царицынский у., д. 136.
[39] ЦГАДА, ф. Экон. прим., Саратовский у., д. 86.
[40] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19130.

Южнее г. Уральск сайгаки большими стадами переправлялись через Урал на его правобережье, и в это время казаки добывали их во множестве на «плави» [Эверсманн, 1850].

К середине XIX в. в степях между Днестром и Уралом была почти полностью истреблена и *дикая лошадь* (Equus przewalskii Gmelini Antonius). В третьей четверти этого столетия оставались лишь отдельные небольшие косяки или единичные особи тарпанов. Сообщения о последних встречах их относятся к концу 70-х гг. XIX. в.

Интересно проследить, как постепенно исчезали тарпаны в разных областях степной зоны.

В степном Причерноморье тарпаны были так обычны в первой половине XVIII в., что охота на них была заурядным явлением в быту ногайцев, татар и запорожских казаков. Однако уже в 80-х гг. этого века было замечено, что в степях между Днепром и Перекопом тарпаны встречались уже не в таком множестве, как раньше [Габлиц, 1785]. В XIX в. сокращение численности причерноморских тарпанов происходило очень быстро. По мере роста численности оседлого населения истребление тарпанов усиливалось, тем более что они поедали сено из стогов и уводили с собой домашних кобылиц. Особенно много тарпанов погибло в суровые многоснежные зимы 1812/13 и 1840/41 гг., когда не стоило большого труда убить и поймать тарпана в глубоких снегах.

Дольше всего продержались тарпаны в тех местах Причерноморья, где еще оставались крупные участки степей, мало пригодные не только для земледелия, но и для сенокошения. Несколько таких участков находилось в Херсонском уезде. В экономических примечаниях к генеральному межеванию о них было сказано, что эти участки были не только «не способны к пашне», но что там и «сенные покосы худы» были.

Значительно больше целинных степей было в Днепровском уезде Таврической губернии. Насколько малолюдны и не тронуты плугом были эти степи, можно судить по тому, что в одной только земельной даче, где были расположены села Успенское, Николаевское (Акбита), Самойловка, Ново-Репаевка, Забелино, хутора Водопойный и Солаевский и два безымянных хутора по балке Акалтей, было 374 203 десятины степей, 25 890 десятин солонцов и других неудобных земель и всего лишь 820 десятин пашни [41]. Земли этой дачи были расположены по побережью Черного моря по Колончакскому заливу и р. Колончак, по долинам Чукур, Баяр, Малые Чапли, Агайман, Эдикурель, Б. и М. Кимаклеи, Утюкен, по кучугурам Белому и Королькову и по оврагам Акбита, Чекмейча и др.

Известия о последних тарпанах в Херсонском уезде относятся к 60-м гг. XIX в., а о тарпанах в Днепровском уезде — к 70-м гг.

Судьба донских степных тарпанов была сходной с тем, что

[41] ЦГАДА, ф. Экон. прим., Днепровский у., д. 1 и 2.

известно об их судьбе в Причерноморье. В указе императрицы Елизаветы Петровны, изданном в 1774 г., упоминалось, что донские казаки и калмыки били диких лошадей и ловили живьем жеребят. В этом указе повелевалось, чтобы на Дону и на правобережье нижней Волги ловили диких жеребят, выкармливали их под домашними кобылицами, а годовиков и двухгодовалых тарпанов приучали к сену вместе с домашними лошадьми и, когда привыкнут, бережно отправляли к царскому двору [42]. И. Гюльденштедт, путешествовавший по приазовским степям в 1773 г., сообщил, что ногайцы беспощадно истребляли тарпанов, но что прежде их было много.

Еще в начале XIX в. немало тарпанов было в степях между реками Быстрая и Цымла, а до этого они встречались и в окрестностях станицы Верхне-Курмоярская [Котельников, 1886]. О табунах донских тарпанов упоминалось и в книге «Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822—1823 годах» [1891].

В степном Предкавказье тарпаны ходили косяками в начале XIX в. [Равинский, 1809]. В начале 60-х гг. XIX в. их оставалось гораздо меньше. Один табун в 70 голов пасся в степях между реками Ея и Кугосея, а другой — в верховьях р. Сасык, между станицами Новолеушковская и Калниболотская. Охотились на тарпанов главным образом зимой. Когда степь покрывалась глубоким снегом, тарпаны торили тропы к скирдам сена. Охотники верхом на конях подбирались к тарпанам, кормившимся сеном, с двух концов тропы. Преследуемые охотниками, тарпаны бросались в сторону от нее по снежной целине. Те из них, кто попадал в снежные заносы по рытвинам и балкам, становились добычей охотников (см. сообщение Я. Г Кухаренко в статье П. Ревякина [1862]).

Судьба тарпанов, водившихся в степном Волго-Уральском междуречье, мало отличалась от их судьб в Причерноморье, Подонье и Предкавказье.

В 1769 и 1773 гг. близ того маршрута, по которому следовал Паллас, тарпаны держались летом и зимой в гористой и безлюдной степи в верховьях рек Б. Иргиз, Бузулук, Каралик и Чаган. Зимой они находили там пищу на холмах и сопках, с которых ветер сносил снег. Особенно рьяно охотились на них татары, жившие в Бузулукской крепости. Будучи в Яицком городке (теперь г. Уральск), Паллас узнал, что калмыки нередко добывали диких лошадей. За несколько лет до путешествия Палласа из Оренбургской губернской канцелярии также сообщили, что на правобережье р. Яик (Урал) водились дикие кони.

В 1798—1835 гг. тарпаны водились в южной части степного Волго-Уральского междуречья, на казенных землях, простиравшихся от Волги до М. Узеня. В эту территорию входили правобережье Б. Коромана, левобережье М. Узеня, земли по Еруслану, Торгуну, Пресной Кубе, Б. и М. Соленогорьким. По описанию лиц,

[42] ЦГАДА, ф. Дворцовый отд., оп. 741, д. 17.

производивших генеральное межевание, в этих местах была «солонцеватая степь, к пашням и сенным покосам неспособная»[43].

Около Б. Узеня и близ Камыш-Самарских озер дикие кони встречались еще в 50-х гг. XIX в. [Безносиков, 1852]. О распространении тарпанов на степном левобережье Волги к югу от широты Саратова упоминал и Э. Эверсманн [1850]. Он же рассказал, что ловили тарпанов зимой. Заметив их косяк, охотники устремлялись к нему. Взрослые тарпаны уходили, но жеребят после долгого преследования удавалось поймать.

О том, когда и где были истреблены последние тарпаны в Волго-Уральском междуречье, неизвестно.

Зайцеобразные (Lagomorpha)

О распространении растительноядных зайцеобразных и грызунов сведения более бедны, чем о распространении копытных.

Заяц-русак (Lepus europaeus Pall.) был одним из самых обычных видов по всей степной зоне Европейской части СССР. В Волго-Уральском степном междуречье наиболее обычными местами его обитания были степи и луга с небольшими кустарниками или с высокой травой и тростником, где он мог укрыться. Там, где были селения, он держался зимой близ ометов хлеба [Эверсманн, 1850].

Заяц-беляк (Lepus timidus Pall.) в противоположность русаку был редок в европейской части степной зоны. Сведений о присутствии беляка в этот период в степном Причерноморье, Подонье и Предкавказье не обнаружено. Беляк был очень редок в степном правобережном Поволжье. В 60-х гг. XVIII в. наиболее южными местами его обитания в Поволжье были байрачные леса в окрестностях Царицына [Güldenstädt, 1, 1787], но и здесь беляк был очень редок, и И. Гюльденштедт не мог получить для коллекции ни одного экземпляра.

В степном Волго-Уральском междуречье беляк был распространен от южной окраины Общего Сырта до северной границы полупустынной зоны, но его было здесь гораздо меньше, чем русака. В 1826 г. был заячий мор, и там, где охотники добывали в день до 200 зайцев, после мора они могли добыть не больше 5—6 [Эверсманн, 1850].

Малая или *степная сеноставка* (Ochotona pusilla Pall.)

В источниках, относящихся к рассматриваемому периоду, нет достоверных сведений о том, что этот вид встречался в степном Причерноморье, Подонье и Предкавказье.

В правобережном степном Поволжье сеноставка кое-где встречалась, но была редка. О ее распространении известно лишь, что она обитала в степях по рекам Иловля и Медведица и на Приволжской возвышенности [Лепехин, 1771; Falk, 1786].

В Волго-Уральском степном междуречье сеноставка была замечена П. Палассом во время его путешествия в 1769 г. в следую-

[43] ЦГАДА, ф. Экон. прим., Камышинский у., луговая сторона, д. 49.

щих местах: по пути из Кинель-Черкасской слободы к Борской крепости, в окрестностях Новосергиевской крепости и Чеганского форпоста и близ впадения р. Иртек в Урал.

Составители экономических примечаний к генеральному межеванию степного междуречья не обращали внимания на распространение мелких зверьков, и поэтому в этом источнике нет никаких сведений о распространении степной сеноставки. Э. Эверсманн [1850] ограничился лишь указанием на то, что она встречалась в низменных долинах южных Уральских предгорий, Г. С. Карелин, разбирая книгу А. Рябинина, заметил, что сеноставка в степном междуречье была распространена почти исключительно по склонам Общего Сырта [Карелин, 1875].

Грызуны (Rodentia)

Из тех сведений о распространении грызунов, которые имеются в источниках, относящихся к рассматриваемому времени, привлекают к себе наибольшее внимание два обстоятельства. Одно из них — малая плотность населения сусликов, главным образом — *малого суслика* (Citellus pygmaeus Pall.). Украинский старожил рассказывал Д. И. Эварницкому о степной травянистой растительности: «за травою и земли не побачиш: як рядно, або кожух поверх земли лежить... Тоди, бач, мало хто косив Ии» [Эварницкий, 1888]. Эти воспоминания указывают на то, что в степях северной полосы степного Причерноморья в первые две трети XVIII в. была густая и высокая травянистая растительность и скотосбоя еще не было. А это объясняет, почему в то время сусликов было мало.

Суслики (особенно малый) предпочитают жить в степях, сильно выбитых скотом. В таких местах для них возможен широкий обзор окружающей местности и легче заметить хищников. Кроме того, на скотосбойных местах Причерноморья появлялся мятлик (Poa bulbosa), луковички которого становились основной пищей сусликов, когда высыхала степная трава. По мере развития земледелия суслики все чаще стали причинять вред посеянным хлебам. Путешествуя по Куме в сентябре 1793 г., Паллас узнал от местных жителей, что в окрестностях с. Малые Мажары суслики в начале лета съели молодые, зеленые хлеба. Чем засушливей было лето, тем сильнее поедали суслики молодые, еще не выколосившиеся хлеба [Равинский, 1809]. Большой вред, причиняемый сусликами, был отмечен в середине XIX в. и в правобережном степном Поволжье. При описании земельных владений с. Отрадное (Царицынский уезд) упоминалось о том, что суслики причиняли большой вред посеянным хлебам. Одной из причин сильного размножения сусликов некоторые наблюдатели считали чрезмерное истребление степных хорьков [Черкасов, 1859].

Одним из видов, имевших серьезное значение в охотничьем промысле жителей, населявших степную зону в XVIII и в первой половине XIX в., был *байбак* (Marmota bobac Müller). Его добывали не только из-за меха, но и ради жира, имевшего лечебное значение. Калмыки охотились на него и ради мяса.

Исторические известия о распространении байбака в той части степной зоны, которая расположена к западу от Днепра, относятся ко второй половине XVIII в. и к началу XIX в. В описании причерноморских земель, отошедших к России по Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 г., сказано, что в степях между низовьями Буга и Днепра до русско-турецкой войны 1768—1774 гг. диких зверей «важивалось довольно», но после нее волки, лисицы, косули, барсуки, а также «сурки или байбаки» встречались лишь изредка [Топографическое описание..., 1868, с. 187].

В экономических примечаниях к генеральному межеванию южных уездов Херсонской губернии — Тираспольского, Одесского и Херсонского — о местах пребывания байбака упоминалось лишь при описании двух земельных дач Херсонского уезда. Межевание в этих дачах производилось в 1807 и 1808 гг. В одну из них входила Базавлуцкая пустошь и земли д. Шолохова. Дача была расположена по правобережью р. Базавлук (теперь — Бузулук), по левобережью р. Кашенка и по балкам Ганковка, Павлова, Криничная, Водяная и др. Другая дача находилась в пустоши Лобиной по левобережью р. Громоклея [Кириков, 1959, 1966]. О том, что байбаки изредка встречались в Херсонской губернии в 30-х гг. XIX в., сообщил и А. Нордманн [Nordmann, 1840].

О распространении в прошлом байбака в степном Причерноморье, к востоку от Днепра, сведений гораздо больше.

Запорожец Н. Л. Корж, живший в Запорожской Сечи с 1738 по 1778 г., упомянул, что в степях Запорожья было много байбаков и что покупать шкуры этих зверьков приезжали в Сечь на ярмарки торговцы из Гетманщины и Польши [Корж, 1842]. В более поздних сведениях о распространении байбака в пределах Екатеринославской губернии говорится очень мало. В экономических примечаниях к генеральному межеванию этих уездов поселения сурков показаны в одной даче Бахмутского уезда (пустошь Чирикова по р. Бахмутка) и в одной даче Новомосковского уезда (дача с. Одинковка по р. Самара). О нахождении байбака в степных окрестностях г. Александровск (теперь Запорожье) сообщали Калениченко и Нордманн [Kaleniczenko, 1839; Nordmann, 1840].

Еще реже встречались байбаки в Таврической губернии [44]. В экономических примечаниях к ее генеральному межеванию байбаки не упоминались нигде. Суслики же упоминались при описании почти каждой дачи в Днепровском, Перекопском и Мелитопольском уездах. Сурки все же, по-видимому, кое-где встречались, но крайне редко. В середине XIX в. поселение байбаков было известно по р. Юшанля — приток р. Молочная [Сельская летопись..., 1854].

По степному Подонью и Приазовью байбаки были распространены тоже неравномерно. «На Дону их находится великое множество», — писал С. Гмелин [1771, с. 46]. Однако и в то время не везде их было много. И. Гюльденштедт, путешествовавший по

[44] В нее входили Крым и уезды Днепровский, Перекопский и Мелитопольский. Межевание в этих уездах производилось в 1799—1834 гг.

Дону в 1769 г., заметил, что в степях возле Новохоперской крепости сурки были нередки, но между станицами Урюпинской и Теплинской байбаков не было видно. Местные жители сообщили И. Гюльденштедту, что сурки исчезли здесь около шести лет назад [Güldenstädt, I, 1787].

В Хоперском и Усть-Медведицком округах земли Войска Донского сурки были нередки еще в 20-х гг. XIX в. В Донецком округе их было меньше, а в остальных округах (Миусском, Черкасском, Первом и Втором Донском) их оставалось так мало, что автор «Статистическое описание...» [1891] полагал: «с прочих мест они сбежали».

В Приазовье байбаки в некоторых местах были распространены почти до побережья. В середине XIX в. поселения байбака были известны в окрестностях г. Бердянск [Пидопличко, 1951]. О том, где проходила южная граница его распространения между Бердянским и Миусским лиманами, неизвестно. В степях же по р. Миус байбаки были редки в 70-х гг. XVIII в. [Güldenstädt, 2, 1791]. В окрестностях Таганрога, по пути от него к Миусскому лиману, Гюльденштедт видел множество сурчин в сентябре 1773 г., но сами сурки встречались очень редко. Восточней Таганрога, в целинной степи «Нецветай», расположенной по берегам р. Несвитай, обширная колония байбаков существовала еще в 60-х гг. XIX в. [Алфераки, 1910]. В самом конце XVIII в. поселения сурков находились неподалеку от г. Черкасск.

О распространении байбака в Предкавказье существовали различные мнения. Разбор их был произведен ранее [Кириков, 1959], и здесь я привожу лишь сведения, подтверждающие мнение, что байбаки обитали в степном Предкавказье в XVIII и начале XIX в. В июле 1773 г. Гюльденштедт видел в степи молодого сурка между верховьями рек Б. Егорлык и Калаус. До этого он нигде не встречал сурка в Предкавказье [Güldenstädt, 2, 1791]. В начале XIX в. сообщалось [Равинский, 1809], что байбаки водились по холмистым степям во всех пяти уездах тогдашней Кавказской губернии (Ставропольском, Георгиевском, Александровском, Моздокском и Кизлярском).

Напомню, что в коллекции Зоологического института Академии наук СССР хранится шкурка байбака, на этикетке которой написано, что он добыт в Кубанской области.

На степном правобережье Волги байбаков в XVIII и в первой половине XIX в. было больше, чем в Причерноморье и Подонье, не говоря уже о Предкавказье. В экономических примечаниях к генеральному межеванию Балашевского, Аткарского, Петровского и нагорной стороны Камышинского уезда обычны указания на то, что байбаки встречались во многих земельных дачах этих уездов. В Балашевском, Аткарском и в северной части Камышинского уезда байбаки были нередки до конца 50-х гг. XIX в. Однако тогда уже было замечено, что численность их уменьшалась с каждым годом из-за чрезмерной добычи их и из-за распашки степей [Яковлев, 1860]. Все же еще в начале 60-х гг. XIX в. сурки

занимали важное место в торговле г. Балашов. Там продавалось около 2—3 тыс. байбачьих шкурок; цена шкурки — 20—30 коп. серебром, а пуд суркового жира — от 6 до 8 руб.

К югу от Камышинского уезда байбаки если и бывали в начале XIX в., то очень редко. В экономических примечаниях к генеральному межеванию Царицынского уезда о них не упоминалось совсем.

В северной полосе степного Волго-Уральского междуречья сурки были обычны, особенно по Общему Сырту, не только в XVIII в., но и в первой половине XIX в. О «великом множестве» сурков у Татищевой крепости упоминал Паллас в описании своего путешествия [Паллас, 1, 1773]. В экономических примечаниях к генеральному межеванию Оренбургского уезда присутствие сурков отмечено в дачах Ильинской крепости, Сакмарского городка, слободы Каргала, Верхне- и Нижне-Озерной крепостей и ряда других селений, находившихся в степной полосе этого уезда.

Чем ближе подходила граница степной зоны к полупустыне, тем реже встречались сурки. В степях, прилегавших к Б. Иргизу, обитание сурков в первой половине XIX в. отмечено в ряде дач, начиная от верховий этой реки до устья (на землях с. Красный Яр, у д. Б. Кушум, Большая Перекопная Лука, Пузаниха, Таволжанка, Гусиха, Камелик, Тепловка, Овечий Гай) [45]. К югу от Б. Иргиза сурки были редки. В первой половине XIX в. места их обитания были известны в степях по нижнему течению рек Малый и Большой Короман и по р. Саратовка [46]. В эти же годы сурки встречались по Б. и М. Узеням [47]

Южнее этих мест сурков, по-видимому, не было ни в XVIII, ни в первой половине XIX в.

Слепыши (род Spalax). В архивных источниках XVIII и первой половин XIX в. слепыши назывались «кротами». Их включали в списки животных, обитавших в «полях», т. е. в степях. Иногда встречаются и прямые указания на то, что под «кротом» подразумевался слепыш. «Слепец или крот» — так сказано, например, в «Топографическом описании Воронежскому наместничеству» [48]. О том, где встречались слепыши в степном Причерноморье к западу от Днепра, сведения, имеющиеся в источниках XVIII и первой половины XIX в., довольно бедны. К тому же тогда слепыш обыкновенный (Spalax microphtalmus Guld.) и слепыш белозубый (Spalax leucodon Nordm.) именовались одинаково — «слепыш», и поэтому нельзя сказать с полной уверенностью, о каком из этих двух видов шла речь. В 70-х гг. XVIII в. слепыши были обычны в Елисаветградской провинции, значительная часть которой находилась в степной зоне [Güldenstädt, 2, 1791]. По сведениям, относящимся к 1807 г., «кроты» встречались на землях по рекам

[45] ЦГАДА, ф. Экон. прим., Вольский у. д. 28 и 31
[46] Там же, Саратовский у., д. 86.
[47] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19130.
[48] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18688.

Каменка и Базавлук (Бузулук) [49]. На междуречье Айдар — Деркул слепыши были нередки в 70—80-х гг. XVIII в.[50]

В источниках XVIII и первой половины XIX в. очень мало сведений о распространении слепыша в степном Подонье. Известно все же, что во время путешествия Гюльденштедта они встречались в степях по Миусу [Güldenstädt, 2, 1791].

В степном Предкавказье, на землях, прилегавших к г. Георгиевск, Паллас обнаружил слепыша, отличавшегося более крупным ростом по сравнению с обыкновенным слепышом (Sp. microphtalmus Güld.) и названного им Spalax typhle. Это был гигантский слепец, называющийся теперь Spalax giganteus Nehring.

Очень мало сведений и о распространении слепыша в правобережном степном Поволжье. В экономических примечаниях к генеральному межеванию Сердобского, Балашевского, Аткарского уездов и правобережной стороны Камышинского и Царицынского уездов пребывание слепышей («кротов») показано лишь в земельных дачах д. Елышанка и колонии Сарепта [51]. Однако это не означает, что слепыши были только в этих местах. Слепыши были обычны в степном Поволжье, но составители экономических примечаний не обращали внимания на распространение этих животных. В Балашевском уезде, например, слепыши еще в конце XIX в. встречались всюду, где оставались черноземные земли, и местами степь казалась покрытой их холмиками [Силантьев, 1894].

Распространение «крота» в степном Волго-Уральском междуречье было очень своеобразно. В экономических примечаниях к генеральному межеванию земель, находившихся в степной полосе Бузулукского и Оренбургского уездов, о «кротах» не упоминалось ни разу. Нет никаких сведений и о распространении «крота» в экономических примечаниях к генеральному межеванию «луговой» стороны Камышинского и Царицынского уездов (левобережье этих уездов находилось преимущественно в полупустынной зоне).

Все сведения, имеющиеся о распространении «крота» в степном Заволжье, находятся в экономических примечаниях к генеральному межеванию левобережной стороны Хвалынского, Вольского и Саратовского уездов. В этих источниках места пребывания «кротов» отмечены на землях по Б. и М. Иргизам, по Б. и М. Кушумам и по нижнему течению Б. и М. Кораманов.

Если признать, что под «кротом» подразумевался слепыш, то неясно, какой вид слепыша был здесь распространен. Считается, что обыкновенный слепыш — Spalax microphthalmus Güld. — был распространен в историческое время только до Волги и что гигантского слепыша (Spalax giganteus Nehring) не было ни в степном, ни в полупустынном Волго-Уральском междуречье. Признавая, что в экономических примечаниях к генеральному межеванию

[49] ЦГАДА, ф. Экон прим., Херсонский у., д. 36.
[50] ЦГАДА, ф. Экон. прим., Беловодский у., д. 3.
[51] ЦГАДА, ф. Экон. прим., Царицынский у., д. 134.

степного Заволжья под «кротом» подразумевался слепыш, следует предположить, что здесь был распространен гигантский слепыш.

В степной зоне Восточной Европы было немного мест, пригодных для жизни *бобра* (Castor fiber L.). Небольшие степные реки летом сильно мелеют и частично пересыхают. Прибрежные места покрыты преимущественно луговой и степной растительностью; леса и кустарников мало. На больших и средних по величине степных реках, особенно по берегам стариц и пойменных озер, были и пойменные леса и заросли кустарниковых ив, и в них бобры могли найти себе пищу. По берегам рек, стариц и пойменных озер были также места, пригодные для устройства нор или хаток. Однако места обитания бобров легко обнаружить, а сами бобры беспощадно истреблялись. Поэтому неудивительно, что последние известия об их обитании в степном Причерноморье относятся к 30-м гг. XIX в. В то время они изредка встречались по нижнему течению Дуная и Днепра, где были заболоченные крепи с зарослями ив и пойменные леса [Nordmann, 1840].

К востоку от Днепра в 60-х гг. XVIII в. бобры еще водились в пределах Бахмутской провинции. Местная провинциальная канцелярия, перечисляя наиболее примечательных зверей, упомянула и о бобре: «бобры, наподобие сурка, шерстью мышастые»[52]. По Бахмутской провинции протекали Северский Донец и его притоки. На каких из этих рек был распространен бобр, не указано. Известно также, что запорожские казаки добывали бобров на Калмиусе [Акты, относящиеся к истории Войска Донского..., 2, 1894].

В XVIII и первой половине XIX в. бобры изредка встречались кое-где и в степном Предкавказье. Головатый — войсковой судья черноморских казаков, переселившихся на Кубань, сообщал в 1795 г., что на Кубани водились бобры. Это сообщение было подтверждено Равинским [1809]. Даже в начале 60-х гг. XIX в. бобры на Кубани еще не были окончательно истреблены [Кухаренко, 1862]. Кроме Кубани, бобры встречались по Куме и Тереку. По Куме они встречались в 70-х гг. XVIII в. [Gmelin, 1784], по Тереку их присутствие отмечено в начале 20-х гг. XIX в. Сообщивший об этом С. Броневский [1823] добавил, что они там не жили колониями («не водятся в обществах»).

Быстро истребили бобра и в степном Волго-Уральском междуречье. Уже в 60-х гг. XVIII в. было замечено, что по р. Бузулук и некоторым другим рекам, текущим по южной окраине Общего Сырта, бобры выбиты без остатка. Однако в те годы яицкие казаки и калмыки находили места, где бобры еще оставались, и добывали их ради меха, бобровой струи и бобрового пуха. Калмыки, кроме того, очень любили мясо бобра и считали его целительной пищей [Паллас, 1773].

К середине XIX в. бобра, по-видимому, не оставалось нигде в Волго-Уральском степном междуречье. Э. Эверсманн совсем не

[52] ЦГАДА, ф. 261, кн. 5560, л. 351.

внес его в свою книгу «Естественная история Оренбургского края» (ч. 2 — Естественная история млекопитающих животных), которая была опубликована в 1850 г.

Белка (Sciurus vulgaris) была распространена в степной зоне Восточной Европы лишь там, где были широколиственные, сосново-широколиственные и сосновые леса. Таких лесов в XVIII—XIX вв. оставалось немного. В связи с этим было мало и белки. Точных сведений о том, где именно встречалась белка в пределах степной зоны, немного. В левобережной степной Украине во время генерального межевания (конец XVIII — начало XIX в.) пребывание белок отмечено в нескольких местах Верхнеднепровского и Екатеринославского уездов, где были леса по Днепру, рекам Домоткань и Переволочанский Омельничек.

В правобережном степном Поволжье белка была распространена к югу до 50° 30' с. ш. в лесах по р. Медведица, близ впадения в нее р. Бурлук. До той же приблизительно широты белка была распространена и на Приволжской возвышенности, где места обитания белки известны в лесах, находившихся во владениях колоний Щербаковка и Верхняя Кулалинка.

В степном Волго-Уральском междуречье белка была распространена преимущественно в его северной полосе, и было ее здесь немного. В 60-х гг. XVIII в. белка была распространена преимущественно по лесам, расположенным на обоих берегах р. Самара [Паллас, 1773].

Во время генерального межевания 1798—1835 гг. белка в степном Заволжье встречалась в лесах, тянувшихся вдоль р. Б. Иргиз и входивших во владения с. Красный Яр, д. Малая Перекопная Лука, с. Березовое, д. Сакмыкова, д. Давыдовка, Старо-Никольского и Верхне-Никольского монастырей, д.д. Гусиха, Яблоновка, Овсяный Гай [53] Далее к востоку в первой трети XIX в. в степной полосе Оренбургского уезда белка была известна в лесах, находившихся в окрестностях станиц Нижне-Озерная и Рассыпная.

Хищные звери (Carnivora)

В источниках XVIII и первой половине XIX в. значительное внимание уделено распространению хищных зверей. Одним из самых редких из них был *медведь* (Ursus arctos L.). В степном Причерноморье его в XVIII в. уже не было. В степном же Подонье медведь еще встречался. На его северной окраине медведь отмечен в лесах у станиц Арчадинская, Раздорская, Етеревская, Орловская, Заполянская, Малодельская и Березовская [Географическое описание..., 1791].

Медведя добывали также и в окрестностях станицы Старо-Григорьевская. Атаман этой станицы дал в подарок капитану Назарову шкуру и сало медведя [Акты... к истории Войска Донского, 2, 1894]. Однако в книге «Статистическое описание земли

[53] ЦГАДА, ф. Экон. прим., Вольский у., д. 28.

донских казаков, составленное в 1822—1832 годах» [1891], сказано, что медведи «удалились совсем» из земли донских казаков.

В степном Предкавказье медведь встречался не только в XVIII, но и в начале XIX в. В последней четверти XVIII в. сообщалось, что медведя встречали в лесах по Тереку вниз от г. Моздок [54]. В начале XIX в. медведь заходил в Ставропольский край. При этом сообщалось, что он заходил сюда из кавказских горных лесов [Равинский, 1809]. Если это сообщение достоверно, то из него следует, что медведю нужно было пройти около 120 км по безлесным, преимущественно степным местам.

В конце XVIII в. медведь, по-видимому, исчез из правобережного степного Поволжья. В 60-х гг. XVIII в. медведь еще водился на правобережной стороне Камышинского уезда [55]. Но в первые три десятилетия XIX в., когда в степном Поволжье производилось генеральное межевание, о медведе уже не упоминалось в экономических примечаниях к межеванию Балашевского, Аткарского и нагорной стороны Камышинского и Царицынского уездов.

К середине XIX в. медведь исчез и из степного Волго-Уральского междуречья. В 70-х гг. XVIII в. он еще встречался в степном Оренбуржье. Сообщалось, что в те годы медведи жили в кустарниках близ р. Урал, по займищам и «в болотах по тростникам» [Совершенный егерь..., 1779]. Последнее из указанных мест обитания сомнительно, и к этому сообщению нужно отнестись с недоверием.

Более точные сведения о распространении медведей в степном Оренбуржье имеются в экономических примечаниях к генеральному межеванию Оренбургского уезда. В них сказано, что медведи бывали «набегом» в лесах у станиц Нижне-Озерной и Рассыпной.

В середине XIX в. медведей в степном Волго-Уральском междуречье уже не было, и их распространение на юге Урала, по Эверсману, ограничивалось 52 ° с. ш. [Эверсманн, 1850]. Это указание не вполне точно, так как медведи и теперь еще распространены до южных пределов южноуральской дубравной лесостепи, т. е. до 51° 45' с. ш.

Из всех крупных хищников, распространенных в степной зоне Восточной Европы, самым обычным был *волк* (Canis lupus). В 50-х гг. XVIII в. из Запорожья в Российскую империю продавали ежегодно около 4000 волчьих и лисьих шкур. Отправлялись шкуры этих зверей также в Крымское ханство и в Польшу, но сколько именно — неизвестно. На волков охотились особенно усердно еще и потому, что они нападали на домашний скот, а разведение скота, как уже об этом упоминалось, было основным занятием запорожцев и ногайцев. По сообщению А. Мейера [1794], многочисленные стада овец привлекали степных волков или бирюков. Стада охра-

[54] Отдел рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 178, д. 9149.
[55] ЦГАДА, ф. 261, кн. 5560.

нялись собаками, похожими на борзых. В экономических примечаниях к генеральному межеванию Херсонской губернии пребывание волков отмечено во многих земельных дачах, находившихся по Ингульцу, Висуни, Днепру. Волки встречались даже на о. Тендра. Отмечено также, что волки встречались во множестве на всех равнинах, на Керченском полуострове, на Тамани, на Арабатской стрелке [56]. Волки показаны как обычные звери в экономических примечаниях к генеральному межеванию Ольвиопольского и Херсонского уездов Херсонской губернии, всех уездов Екатеринославской губернии.

Ущерб, причиняемый волками скотоводству, был таким значительным, что в Новороссии [57] весной (в апреле) устраивалась повсеместно общая облавная охота на волков. За две такие охоты, устроенные в 1843 и 1845 гг., было убито до 3000 волков — старых и молодых [Шмидт, 1863].

Большой вред причиняли волки и в степном Подонье. Здесь ежегодно все казаки должны были принимать участие в облавных охотах на волков [Географическое описание..., 1791]. В степном Предкавказье волки встречались чаще всего в кубанских плавнях, в лесах по Тереку, вниз от Моздока и в степной полосе Кизлярского уезда.

Волк был обычен и в степном правобережном Поволжье, особенно на Ергенях, где следовал за стадами кочевников [Корнилов, 1859].

В степном Волго-Уральском междуречье волк был нередок как в XVIII, так и в первой половине XIX в. В экономических примечаниях к генеральному межеванию Бузулукского и Оренбургского уездов (1798—1835 гг.) отмечено, что волки встречались почти во всех земельных дачах, находившихся в степной полосе этих уездов. Значительно раньше, в 1761 г., оренбургская канцелярия сообщила, что возле р. Яик по займищам и в степи волков было «довольно» [Восстание Ем. Пугачева, 1935]. Известно также, что волк был одним из главных объектов пушного промысла яицких казаков.

О распространении *шакала* (Canis aureus L.) в степном Причерноморье никаких сведений не обнаружено. Очень редок был он и в степном Подонье. Известно, что в 20-х гг. XIX в. шакалы встречались, но где именно — неизвестно [Статистическое описание..., 1891]. На этом сообщении, по-видимому, основано и более позднее известие о том, что в земле Войска Донского изредка попадались шакалы [Краснов, 1863].

В степном Предкавказье шакал в начале XIX в. встречался около Ставрополя, а также в Георгиевском, Александровском, Моздокском и Кизлярском уездах, значительная часть которых находилась в степной зоне Предкавказья [Равинский, 1809].

---

[56] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19062 (Статистическое и топографическое описание Таврической губернии).

[57] В нее входили Херсонская, Екатеринославская и Таврическая губернии.

В Прикумье, в окрестностях г. Георгиевск он изредка встречался и в 1793 г. [Pallas, 1799].

Распространение *лисицы* (Vulpes vulpes L.) во многом сходно с распространением волка. Она была обычна в степной зоне Восточной Европы от Днепра до Урала.

Лисица была главным предметом пушного промысла запорожских казаков. В Бугогардовской паланке (округе) некоторые из запорожских казаков назывались «лисичниками». В 50-х гг. XVIII в. лисьи меха запорожцы продавали в Россию, Польшу и Крымское ханство. В одну только Россию отправлялось ежегодно около 4000 лисьих и волчьих шкур. В экономических примечаниях к генеральному межеванию степного Причерноморья и правобережного Поволжья пребывание лисиц отмечено в большинстве земельных дач.

Лисица была обычна и в степном Предкавказье. Свидетельство этого — число лисьих шкур, предъявленных в Кизлярской таможне. С 17 марта по 25 апреля 1748 г. там было предъявлено 115 лисиц, оцененных в среднем по 55 коп. за шкуру.

Наряду с волком лисица в XVIII в. была одним из основных предметов пушного промысла яицких казаков. В экономических примечаниях к генеральному межеванию степного Заволжья и Оренбуржья ее пребывание отмечено почти во всех земельных дачах.

В степной зоне Восточной Европы ареал *корсака* (Vulpes corsac L.) был менее обширен, чем ареал лисицы. В степном Причерноморье его не было ни в XVIII, ни в XIX вв.

На землях Войска Донского корсаки («хоря или корсака цветом белосерая, с проседью и малого роста») водились в первой половине XIX в. [Статистическое описание..., 1891; Краснов, 1863].

В степном Предкавказье корсак был более редок, чем лисица. Однако в степях к северу от Кумы корсак встречался часто С. Гмелину во время его путешествия [Gmelin, 1784].

В экономических примечаниях к генеральному межеванию степного Заволжья и Оренбуржья о корсаке не упоминается совсем. Причина этого неясна. По сведениям Э. Эверсманна [1850], корсак в середине XIX в. был распространен в степях по Общему Сырту. У яицких же казаков корсак был одним из основных видов пушного промысла во второй половине XVIII в. [Восстание Ем. Пугачева, 1935].

Сведения о распространении зверей семейства кошачьих (Felidae) бедны. Самым редким из них был *барс* (Panthera pardus L.). В XVIII—XIX вв. он встречался лишь в степном Предкавказье, да и здесь крайне редко. За 40 лет, проведенных А. Ребровым на прикумских землях, барс был замечен лишь однажды в окрестностях слободы Владимировка [Ребров, 1850б].

Очень редка в степной зоне Восточной Европы была и *рысь* (Lynx lynx L.). В первой половине XIX в. рысь, по сведениям Нордманна, встречалась в Бессарабии, но он не разъяснил, в какой части ее — в лесостепной или степной [Nordmann, 1840]. О том,

что в конце XVIII в. рысь изредка наблюдалась в степном Прикумье сообщил С. Г Гмелин [Gmelin, 1784].

О хищниках из семейства куньих (Mustelidae) упоминается во многих источниках XVIII в. В списке зверей, присланном Бахмутской провинциальной канцелярией в 1763 г., перечислены, например, следующие виды: «барсуки — в подобие волка, только меньше; куницы, в подобие черной кошки; порешни (выдры. — *К.*), перевезни (перевязки), в подобие хоря, шерстью рябые; норки, в подобие куницы черной, только меньше; хори; горностаи шерстью беленкие, а хвосты черные; ластицы, в подобие горностая, белые» [58]. Аналогичных сведений довольно много.

Самым редким зверем из этого семейства была *росомаха* (Gulo gulo L.). О ее заходе в степную зону упоминалось лишь в экономических примечаниях к генеральному межеванию Херсонского уезда, производившемуся в 1802 г. Она отмечена в списке зверей, встреченных в даче с. Давыдов Брод, по левому берегу р. Ингулец [Кириков, 1959].

Немного сведений и о распространении в прошлом *перевязки* (Vormela peregusna Gulden.). В 70-х гг. XVIII в. перевязка была обычна в Елисаветградской провинции [Güldenstädt, 2, 1791], значительная часть которой находилась в степной зоне. На степных равнинах Крыма она была распространена в конце того же столетия [Pallas, 2, 1801].

Бахмутская провинциальная канцелярия, перечисляя зверей, водившихся в этой провинции в 1760 г., назвала и перевязку, указав, что она несколько сходна с хорем, а «шерстью рябая». В степном Подонье перевязка встречалась и в первой половине XIX в. на южных дальних хуторах [Котельников, 1886].

Хорь. Подробных сведений о распространении *светлого* (Putorius eversmani Lesson) и *черного* (P. putorius L.) *хоря* немного. В архивных источниках XVIII в. и первой половины XIX в. оба вида описывались под одним названием «хорьки». В степной зоне от Дуная до Урала, по-видимому, преобладал светлый хорь. В экономических примечаниях к генеральному межеванию степного Причерноморья (конец XVIII—начало XIX в.) присутствие хоря отмечено в нескольких дачах Тираспольского, Ольвиопольского, Одесского и Херсонского уездов. Несомненно, что хорь был и в левобережной степной Украине.

Этот зверек был обычен также в степном Подонье, Предкавказье, правобережном Поволжье и Волго-Уральском междуречье.

Горностай (Mustela erminea L.) был широко распространен в степной зоне. Во множестве добывался охотниками на землях по Иргизу и Кушуму.

Норка (Lutreola lutreola L.). В рассматриваемый историко-экологический период была распространена по степной зоне от Дуная до Урала, но всюду редка. В Волго-Уральском степном междуречье ее пребывание отмечено на казенных землях, прости-

[58] ЦГАДА, ф. 261 (правит. сенат), кн. 5560, л. 351

равшихся от Волги до М. Узеня и от рек Коромана и Еруслана на севере до широты оз. Эльтон на юге [59] В то время норка встречалась по р. Урал и по пойменным озерам в окрестностях Нижне-Озерной станицы.

Выдра (Lutra lutra L.). Из-за высокой стоимости меха выдра усиленно преследовалась человеком. Но добывать ее было довольно трудно, и поэтому она была широко распространена по рекам степной зоны и встречалась гораздо чаще, чем бобр.

В обширных и трудно доступных плавнях по Днепру и Конской выдра была, например, нередка в конце XVIII и начале XIX в. В более доступных местах выдра стала редкой или даже была истреблена совсем в XVIII и первой половине XIX в. По р. Бузулук, например, выдра была уже истреблена к 60-м гг. XVIII в. [Паллас, 1773]. В середине XIX в. Э. Эверсманн [1850] писал, что выдру преследуют очень усердно и она редка везде в степной полосе Оренбургского края.

Насекомоядные (Insecta)

В источниках XVIII и первой половины XIX в. очень мало сведений о распространении животных, относящихся к отряду Insectivora (насекомоядные). Лишь о *выхухоли* (Desmana moschata L.) кое-что известно. В сентябре 1768 г., когда С. Г Гмелин приехал в Воронеж, ему доставили выхухоль. О ее распространении в бассейне Дона имеются и более поздние сообщения, относящиеся к первой трети XIX в. В эти годы она встречалась по р. Медведица в ее верхнем (у г. Петровск) и среднем течении, а также по ее притокам — Таволжка, Бурлюк и Терса и в озерах, расположенных в поймах этих рек. Кроме того, пребывание выхухоли отмечено по речкам и озерам в окрестностях с. Сарепта [60].

В первой трети XIX в. выхухоль была распространена по некоторым рекам и озерам на юге-западе Волго-Уральского степного междуречья. Эта обширная территория простиралась от Волги до М. Узеня и была ограничена на севере р. Еруслан, а на юге — широтой оз. Эльтон. Здесь протекали реки М. Узень, Торгун, Пресная и Соленогорькая Куба, Малая Соленогорькая, Солянка и ряд других более мелких речек. Здесь же находились Камыш-Самарские озера. В экономических примечаниях к генеральному межеванию этой огромной территории помещен список зверей и птиц, водившихся на ее землях. Среди них названа и выхухоль [Кириков, 1959] [61].

---

[59] ЦГАДА, ф. Экон. прим., Камышинский у., д. 52.

[60] ЦГАДА, ф. Экон. прим., Петровский у., д. 74; Камышинский у., д. 51, Царицынский у., д. 136.

[61] На Камыш-Самарских озерах выхухоль водилась и в конце XIX в. [Зарудный 1897].

Распространение и численность птиц

Сведения о распространении и численности птиц, имеющиеся в источниках XVIII и первой половины XIX в., относятся главным образом к тем видам, которые добывались людьми или привлекали особое внимание своей внешностью и образом жизни.

Целинные нераспаханные степи были преобладающим типом угодий в течение всего XVIII в. Много таких степей оставалось и в первой половине XIX в. Поэтому мест, пригодных для жительства степной пернатой дичи — дрофы, стрепета, журавля-красавки, серой куропатки, большого кроншнепа — было много.

Добыча даже наиболее ценных птиц, таких, как *дрофа* (Otis tarda L.), не была в XVIII и первой половине XIX в. такой истребительной, какой стала во второй половине XIX и в XX столетии.

В степном Причерноморье она была одной из самых обычных птиц всю первую половину XIX в. «Vulgatissima avis» — так характеризовал ее один из исследователей животного мира этой области [Kaleniczenko, 1839], а другой [Nordmann, 1840] отметил, что дрофы встречались здесь бесчисленными стадами; особенно изобиловали ими степи северного Крыма. В экономических примечаниях к генеральному межеванию Херсонской, Таврической и Екатеринославской губерний пребывание дроф показано почти во всех земельных дачах.

В степном Подонье дрофа была так же обычна и многочисленна, как и в степном Причерноморье. В одном из источников XIX в. о дрофах сказано: «находятся в великом множестве, летают большими стадами» [Статистическое описание..., 1891, с. 73].

Об обилии дрофы в степном Предкавказье можно судить по тому, сколько их погибало в начале таких зим, когда внезапно возникала ожеледь (обледенение) и оперение дроф обледеневало и они не могли летать. Бывали случаи, когда кубанские казаки загоняли со степи сотнями обледеневших дроф в свои дворы; там их резали, замораживали и солили. Однако спустя несколько лет после таких катастроф численность дроф восстанавливалась.

В правобережном Поволжье пребывание дроф отмечено во многих земельных дачах Сердобского, Балашевского, Аткарского и правобережной стороны Саратовского, Камышинского и Царицынского уездов [62].

Не менее обычны были дрофы и в степном Волго-Уральском междуречье. В анкете об экономическом состоянии Оренбургской губернии, составленной в 1761 г., сообщалось, что «дудак или тутак — птица степная, видом и вкусом схожа к индейке» [Восстание Ем. Пугачева, 1935, с. 6—7]. В первой половине XIX в. пребывание дроф отмечалось во многих местах по обоим берегам М. и Б. Иргизов, Кушума, Б. Коромана, Еруслана, Б. и М. Узеней и их притоков [63].

---

[62] ЦГАДА, ф. Экон. прим., Сердобский у., д. 97; Балашевский у., д. 16; Аткарский у., д. 4; Саратовский у., д. 86; Камышинский у., д. 51; Царицынский у., д. 136.

[63] ЦГАДА, ф. Экон. прим., Вольский у., д. 28; Саратовский у., д. 82; Камышинский у., д. 49; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19130.

О распространении *джека* (Otis undulata Jacq.) известно лишь, что он встречался кое-где по степям Чижинской дистанции в 60-х гг. XIX в. [Рябинин, 1866]. Джек — птица более характерная для полупустынь и пустынь, чем для степной зоны, и поэтому он был редок в степном междуречье. Все же в 30-х гг. XIX в. на весеннем пролете его наблюдали и на востоке степного Причерноморья, в Екатеринославской губернии [Nordmann, 1840].

Распространение *стрепета* (Otis tetrax L.) в степной зоне Восточной Европы в общих чертах сходно с распространением дрофы. В северной полосе степной зоны стрепетов было больше, чем дроф. Но, чем ближе к полупустыне подходила степная зона в Волго-Уральском междуречье, тем чаще в экономических примечаниях упоминалась дрофа, а о стрепете умалчивалось.

В XIX в. добыча стрепетов становилась все более истребительной. В книге «Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822—1832 гг.» [1891] указывается, что стрепеты водятся в большом количестве и что летом бьют их много. То же самое подтверждалось и в 50-х гг. XIX в. [Филонов, 1859].

Обыкновенный журавль (Grus grus L.) и *журавль-красавка* (Anthropoides virgo L.) во многих источниках XVIII и первой половины XIX в. объединялись под одним названием «журавли».

В степном Причерноморье журавли (без разделения их на виды) были распространены в конце XVIII и в первой трети XIX в. в некоторых земельных дачах Ольвиопольского уезда по Бугу, Синюхе, Кодыме. В те же годы пребывание журавлей отмечено и в Одесском уезде на землях по нижнему течению Буга, по Аджибейскому, Кучурганскому и Тилигульскому лиманам и на выгонной земле самой Одессы. В Херсонском уезде журавли встречались в низовьях Буга, по Бугскому и Днепровскому лиманам, по р. Висунь, по обоим берегам Ингульца, в низовьях Днепра и на землях по р. Конская. В Днепровском уезде журавли встречались во многих местах на землях, прилегавших к Днепру, Конской и их притокам, а также — по побережьям Черного моря и Сиваша. В этом уезде журавли были нередки и в местах, удаленных от рек и морских побережий [64].

В трудах зоологов, исследовавших фауну птиц степного Причерноморья в первой половине XIX в., имеются сведения о местах обитания журавля-красавки. Отмечалось, что этот журавль гнездится в малолюдных степных местах и что он водится во множестве около перекопских и козловских соляных озер [65] [Nordmann, 1840].

Не менее обычны были журавли и в степном Подонье. В своей книге «Уральское казачье войско» А. Рябинин [1866] указывает, что журавли водились повсеместно.

---

[64] ЦГАДА, ф. Экон. прим., Ольвиопольский у., д. 28; Одесский у., д. 2; Херсонский у., д. 36; Днепровский у., д. 1.

[65] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19062. Статистическое и топографическое описание Таврической губернии 1806 г

Из источников, относящихся к степному Предкавказью, известно, что оба вида журавлей — обыкновенный и красавка — были обычны в кубанских и ставропольских степях и также в степях по Тереку. Красавки водились по степным впадинам, и их было больше, чем обыкновенных журавлей [Равинский, 1809].

О распространении журавлей в правобережном степном Поволжье сведения бедны. В 60-х гг. XVIII в. журавли были включены в список птиц, встречавшихся в Царицынском уезде. В годы генерального межевания степного Поволжья (1798—1835 гг.) пребывание журавлей отмечено в некоторых дачах Сердобского уезда и правобережной стороны Камышинского уезда.

Значительно больше известно о распространении журавлей в Волго-Уральском междуречье.

В анкете 1761 г. об экономическом состоянии Оренбургской губернии об этих птицах сказано: «журавлей во всех степных местах довольно» [Восстание Ем. Пугачева, 1935]. Более подробно о распространении обыкновенного журавля сообщил Э. Эверсманн [1866]. По его словам, особенно много журавлей было в степях, прилегавших к предгорьям Южного Урала. В то время журавли часто посещали хлебные поля; больше всего любили овес. Когда стая журавлей опускалась на поле, уже через несколько часов нельзя было заметить, что там был хлеб: они съедали его и затаптывали. В степном Заволжье в годы генерального межевания (1798—1835 гг.) о пребывании журавлей сказано во многих описаниях земельных угодий от М. и Б. Иргизов на севере до широты Камыш-Самарских озер на юге. Кроме того, журавли в то время встречались по Ахтубинской долине, которая вклинивается в полупустыню. Здесь обитание журавлей отмечено почти на всех землях от слободы Рахинка до слободы Владимировка.

Замечательно, что в этой долине в то время был нередок *стерх* (Grus leucogeranus Pall.). Его присутствие отмечено в земельных дачах, принадлежавших селам Верхне- и Среднепогромное, Верхне- и Среднеахтубинское. В экономических примечаниях к генеральному межеванию о стерхах сказано, что они встречались «в займищах и при реках» [66]. О том, гнездились ли здесь стерхи или бывали только на пролете, в источнике не сказано (так же как и о всех других птицах). Лишь при описании казенной земли, простиравшейся по обеим берегам р. Царевка, по верхнему течению р. Солянка и по дороге из слободы Владимировка к оз. Эльтон, сказано, что на оз. Голое (Лишино) стерхи, журавли, бабы, бакланы и лебеди бывали «налетом» [67], т. е. время от времени. По словам Э. Эверсманна [1866], во время его зоологических исследований стерх в степном Волго-Уральском междуречье встречался только весной на пролете близ Волги и Южного Урала. В первой половине XIX в. пролет стерха наблюдался иногда и далеко к за-

[66] ЦГАДА, ф. Экон. прим., Царицынский у., д. 140.
[67] Там же, л. 28.

паду от Волги. Известно, что пролетавших стерхов наблюдали в Екатеринославской губернии [Nordmann, 1840].

Распространению и обилию куликов в источниках XVIII и первой половины XIX в. уделялось мало внимания. Исключение составляют немногие виды — и прежде всего *большой кроншнеп* (Numenius arquata L.). В экономических примечаниях к генеральному межеванию он нередко назывался большим или степным куликом. В конце XVIII в. большой кроншнеп встречался в степном Крыму [Габлиц, 1785]. В первой половине XIX в. он показан в числе обычных птиц, встречавшихся в Херсонском, Новомосковском, Днепровском и Мелитопольском уездах, во многих земельных дачах. О распространении кроншнепа в степном Подонье и правобережном Поволжье сведений мало. Следует все же заметить, что в Аткарском уезде в первой трети XIX в. кроншнеп был так же обычен, как стрепет. Таким же обычным он был и в Ахтубинской долине. (В экономических примечаниях к ее генеральному межеванию он назывался «кроньшнепом»). В степном Волго-Уральском междуречье кроншнеп был обычен в первой половине XIX в. [Эверсманн, 1866].

В то же время в степях Волго-Уральского междуречья была обычна *степная тиркушка (*Glareola nordmanni Nordm.). По наблюдениям Э. Эверсманна, тиркушка избегала степей с высокой густой травой и гнездилась на глинистых и солонцеватых местах с низкой травянистой растительностью. Эта птица была широко распространена в степной зоне и к западу от Волги, но о ее распространении там в XVIII и первой половине XIX в. известий очень мало.

Обычна в степях Волго-Уральского междуречья была в первой половине XIX в. и *кречетка* (Chettusia gregaria Pall.). Населяла она сухие низкотравные степи и избегала мест, поросших густой и высокой травой [Эверсманн, 1866].

В XVIII в. земледельческое освоение охватило значительную часть степной зоны Восточной Европы. В первой половине XIX в. степи распахивались еще больше. Все же во многих местах еще оставались и травянистые степи и заросли степных кустарников, и для некоторых птиц условия обитания стали даже более благоприятными, чем в то время, когда полей не было совсем или они занимали ничтожную долю степной территории. Там, где поля перемежались со степями и зарослями степных кустарников, некоторые птицы находили более разнообразную и обильную пищу, чем на сплошной целинной степи.

Одной из таких птиц была *серая куропатка* (Perdix perdix L.). В конце лета, осенью и в начале зимы она находила на полях более обильную пищу, чем в степи. Эти птицы встречались в степной зоне от ее северных пределов до южных. Однако подробных материалов об ее распространении и численности в различных областях степной зоны в источниках XVIII и первой половины XIX в. не найдено.

Крайне редок в степной зоне Восточной Европы, за исключением степного Предкавказья, был *фазан* (Phasianus colchicus L.). Сведений о его пребывании в степном Причерноморье не обнаружено.

В низовьях Дона фазан изредка встречался в 70-х гг. XVIII в., русские жители называли фазанов «мажарскими курами» [Güldenstädt, 1791]. Бывал ли фазан в правобережном степном Поволжье, точно не установлено. Доходили слухи, что в первой половине XIX в. у оз. Сарпа, на границе сухих полынных степей с полупустыней, встречался фазан. Однако при проверке этих слухов и посещении этой местности в 50-х гг. XIX в. фазан там не обнаружен [Artzibascheff, 1859].

О пребывании фазана в степном Волго-Уральском междуречье имеется лишь сообщение П. Палласа [1773] о том, что в окрестностях Татищевой крепости встречались фазаны. Сообщение это сомнительно. В годы зоологических исследований Эверсманна (вторая четверть XIX в.) фазан в междуречье встречался лишь к югу от 48 ° с. ш. Лишь в степном Предкавказье фазан был обычен в различных местах. В конце XVIII и начале XIX в. он встречался во множестве по всей Кавказской линии [Равинский, 1809]. В конце XVIII в. он был обычен в кустарниках, лесах и тростниках по Кубани, Куме, Тереку. В кубанских плавнях его ловили пружками. Там же его добывали и в середине XIX в. охотники-пластуны, а также и подростки, жившие в куренях и помогавшие отцам [Кухаренко, 1862].

Земледельческое освоение степной зоны на первых его порах было благоприятно для *тетерева* (Lyrurus tetrix). Во второй половине лета и осенью тетерева, обитавшие неподалеку от полей, вылетали туда кормиться зернами пшеницы, овса, гречихи. Однако основными местами обитания тетерева в степной зоне были леса и кустарники. Связь тетерева с ними особенно усиливалась зимой, и в это время года он держался главным образом там, где были приречные или байрачные леса, перелески и кустарники. В северной полосе степного Причерноморья тетерев был обычен во многих местах, на южной же окраине его, где леса и кустарников было очень мало, он встречался гораздо реже. По данным экономических примечаний 1832 г., тетерева, например, не было в большинстве дач Днепровского уезда и его пребывание отмечено в немногих местах (в дачах Збурьевского ретраншемента, сел Голая Пристань, Каховка, Западные Каиры, Рогачик, Водяное). В этих дачах были «дровяной лес», мелколесье и кустарники. В даче с. Голая Пристань были, например, мелкий лес из березы и осины и заросли терна, бузины и ив, в даче Збурьевского ретраншемента — дровяной лес из дуба, березы и осины и т. д.

В степном Подонье тетерев был также более обычен и многочислен на его северной окраине, где находились довольно крупные леса по берегам Дона, Медведицы, Хопра. Еще в начале XIX в. отдельные охотники добывали там в год по тысяче тетеревов и серых куропаток [Статистическое описание..., 1891]. Местами

тетерев был распространен почти до побережья Азовского моря. Крупные стаи тетерева наблюдались, например, поздней осенью в окрестностях Таганрога.

В степном Предкавказье тетерев встречался также главным образом там, где среди степей находились леса и терновники. В начале XIX в. пребывание тетерева отмечено в Ставропольском, Александровском, Георгиевском, Моздокском и Кизлярском уездах тогдашней Кавказской губернии [Равинский, 1809]. В середине того же столетия тетерев еще водился под Ставрополем и Георгиевском, в лесах по Куме и в окрестностях Грозного.

В правобережном степном Поволжье тетерев в первой трети XIX в. водился во многих местах Сердобского, Балашевского и Аткарского уездов и на нагорной стороне Камышинского. В Царицынском уезде он в то время встречался преимущественно к северу от Царицына, где еще оставались байрачные леса. Очень редко тетерева наблюдали и южнее, в окрестностях Сарепты.

В степном Волго-Уральском междуречье тетерева были обычны в северной полосе его и встречались в тех местах Бузулукского уезда, которые находились в степной зоне. В степном Заволжье наиболее южные места обитания тетерева находились в первой трети XIX в. на землях по М. и Б. Иргизам, где еще в то время были значительные леса. В те же приблизительно годы тетерев водился на землях, принадлежавших слободе Малый Узень [68]. На восточной окраине Волго-Уральского междуречья тетерев по долине Урала был распространен южнее степной зоны и встречался в пределах полупустыни, где не выходил, однако, за пределы приречных лесов и кустарников.

В степной зоне Восточной Европы встречались еще два вида тетеревиных (Tetraonidae) — *глухарь* (Tetrao urogallus L.) и *рябчик* (Tetrastes bonasia L.). Оба эти вида тесно связаны с лесом, и если и покидают его, то на короткое время для кормежки. Да и в лесу они живут не во всяком: пойменных осокоревых и ветловых лесов они избегают, не поселяются и в мелколесье.

Как глухарь, так и рябчик не совершают далеких перелетов через безлесные пространства.

Принимая во внимание эти обстоятельства, можно было бы предположить заранее, что оба эти вида могли встречаться в степной зоне в очень немногих местах. Так оно и было в действительности.

О распространении глухаря в степном Причерноморье и степном Приазовье известно лишь то, что сообщила сенату бахмутская провинциальная канцелярия. При перечислении птиц, водившихся в этой провинции, были названы «тетеревы большие или глухие» [69]. Точных указаний о том, в каких именно местах обитал глухарь, в этом сообщении не было. Вероятно, глухарь был распространен в то время по широколиственным лесам и борам, расположенным

[68] ЦГАДА, ф. Экон. прим., Саратовский у., д. 86.
[69] ЦГАДА, ф. 261, кн. 5560.

по Северскому Донцу от устья Оскола до устья Айдара, и в лесах, носивших название «Леонтьевы и Глухие буераки».

По крупным лесам в долине Хопра глухарь встречался еще в 70-х гг. XIX в. в окрестностях сел Сестренки и Пады [Богданов, 1879].

Далеко к югу глухарь был распространен и в степной полосе Приволжской возвышенности. В 30-х гг. XIX в. пребывание глухаря отмечено в лесу, принадлежавшем колонии Сосновка, и в лесу между земельными владениями с. Золотое и колонией Севастьяновка [Кириков, 1975].

В Предкавказье глухаря не было. Не обнаружено сведений и о пребывании глухаря в степном Волго-Уральском междуречье.

Мест, пригодных для обитания рябчика, в степной зоне было еще меньше, чем для глухаря. В снежное время года степные боры без примеси лиственных пород непригодны для рябчика: им здесь нечем питаться. Сосновой хвои они не едят, семена сосны большую часть зимы покрыты снегом и недоступны для рябчика. О том, где же все-таки был распространен рябчик, сведений очень мало. В правобережном Поволжье пребывание рябчика в начале XIX в. установлено лишь в лесах по нижнему течению Карамыша в окрестностях с. Голый Карамыш.

О том, водился ли рябчик в степном Причерноморье, Подонье и степном Волго-Уральском междуречье, сведений нет.

В степном же Предкавказье, как и на самом Кавказе, рябчика в историческое время не было.

В историческое время в степной зоне Восточной Европы не было нигде и *белой куропатки* (Lagopus lagopus L.). В этом проявилось отличие ее фауны птиц от фауны птиц степного Зауралья и степного Казахстана, где белая куропатка распространена до наших дней.

Сведения о распространении *хищных птиц* очень бедны. Наибольшее внимание уделялось орлам. В экономических примечаниях к генеральному межеванию их пребывание отмечено во многих дачах от Причерноморья на западе до Волго-Уральского междуречья на востоке. К сожалению, под сборным названием «орлы» подразумевались как степные орлы, так и могильники, а также беркуты, возможно, что в эту группу включались и подорлики. Лишь в экономических примечаниях к генеральному межеванию степного Волго-Уральского междуречья из группы орлов иногда выделялся особо *беркут* (Aquila chrysaetus L.). Объясняется это тем, что беркут ценился очень дорого как ловчая птица. По тарифу оренбургскому 1762 г. беркут «большой руки» оценивался в 5 руб., а беркут «средней руки» — в 3 руб. По этому же тарифу крупный бык оценивался в 4 руб., а средний по размерам — в 3 руб.

В первой трети XIX в. места пребывания беркута в степном Заволжье были известны в земельной даче д. Алексеевка, прилегавшей к Волге, в даче д. Маянги, расположенной по р. Маянга, и в даче с. Архангельское (по Кушуму). Беркут встречался также

в Ахтубинской долине на землях слобод Рахинка, Николаевская, Капустин Яр и сёл Водяное и Широкое.

Водоемы степной зоны с прилегавшими к ним тростниками и камышами изобиловали водоплавающей дичью. Больше всего сведений о распространении лебедей, гусей и уток содержится в экономических примечаниях к генеральному межеванию. Однако в этих источниках обычно не указывалось, к каким именно видам лебедей, уток или гусей относились сведения и гнездились ли там птицы или только бывали на пролете.

Лебеди. В экономических примечаниях к генеральному межеванию степного Причерноморья пребывание лебедей отмечено в следующих местах: в Одесском уезде — по Аджибейскому и Тилигульскому лиманам и по правобережью Буга; в Херсонском уезде — по нижнему течению Буга, по Ингульцу, в плавнях между Днепром и Конской, по правобережью Бугского и Днепровского лиманов, по лиманам Глубокому, Мелкому, Дедову и Глуховатому; в Днепровском уезде — по побережью Черного моря, по лиманам и по Сивашу.

В степном Подонье лебеди в первой трети XIX в. не только бывали на пролете, но оставались на все лето, главным образом на задонских озерах [Статистическое описание..., 1891].

О гнездовании лебедей в степном Предкавказье сообщил Равинский [1809], причем он указал, что гнездился *лебедь-шипун* (Cygnus olor Gmel.), *лебедь-кликун* (Cygnus cygnus L.) бывал лишь на пролете.

Лебедь-шипун гнездился и на южной окраине степного Волго-Уральского междуречья по Камыш-Самарским озерам [Равинский, 1809; Эверсманн, 1866].

Гуси. В экономических примечаниях к генеральному межеванию степного Причерноморья пребывание гусей отмечено в следующих местах: в Тираспольском уезде — в дачах, прилегавших к Днестру; в Одесском — в дачах, прилегавших к Аджибейскому и Тилегульскому лиманам, и по нижнему течению Буга; в Херсонском уезде — в дачах, прилегавших к Бугскому лиману, а также по нижнему течению Буга, Ингульцу, Днепру и Конской; в Днепровском уезде — в дачах по побережьям Днепровского лимана, Збурьевского залива, Сиваша и Утлюцкого лимана, в плавнях междуречья Днепра и Конской и по Днепру от г. Никополь до г. Каховка. Кроме того, гуси в этом уезде встречались по подам и болотам.

На гнездовье в этих уездах могли быть только *серые гуси* (Anser anser L.). С. Гмелин, путешествовавший по степному Подонью, был изумлен множеством гусей этого вида. Летом, в середине июля, они летали «тучами» и наносили большой урон полям, особенно тем, которые были засеяны овсом и горохом. Примерно 60 лет спустя вновь сообщалось, что гусей так много по задонским степям, что во время жатвы жители сгоняют их палками с полей [Статистическое описание..., 1891].

В источниках, относящихся к степному Волго-Уральскому междуречью, также отмечалось, что дикие гуси налетали на поля

и наносили посевам хлебов большой урон. При описании колонии на левобережной стороне Вольского уезда сообщалось, например, что, помимо засухи, «великий вред хлебу причиняют дикие гуси». При описании рек Б. и М. Узени, составленном в 1827 г., отмечалось, что «особливо гуси и утки находятся там в большом количестве» [70].

Утки. Их было во много раз больше, чем гусей. В 20-х гг. XIX в. в степном Подонье их было столько, что во время линьки один охотник за два дня мог наловить их целый воз. В это время линные утки были самой дешевой пищей для бедных [Статистическое описание..., 1891]. «Миллионами водятся дикие утки», сообщалось и в 50-х гг. XIX в. [Филонов, 1859].

Однако о том, где и какие именно виды уток водились в степной зоне, сведений очень мало. Лишь о некоторых из них имеются более подробные сведения.

К таким видам принадлежит *огарь* (Tatorna ferruginea Pall). О том, что он был распространен в XVIII в. по Бугу, сообщил А. Мейер [1794]. В экономических примечаниях к генеральному межеванию Ольвиопольского уезда упомянуто, что огарь встречался по Бугу и Громоклее. В экономических примечаниях к генеральному межеванию по Одесскому уезду пребывание огаря отмечено по р. Свиная. По данным этих же примечаний огарь встречался в Херсонском уезде в нескольких земельных дачах по обоим берегам Днепра и по правому берегу р. Конская [71]. По утверждению Нордманна огарь обитал во множестве по побережью Черного моря [Nordmann, 1840]. Взрослые огари вместе с выросшим и окрепшим потомством в середине лета во множестве прикочевывали на побережье Сиваша и причиняли значительный вред хлебам, особенно просу [Radde, 1854].

Значительно реже огарь обитал в более северных местах степной Украины. В конце XVIII—начале XIX в. его пребывание отмечено в земельных дачах по рекам Днепр, Бузавлук и Чертомлык в Екатеринославском уезде, Орел, Кильченя и Бузовка в Новомосковском уезде, Попельная и Бердия в Павлоградском уезде, Айдар и Белая в Старобельском уезде [72].

Источники, относящиеся к степному Подонью, правобережному Поволжью и Предкавказью, бедны сведениями о распространении и обилии огаря.

Об этом известно значительно больше по Волго-Уральскому степному междуречью. На его северной окраине огаря было мало, и он лишь изредка залетал в окрестности Оренбурга [Эверсманн, 1866]. В южной же полосе степного междуречья огарь был нередок. «Рудые утки, водящиеся в земляных норах», т. е. огари, были распространены в огромной казенной даче, носившей название

---

[70] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19130.
[71] ЦГАДА, ф. Экон. прим., Херсонский у., д. 36
[72] ЦГАДА, ф. Экон. прим., Екатеринославский у., д. 1; Новомосковский у., д. 23; Павлоградский у., д. 29; Старобельский у., д. 110.

«Уральская степь» [73]. Эта дача простиралась от Волги до М. Узеня, а с севера на юг — от Еруслана до широты оз. Эльтон. Наиболее обычны они были в Ахтубинской пойме. Здесь в конце XVIII и начале XIX в. «красные утки» встречались от слободы Рахинка на севере до слободы Владимировка [74].

О распространении *пеганки* (Tatorna tatorna L.) сведений мало. В конце XVIII в. она встречалась в Таврической области все лето около соленых озер и по приморским местам «в довольном множестве». «Больше живет на земле, чем на воде», — заметил о ней К. Габлиц [1785, с. 174]. Он же добавлял, что пеганка устраивала гнезда в земляных норах. В более позднем источнике указано, что пеганка жила только у соленой воды и особенно на Сиваше, где она и гнездилась [Radde, 1854].

О том, где водилась пеганка в степном Подонье, правобережном Поволжье и Предкавказье, в источниках XVIII и первой половины XIX в. сведений не найдено. По Уралу она изредка залетала до Оренбурга [Эверсманн, 1866].

Из других птиц, которые неразрывно связаны с водоемами, в источниках конца XVIII и начала XIX в. часто упоминались «бабы». Так назывались тогда *пеликаны — кудрявый* (P. crispus Bruch.) и *розовый* (Pelecanus onocrotalus L.). (Большинство сведений относится, по-видимому, к кудрявому пеликану.)

В экономических примечаниях к генеральному межеванию степного Причерноморья указывалось, что пеликаны в конце XVIII и начале XIX в. были наиболее обычны по лиманам Аджибейскому, Куяльницкому, Тилегульскому, Березанскому, Бугскому, Днепровскому, Утлюцкому, а также на Кинбурнской косе и о. Тендра. Обычны они были и по берегу Сиваша.

Вдали от морских побережий пребывание пеликанов отмечено по нижнему течению Буга, в плавнях между Днепром и Конской, по Днепру от г. Никополь до устья и по р. Самара (бассейн Днепра).

«Дикие бабы» включены в список птиц, водившихся в конце XVIII в. в земле Войска Донского [Географическое описание..., 1791], но где именно, об этом не сказано.

На северной окраине правобережного степного Поволжья пеликанов считали «куриозными» птицами. Поэтому Дмитриевская комендантская канцелярия [75], отвечая на запрос сената, сообщила в 1761 г., что в пределах территории, подведомственной этому комендантству, среди других отменных птиц водились «дикие бабы, величиною с лебедя, пером белые, носы широкие и длинные, под горлом глотка пространная» [76]. «Дикие бабы» водились в те же годы и в Царицынском комендантстве. На правобережье Камышинского и Царицынского уездов пеликаны были нередки в первой половине XIX в.

---

[73] ЦГАДА, ф. Экон. прим., Камышинский у., д. 52.
[74] ЦГАДА, ф. Экон. прим., Царицынский у., д. 140.
[75] Дмитриевская крепость впоследствии была переименована в г. Камышин.
[76] ЦГАДА, ф. 261 (правит. сенат), кн. 5560, л. 316.

Еще обычней пеликаны были в Заволжье, по долине Ахтубы. В конце XVIII—начале XIX в. они были распространены здесь от слободы Рахинка на севере до слободы Владимировка на юге. По-видимому, они здесь гнездились, так как там, где бывали лишь временно, в экономических примечаниях к генеральному межеванию сказано, что они бывали «налетом».

По р. Урал, там, где он протекает по степной зоне, пеликанов в середине XIX в. не было; сообщалось, что они были распространены к югу от станицы Калмыковская [Эверсманн, 1866].

Наряду с пеликанами обычно упоминались и бакланы, причем в архивных источниках XVIII и первой половины XIX в. под бакланами подразумевался *большой баклан* (Phalacrocorax carbo L.). Добыча его имела промысловое значение, так как пух его считался самым лучшим. (В середине XIX в. пуд бакланьего пуха оценивался в 25 руб. серебром [Черкасов, 1859].)

Во многих местах пребывание баклана отмечено там же, где и пеликана. В 1736—1740 гг. бакланы водились по обоим берегам Днепра и на островах [Мышецкий, 1852]. В конце XVIII и начале XIX в. их обычным местом обитания были плавни между Днепром и Конской, а также побережья лиманов Березанского и Днепровского. В те же годы баклана встречали по Днепру от Никополя до устья и по р. Самара.

Баклан имелся и в степном Подонье, но очень мало сведений о том, где именно он встречался. Известно все же, что он в конце XVIII в. был обычен в низовьях Дона; в те же годы и в начале XIX в. баклан встречался в верхнем течении р. Медведица у г. Петровск, а также в ее среднем течении, по ее притокам Терса и Бурлюк.

В правобережном степном Поволжье баклан был обычен во многих местах по Волге. В сентябре 1769 г. С. Гмелин наблюдал из Черноярска пролет бакланов, летевших вместе с пеликанами сотенными стаями.

В степном Заволжье баклан чаще всего встречался в долине Ахтубы от с. Рахинка до слободы Владимировка. То, что этих птиц было множество на Ахтубе до середины XIX в., подтвердил и Э. Эверсманн [1866]

О распространении *колпицы* (Platalea leucorodia L.) сохранились довольно отрывочные сведения. В 30-х гг. XVIII в. она встречалась на запорожских землях на обоих берегах Днепра и по днепровским островам. В плавнях между Днепром и Конской она была нередка и в начале XIX в.[77]

В степном Подонье в июле 1769 г. С. Гмелин наблюдал колпиц по пути из станицы Есауловской в Верхний Курман. В конце сентября того же года С. Гмелин наблюдал пролет колпиц на Волге между Царицыном и Черноярском; они летели стадами, отдельно от пеликанов и бакланов. В Волго-Уральском степном междуречье пребывание колпицы в первой трети XIX в. отмечено на тер-

[77] ЦГАДА, ф. Экон. прим., Херсонский у., д. 36.

ритории между Волгой и М. Узенем. В долине Ахтубы колпица встречалась в земельных дачах с. Рахинка и слобод Николаевка, Царевка и Капустин Яр. Дальше к востоку, в пределах Оренбургской провинции, колпица была распространена в 60-х гг. XVIII в. Оренбургская губернская канцелярия, перечисляя птиц, упомянула о колпицах, описывая их в следующих словах: «перьями белыя, носы пестрыя, плоския, длиною на четверть, на высоких и черных ногах» [78]. Однако где именно встречались эти птицы, в канцелярском донесении не сказано. Сто лет спустя Э. Эверсманн [1866] сообщил, что в Оренбургском крае колпица редко залетала севернее 47° с. ш. и гнездилась только в самой южной части этого края.

Скудны сведения и о распространении *каравайки* (Plegalus fancinellus L.). Одно из наиболее ранних русских описаний этой птицы содержится в донесении Оренбургской канцелярии, посланном в сенат в 1763 г.: «перьями черные, величиною против кваквы, носы тонкия черныя ж с покляпиной близ четверти (т. е. длиною в четверть. — *К.*), ноги черныя, вышиною вершков в шесть» [79]. В донесении, однако, не указывалось, где именно водилась эта птица в Оренбургской губернии.

Примерно 100 лет спустя Э. Эверсманн [1866] сообщал, что каравайка была распространена в Оренбургском крае до 50 ° с. ш. Наиболее обычным местом ее обитания были «болотистые места голых голодных степей» [с. 457].

В экономических примечаниях к генеральному межеванию долины Ахтубы указано, что каравайка встречалась во владениях слобод Рахинка, Николаевская, Царевка и Владимировка и сел Верхне- и Средне-Погромное, Верхне- и Средне-Ахтубинское.

Совсем мало сведений о распространении *фламинго* (Phenicopterus ruber L.]. В конце XVIII и первой трети XIX в. местами пребывания «красных гусей» были казенные земли, простиравшиеся от рек Короман и Еруслан на севере до оз. Эльтон на юге и от Волги на западе до М. и Б. Узеней на востоке [80]. В каких именно местах жила эта птица, не указано. Вероятно, местами пребывания ее были заболоченные низины, поросшие тростником и камышом и носившие название Пришиб, Могуты и Балыгты, и озера Горькое, Соленое Горькое и др. В других источниках сообщалось, что фламинго встречались на Б. и М. Узенях и что там же было множество уток и гусей. В 60-х гг. XIX в. сообщалось, что по озерам между Волгой и Уралом фламинго гнездились очень редко [Эверсманн, 1866].

---

[78] ЦГАДА, ф. 261, д. 5560, л. 349.
[79] Там же.
[80] ЦГАДА, ф. Экон. прим., Камышинский у., д. 52.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Автор ставил задачу показать основные последствия воздействия человека на природу степной зоны за все рассматриваемое время — с конца X до середины XIX в. С конца X до 70-х гг. XVIII в. население степной зоны состояло преимущественно из кочевых и полукочевых народов. Оседлых жителей было значительно меньше. Большинство их составляли украинцы и русские, из них в XVI в. сформировались запорожское, донское, терское и яицкое казачества.

В мирное время главным занятием кочевых и полукочевых народов, а также и большей части казачества было скотоводство. Земледелие же имело меньшее значение, и занимались им в немногих местах.

Вследствие этого доля пашни была крейне невелика, и травянистые степи с разбросанными среди них зарослями степных кустарников занимали не менее 90% всей площади степной зоны.

Воздействие кочевников и казаков на степи проявлялось главным образом в том, что они выпасали скот. В южной полосе степной зоны, где нередки были засухи, выпас скота мог бы легко превратить целинную степь в скотосбой, если бы ее жители не предпринимали широких сезонных перекочевок, перегоняя летом скот в более северные и менее засушливые черноземные степи. К тому же скот время от времени терпел большой урон он эпизоотий и джутов.

В этих степях пастьба домашнего скота и обитание диких копытных мешали разрастанию буйной травянистой растительности и образованию густой ветоши. Там, где домашних и диких копытных паслось немного, степи имели такой вид, какого уже не было в конце XIX и в XX в. О том, какими были ковыльно-разнотравные степи на запорожских землях незадолго до уничтожения Сечи, можно судить по рассказам старожилов, записанных Д. И. Эварницким.

Старый казак из с. Чернышевка (близ Никополя) рассказывал о прошлом, что травы «велики рослы». Это была «тырса... як глядеш, наче жито стоить. А що вже пырій, ковыла, мурава, ороша, курай, бурунчуки, то як увійдыш у них, так тилько небо та землю и видно... Оце подниметця у гору, та впять и впаде на землю, та так и лежить... Як запалыш було іи, так вона недели три, або й четыре горыть». В Гуляй-поле другой старый казак рассказывал: «А травы, так и казати ничого. За травою и земли не поба-

чиш: як рядно, або кожух поверх земли лежить... Тоди, бач, мало хто косив іи, так вона подниметця у гору та вспять назад и пада, тай лежить наче рядно. Выкохаетця було така, што человика й верхи на коню не видно. От яки травы були» [Эварницкий, 1888; с. 6—7 и 207]. Однако и там, где разрасталась такая буйная травянистая растительность, ее время от времени уничтожали палами. После них буйная травяная растительность обычно уступала место более стойким ковылям, типчаку и некоторым другим степным злакам, а ветошь сгорала.

Леса в степной зоне искони занимали незначительную часть ее территории. По сведениям, относящимся к середине XVIII в., кочевники все же довольно сильно использовали леса, когда перебирались на зимовку. Они рубили лес для обогревания своих переносных жилищ и для устройства оград вокруг ночевок скота во время буранов. Нередко, когда скот из-за вьюги и глубоких снегов не мог пастись в степи, кочевники рубили ветви деревьев или молодые деревья полностью для подкормки скота. Особенно пригодны были для этого вяз и карагач. Те, кто вел полукочевой образ жизни, возвращаясь с зимовки, вывозили в свои аулы бревна, жерди и другую древесину, годную для строительства. Сходным образом использовали леса и казаки, жившие в зимовниках.

В конце XVII и начале XVIII в. особенно сильному вырубанию подверглись леса в бассейнах Дона и Северского Донца, так как там при Петре I спешно строились корабли и струги для похода на Азов. В лесах этого бассейна на стыке XVII и XVIII вв. оставалось уже мало крупных деревьев, пригодных для строительства. При обследовании лесов в 1699—1700 гг. по Северскому Донцу, Хопру и Медведице большинство лесов оказались «дровосечными», т. е. пригодными лишь на дрова.

Вырубание лесов причиняло многим видам зверей и птиц большое беспокойство. К тому же в вырубаемых лесах нередко возникали пожары, и звери покидали свои исконные места обитания. Известно, например, что в конце XVII и в самом начале XVIII в. вырубили много леса в Коренной и Савальской вотчинах, «и от того де пожару лосиные стойла выгорели и всякие звери из лесов вышли и побежали» [Булавинское восстание..., 1935, с. 85].

Указывалось также, что пастьба домашнего скота нарушала спокойное обитание диких зверей. В той же выписке, где сказано о влиянии лесных пожаров, упомянуто, что казаки «скотину всякую в те леса, где бывает звериная ловля, пускают» [Там же, с. 75].

На водоемах и в угодьях, непосредственно к ним примыкавших (тростниковых и камышовых зарослях и т. д.), влияние человека если и ощущалось, то в очень малой степени.

Вследствие того, что основные угодья степной зоны, за исключением лесов в некоторых ее частях, сохраняли присущие им естественные свойства вплоть до 70-х гг. XVIII в., в них были распространены почти все виды зверей и птиц, которые свойственны этой зоне. Однако наиболее ценные животные стали уже

редки к концу XVIII в. Причиной этого было не столько изменение угодий, в которых они находили пищу и убежище, сколько все усиливавшееся истребление их человеком. Такими видами были, например, бобр, зубр, тарпан, лось.

В 70-х и 80-х гг. XVIII в. произошли события, резко повлиявшие на судьбы народов, населявших степную зону. Численность оседлого населения, состоявшего главным образом из русских и украинцев, быстро увеличивалась, а кочевого и полукочевого (ногайцы, калмыки, крымские татары) сильно сократилась.

Основным занятием оседлого населения в последней четверти XVIII и в первой половине XIX в. было как разведение скота, так и земледелие. Значительное место в хозяйстве степной зоны в эти годы стало занимать винокурение и кожевенное производство, а также продолжавшие действовать бахмутские и торские солеварни.

В соответствии с этими переменами в составе населения и его занятиях происходило и изменение угодий. К середине XIX в. земледелие в степной зоне приняло такие размеры, что значительная часть ее территории была занята пашнями (см. табл. 1—5). На полях, занятых хлебом, льном, коноплей и бахчевыми культурами, некоторые виды животных не могли существовать, и ареал их распространения сокращался по мере развития полеводства.

Пашни время от времени запускались и превращались в залежи. Залежи ранних стадий зарастали осотом и другими бурьянными растениями и резко отличались от целинных степей. Поэтому на таких залежах не могли существовать многие виды млекопитающих и птиц, свойственные целинным степям.

Сам облик целинных степей и присущие им свойства изменялись. Общее количество скота увеличилось. Некоторые помещичьи имения превратились в крупные многотысячные животноводческие хозяйства, и степи в ряде мест стали превращаться в скотосбой. Кроме того, степи стали выкашивать в гораздо большей мере, чем в прежние века.

Леса также подвергались более сильным изменениям. В связи с ростом оседлого населения и с развитием промышленности их стали вырубать в гораздо бóльших размерах, чем раньше.

Изменения в общей численности населения и в соотношении кочевых и оседлых жителей степной зоны, равно как и изменения в соотношении угодий степной зоны, отразились на распространении и численности многих видов животных более сильно, чем за все время с конца X до 70-х гг. XVIII в.

К середине XIX в. стали очень редкими или исчезли совсем из степной зоны особенно ценные для добычи виды, для которых все меньше оставалось угодий, где они могли бы найти убежище и пищу для себя и для потомства. Зубр, например, исчез к концу XVIII в., лось — к середине XIX в. Немногим дольше пережил лося тарпан. Почти полностью был истреблен бобр. К началу XIX в. не оставалось в степном Причерноморье и сайгака. В других же степных областях сайгак в некоторые годы был очень редок,

а в иные — вновь появлялся большими стадами из примыкавших к степям полупустынь, которые служили резервной областью распространения этих животных. В полупустынях из-за редкой плотности населения и лучших условий зимовки эти животные обитали постоянно.

К середине XIX в. стала заметна убыль численности байбака. К этому времени он стал крайне редок в степях от Дуная до Днепра, а также и на бóльшей части степной полосы между Днепром и Доном. Причиной этого было не только истребление его людьми, но и эпизоотии. Возможно, что эпизоотии погубили его и в Предкавказье. В степном правобережном Поволжье и на Волго-Уральском степном междуречье байбака местами было еще много.

Для некоторых же видов животных изменения, происходившие в естественных угодьях, оказались благоприятными. Ярким примером этого могут служить суслики (особенно малый суслик). Превращение целинных степей в скотосбой улучшало условия их существования, и они расплодились во множестве в разных местах степной зоны. Один из авторов XIX в. [Черкасов, 1859] заметил, что размножению сусликов способствовало то, что люди чрезмерно уничтожали их наиболее опасных врагов — степных хорьков.

Птицы, издавна добываемые людьми и водившиеся в степях и на водоемах, подвергались гораздо меньшему истреблению, чем промысловые звери. Поэтому и в этот период они водились во множестве. Журавлей, например, было так много в Волго-Уральском междуречье, что местами они уничтожали поспевавшие хлеба. То же самое проделывали и серые гуси в степном Подонье.

Очень интересны сведения о том, как отражался падеж скота от эпизоотий на распространении хищных птиц, питающихся падалью. В 1820—1850 гг. в степной полосе Оренбургского края, около р. Сакмара и ее притоков Б. Ик, Салмыш и некоторых других падеж скота бывал почти ежегодно. В эти годы сюда налетали в большом количестве белоголовые сипы (Gyps fulvus Hablizl). Налетали также и серые грифы (Aegypius monachus L.), но их было раз в десять меньше, чем белоголовых сипов. И те и другие появлялись в мае и держались до поздней осени [Эверсманн, 1866].

Рассматривая основные особенности степной зоны и влияние на нее человека с конца X до середины XIX в., следует взглянуть и на значительно более раннее историческое время.

Особенно пригодно для этой цели степное Причерноморье. Благодаря обилию памятников материальной культуры оно привлекло к себе большое внимание археологов, а события большого исторического значения запечатлены в письменных исторических источниках. Из них особенно широко известна «История», написанная Геродотом [1972].

Наиболее достоверные сведения, собранные Геродотом, касаются не всего степного Причерноморья, а южной его части, расположенной между нижними течениями рек Истр (Дунай) и Танаис (Дон). Южная граница этой территории проходила по

побережью Черного моря, степной равнинной части Крыма и северному побережью Азовского моря. Как далеко к северу было известно степное Причерноморье Геродоту, можно судить по степному Поднепровью: наиболее достоверные сведения о нем ограничиваются территорией, расположенной к югу от днепровских порогов.

Степное Причерноморье, заключенное в этих границах, Геродот называл страной скифов.

Описывая основные занятия жителей Скифии, Геродот указал, что земледелием занимались главным образом те скифские племена, которые были тесно связаны с греческой колонией Ольвия. Ближе всего к Ольвии жили скифы, которые сеяли хлеб и питались хлебом, чечевицей, просом, луком и чесноком. Севернее скифы-земледельцы сеяли хлеб не только для собственного употребления, но и на продажу. Эти племена жили по Бугу, к западу от Днепра.

К востоку от Днепра лишь небольшая часть Скифии была занята земледельцами. По словам Геродота, они жили к северу от южной окраины Гилеи (т. е. к северу от устья Днепра) и занимали территорию на три дневных перехода к востоку от Днепра, а к северу — за 11 дней плавания вверх по Днепру [Геродот, 1972, с. 192]. Посевы вдоль Днепра были превосходны, а там, где земля не была засеяна, расстилалась высокая трава [Геродот, 1972, с. 200]. Восточней приднепровских скифов-земледельцев жили скифы-кочевники. «Они ничего не сеют и не пашут», — сообщает о них Геродот [1972, с. 192]. Еще дальше к востоку жили царские скифы — самое многочисленное скифское племя.

В основном скифы были кочевниками-скотоводами. «У скифов нет ни городов, ни укреплений, и свои жилища они возят с собой. Все они конные лучники и промышляют не земледелием, а скотоводством; их жилища — в кибитках» [Геродот, 1972, с. 187 и 199]. Кибитки-фургоны были укреплены на повозках, которые везли две или три пары волов. Это же подтвердил и Гиппократ.

Основной пищей кочевых скифов были вареное мясо и молоко.

Вероятно, существенное значение в жизни скифов имела охота на диких зверей. Прямых сведений об этом в письменных источниках очень мало. Однако при раскопках древних поселений, находившихся на территории Скифии, были найдены костные остатки диких животных. Они принадлежали главным образом копытным и пушным зверям, добывавшимся на охоте.

Во II столетии до н. э. скифское государство пало, скифов сменили сорматы.

После падения Скифии и вплоть до середины XVIII в. н. э. в степном Причерноморье население состояло главным образом из сменявших друг друга кочевников. Основные занятия их и быт были очень сходными с занятиями и бытом скифов.

Племена, пришедшие на смену скифам, были типичными кочевниками-скотоводами. Аммиан Марцелин [1908] сообщал об этих племенах, что они не имели хижин и жили в кибитках-фургонах, крытых кожей или корою. Жили они на мясе и молоке и не заботились об употреблении лемеха, т. е. не пахали.

Он же писал и о гуннах-кочевниках, владевших степным Причерноморьем в 370—558 гг. н. э.

В мирное время основным занятием печенегов, населявших степное Причерноморье в X—XI вв. н. э., также было скотоводство. При этом печенеги продавали множество скота жителям Древнерусского государства.

Кочевниками-скотоводами были и половцы, жившие в степном Причерноморье в XI—XII вв. Около 400 лет после половцев степи между Днепром и Доном были населены ногайцами. Жан де Люк, путешествовавший там в начале XVII в., писал о ногайцах, что у них нет городов и они живут в кибитках-фургонах, которые ставят на повозки.

Наряду со скотоводством очень большое значение в жизни кочевников, населявших степное Причерноморье после скифов, имели военные набеги.

Как уже упоминалось, во времена Геродота лéса в Скифии, кроме Гилеи, не было. Основными угодьями в земле скифов были степь и пашня.

Так как в Скифии основная масса населения состояла из кочевников-скотоводов, а лес был почти исключительно в Гилее, то скифская территория была покрыта главным образом степями. «Так называемая скифская пустыня представляет собой равнину, изобилующую травой, но лишенную деревьев и умеренно орошенную», — писал о ней Гиппократ, живший в 460—377 гг. до н. э. Им же отмечено, что скифы-кочевники оставались на одном месте столько времени, сколько хватало травы для стад лошадей, овец и коров, а затем переходили в другой участок степи (приводится по Латышеву [1947, с. 296]). При таком способе использования степной растительности она не подвергалась пагубному скотосбою. Умеренный выпас был даже благоприятен для нее, так как препятствовал разрастанию бурьяна и образованию густого слоя из старой ветоши.

Помимо выпаса, скифы-кочевники воздействовали на степи тем, что выжигали траву. В особенно больших размерах это производилось в военное время. Известно, например, что скифы применяли тактику опустошенной земли, когда на них двинулась армия персидского царя Дария. Они угоняли скот, засыпали колодцы и ключи, выжигали траву.

Кочевники, жившие в южной полосе степного Причерноморья, начиная со скифов и кончая крымскими татарами и ногайцами, вели сходный образ жизни и относились к природе сходным образом. Их воздействие на растительный покров заключалось главным образом в умеренном выпасе скота и в выжигании травяной растительности, преимущественно в военное время. Соотношение площадей, занятых степями и лесом, не изменилось сколько-нибудь заметным образом со времени Геродота и до середины XVIII в. н. э. Все это время травянистые степи преобладали над другими угодьями.

У нас нет сведений, чтобы судить о том, как изменялись численность и видовой состав животных степного Причерноморья в целом. Все же мы располагаем материалами, которые дают возможность судить о том, как изменились состав и численность некоторых видов животных, которых особенно усердно преследовали и добывали кочевники.

В письменных источниках VI—I вв. до н. э. и первых десяти веков н. э. сохранилось очень мало сведений о том, каких именно животных добывали в то время жители степного Причерноморья.

Значительно больше таких сведений собрано при археологических раскопках. В некоторых городищах было найдено множество костей, но большинство их было такими мелкими и раздробленными, что определить вид животного было невозможно или очень затруднительно. При раскопках в Неаполе Скифском было собрано, например, 44 кости какого-то мелкого грызуна. И. В. Цалкин определил сначала, что эти кости принадлежали 15 особям обыкновенной слепушенки [Цалкин, 1954]. Спустя несколько лет он изменил свое мнение и признал, что эти же кости принадлежат лишь двум особям слепушенки [Цалкин, 1960].

Таблица 6

Дикие млекопитающие, кости которых найдены в раскопках городищ на территории геродотовой Гилеи, число особей

Вид	Городища *			
	Каменское, акрополь IV—I вв. до н. э.	Гавриловское, в 80 км южнее Никополя, II в. до н. э.—I в. н. э.	Бериславль, I—IV вв. н. э.	Любимовка Каховского района. Конец I тысячелетия до н. э.—начало I тысячелетия н. э.
Кабан	26	11	—	3
Благородный олень	31	13	3	7
Лось	4	—	—	—
Сайга	2	2	2	2
Кулан	—	—	—	1
Заяц-русак	4	—	3	—
Бобр	25	6	—	7
Слепыш	4	1	5	—
Водяная полевка	2	2	—	—
Волк	1	1	—	—
Лисица	3	1	—	1
Барсук	3	2	—	—
Степной хорь	—	1	—	—
Выдра	3	—	1	1
Лесная кошка	—	1	—	1

* По городищам Каменское и Гавриловское данные И. В. Цалкина [1960]; по Бериславлю и Любимовке — данные И. Г Пидопличко [1956].

Сопоставим прежде всего те остеологические материалы, которые были собраны при раскопках городищ в лесоплавневой полосе южного Приднепровья, т. е. в геродотовой Гилее и Скифии в степи и у моря. Городищами геродотовой Гилеи были Каменское и Гавриловское, Бериславль и Любимовка. Данные о том, к каким видам диких млекопитающих принадлежали собранные там кости, сведены в табл. 6. Просматривая таблицу, легко заметить, что большинство охотничье-промысловых животных, перечисленных в ней, водилось в самих плавнях (кабан, благородный олень, лось, бобр, волк, лисица, выдра, лесная кошка), а остальные могли быть добыты или в степях, примыкавших к плавням (сайга, кулан), или на песчаных кучугурах [1], находившихся внутри плавней (заяц-русак, слепыш, степной хорь, барсук).

Все эти животные, за исключением кулана, обитали в степном Поднепровье вплоть до начала XVIII в. Лишь кулан исчез отсюда задолго до этого. Лось же, сайга и бобр были истреблены или вытеснены из степного Причерноморья во второй половине XVIII или в XIX в., когда степные кочевники уже не владели этой территорией.

В табл. 7 сведены данные о диких млекопитающих, кости которых собраны на городищах в степях и у моря. Наиболее обширен список млекопитающих, кости которых были найдены при раскопках Ольвии. Однако некоторые из этих животных не принадлежали к местным видам. Таким был, например, и лев. Описывая поход персидского царя Ксеркса против греков, Геродот указал, что, когда персидское сухопутное войско проходило через Пеонию и Крестонию к р. Эхидор [2], на вьючных верблюдов напали львы. Далее Геродот отметил, что в этой местности водилось много львов и что границами их обитания служили на западе р. Ахелой, протекавшая через Акарнанию (область на западном побережье северной Греции), а на востоке — р. Нест, протекавшая по Фракии. «К востоку от Неста во всей передней части Европы не увидишь льва», — писал Геродот [1972, с. 345]. (Напомним, что в то время восточной границей Европы считался Дон.)

При раскопках Ольвии были найдены следующие остатки льва: зуб, коготная фаланга и нижняя челюсть молодого льва [Підоплічко, 1956]. И. Г Пидопличко предполагал [1956], что остатки льва, найденные при раскопках, могли быть завезены со шкурою этого зверя. В. И. Цалкиным [1960] было высказано другое мнение: лев мог быть завезен для цирковых представлений. Как бы то ни было, принимая во внимание утверждение Геродота о том, что восточней р. Нест льва в Европе не было, следует признать, что местных автохтонных львов в окрестностях Ольвии не было. Относительно костных остатков леопарда, найденных в Ольвии, В. И. Цалкин также высказал предположение

[1] Наиболее значительными были кучугуры, находившиеся близ Каменского городища.

[2] Пеония — область в северной Греции; Крестония — область во Фракии; р. Эхидор — приток р. Аксии (современный Вардар).

Таблица 7

Дикие млекопитающие, кости которых найдены в раскопках городищ на территории бывш. Скифии в степях и у моря, число особей

Вид	Городища *			
	Ольвия, слои VI—I вв. до н. э.	Ольвия, слои I—VI вв. н. э.	Петуховка Очаковского района, начало н. э.	Казырка Очаковского района, I—III вв. н. э.
Еж	—	1	—	—
Кабан	15	28	5	1
Благородный олень	31	57	—	1
Косуля	3	8	1	—
Лось	2	2	1	—
Северный олень	2	—	—	—
Тур	1	3	—	—
Зубр	1	1	—	—
Сайга	—	31	—	2
Кулан	1	31	—	—
Заяц-русак	34	26	7	—
Бобр	3	10	—	—
Слепыш	5	7	3	—
Суслик	2	1	—	—
Черная крыса	—	4	5	2
Желтогорлая мышь	—	—	1	—
Полевка обыкновенная	—	—	4	—
Волк	2	7	—	—
Лисица	10	16	4	1
Корсак	1	2	—	—
Медведь	2	—	—	—
Ласка	4	3	2	—
Степной хорь	—	1	—	—
Барсук	1	1	—	—
Выдра	1	2	—	—
Кошка дикая	1	2	—	—
Лев	1	—	—	—
Леопард	2	1	—	—
Дельфин обыкновенный	7	15	1	—
Афалина	1	1	—	—
Белобрюхий тюлень	—	1	—	

* Данные И. Г. Пидопличко [1956].

[1960], что этот зверь мог быть завезен сюда для цирковых представлений. Можно предположить и другое, а именно, что произошла ошибка в определении и что найденные при раскопках кости могли принадлежать не леопарду, а гепарду. Этого хищника крымская знать еще в XVI в. н. э. употребляла для охоты на копытных.

Нет оснований считать, что в окрестностях Ольвии водились северные олени. Обломок рога этого животного, найденный в Ольвии, мог быть завезен издалека, так как жители Ольвии имели широкие торговые связи, распространявшиеся далеко на север от Ольвии [Цалкин, 1960]. Рога и кости копытных употреблялись в то время для разных поделок.

Остальные же млекопитающие, кости которых найдены в Ольвии и других городищах, несомненно, принадлежали к местным видам. Из них раньше всех исчезли из южной полосы степного Причерноморья тур и кулан. В письменных источниках, относящихся к XVI—XVIII вв. н. э., об этих видах не упоминается.

Значительно дольше просуществовали здесь медведь и зубр. Напомню, что о степных медведях упоминал Броневский [Broniovii, 1630], а о зубрах — Кантемир, сочинение которого было написано в 1718 г. И еще дольше оставались в степном Причерноморье сайга и тарпан (см. гл. V). Эти виды были окончательно истреблены в степном Причерноморье в XIX в. или вытеснены отсюда, когда этой территорией владели уже не кочевники-скотоводы, а оседлые народы, земледельцы по преимуществу, и численность населения увеличилась в несколько раз по сравнению с XVIII в.

ЛИТЕРАТУРА

Авксентьев А. Очерк с.-х. промышленности Новороссийского края Екатеринославской губ. — Журн. сел. хоз-ва и овцеводства, 1849, № 12.

Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные А. А. Лишиным. Новочеркасск. Т. 1, 1891; Новочеркасск. Т. 2, 1894.

Акты юго-западной России. I. СПб., 1863.

Алфераки С. К фауне позвоночных восточного Приазовья. — Семья охотника, 1910, № 4.

Андреевский. Замечания о лесоводстве и о необходимости разведения лесов в южных губерниях России. — Лесн. журн., 1834, ч. 3, кн. 1.

Арсеньев Ю. В. Описание Москвы и Московского государства по неизданному списку космографии конца XVII в. — Зап. Моск. археол. ин-та, 1911, т. XI.

Артамонов М. И. Население Скифии, его хозяйство, быт, обычаи и верования. — В кн.: Очерки истории СССР: Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М., 1956.

Артамонов М. И. Саркел—Белая Вежа. — Тр. Волго-Донской археол. экспедиции. М.; Л., 1958.

Асколи де Э. Описание Черного моря и Татарии 1634. — Зап. Одес. о-ва истории и древностей, 1902, т. 24.

Астраханский сборник, издаваемый Петровским обществом исследователей Астраханского края. Астрахань, 1896. Вып. 1.

Атлас Российской империи, содержащий в себе 51 губернию, 4 области, Царство Польское и княжество Финляндское. СПб., 1838.

Багрянородный Константин. О народах. М., 1899.

Барбаро И. Путешествие в Тану. — В кн.: Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836, т. 1.

Безносиков. Самарская губерния. — Воен.-стат. обозрение Рос. империи. СПб., 1852, т. 5, ч. 3.

Богданов М. Птицы Кавказа. — Тр. О-ва естествоиспытателей при Казан. ун-те, 1879, т. VIII, вып. 4.

Боплан Г Описание Украины от пределов Московии до границ Трансильвании. — В кн.: Ляскоронский И. Г. Гильом Левассер де-Боплан и его историко-географические труды относительно миссий России. Киев, 1901.

Броневский С. Б. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные Семеном Броневским. М., 1823. Ч. 1.

Булавинское восстание (1707—1708). — Тр. Ист.-геогр. ин-та АН СССР, 1935, т. 12.

Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 г. СПб., 1869. Ч. I, II.

Вершинин Л. Сведения о пространстве лесов Войска Донского. — Журн. М-ва гос. имуществ, 1861, март.

Витевский В. Н. Яицкое войско до появления Пугачева. — Рус. арх., 1879.

Воссоединение Украины с Россией. М., 1954. Т. I—III.

Восстание Ем. Пугачева: Сб. док. Л.: Соцэкгиз, 1935.

Габлиц К. Физическое описание Таврической области по ее местоположению и по всем трем царствам природы. СПб., 1785.

Географическое описание обитаемой земли Войском Донским. — Древняя российская вивлиофика, 1791, ч. 19.

Гмелин С. Г Путешествие по России для исследования трех царств естества. СПб., 1771. Ч. 1, 2.

Геродот. История в девяти книгах. Л.: Наука, 1972.

Голубовский П. Печенеги, тюрки и половцы: История южнорусских степей, IX—XIII вв. Киев, 1884.
Граков В. Н. Скифы. М., 1971.
Грушевський М. Історія України — Руси. Київ; Львів, 1905. Т. II.
Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию. Английские путешественники в XVI в. М., 1937.
Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. М.: Наука, 1975.
Донские дела. СПб., 1906. Кн. 2.
Дополнения к Актам историческим. XII. СПб., 1872.
Дружинина Е. И. Кучук-Кайнарджийский мир. М., 1955.
Дружинина Е. И. Северное Причерноморье, 1775—1800 гг. М., 1959.
Железнов И. И. Уральцы: Очерки быта уральских казаков. СПб., 1888. Т. 1, 2.
Журнал путешествия по земле донских казаков к Кавказу и в Астрахань (*Г. С.*). — Северный арх., 1824, ч. 12.
Зарудный Н. А. Заметки по фауне млекопитающих Оренбургского края. — Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи. Отд. зоол., 1897, вып. 3.
Ибн-Батута. Из описания путешествий. — В кн.: Тизенгаузен В.: Сб. материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884, т. 1.
Иванов Д. Л. Влияние русской колонизации на природу Ставропольского края. — Изв. Рус. геогр. о-ва, 1886, т. 22, вып. 3.
Измайлов В. В. Путешествие в полуденную Россию. М., 1802. Ч. 1, 2.
Ипатьевская летопись. — Полное собрание русских летописей, 2-е изд. СПб., 1908, т. 2.
Историческое описание земли Войска Донского, Новочеркасск, 1892. Ч. 2.
Историческое описание земли Войска Донского, 2-е изд. Новочеркасск, 1903.
Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. М., 1957. Вып. 1.
Кабузан И. М. Крестьянская колонизация северного Причерноморья (Новороссии) в XVIII—первой половине XIX в. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1964 г. Кишинев, 1966.
Карелин Г. С. Разбор статьи А. Рябинина «Естественные произведения земель Уральского казачьего войска». — Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. СПб., 1875, т. 6.
Карпини П. История монголов. СПб., 1911, с. 48.
Карпов А. А. Яицкое войско. Уральск, 1911. Ч. 1.
Кеппен Ф. Заметки при поездке по Таврической губернии. — Журн. М-ва гос. имуществ, 1865, ч. 88.
Кириков С. В. Изменения животного мира в природных зонах СССР. Ч. 1. Степная зона и лесостепь. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
Кириков С. В. Промысловые животные, природная среда и человек. М.: Наука, 1966.
Кириков С. В. Тетеревиные птицы. М.: Наука, 1975. (Сер. Промысловые животные СССР и среда их обитания).
Кириллов А. Войсковой атаман Войска Донского граф М. И. Платов и его административная деятельность. — Сб. областного комитета, 1913, вып. 11.
Кириллов И. Цветущее состояние Всероссийского государства, 1831.
Кирьянов М. Историко-статистическое обозрение Херсонской губернии. СПб., 1839.
Книга, глаголемая Большой Чертеж. М., 1846.
Кобяков С. Г. Заселение Дона в XVI—XVII вв. — Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та, 1955, т. 10, вып. 3.
Корж Н. Л. Устное повествование бывшего запорожца Никиты Леонтьевича Коржа. Одесса, 1842.
Короленко П. П. Первоначальное заселение черноморскими казаками Кубанской земли. — Изв. О-ва любителей изучения Кубанской области, 1899, вып. 1.
Корнилов И. П. Заметки об Астраханской губ. — Вест. Рус. геогр. о-ва, 1859, ч. 27, № 9.
Костомаров Н. Богдан Хмельницкий, СПб., 1884. Т. I.

Котельников Е. Историческое сведение о Курмоярской станице 1818 г. Новочеркасск, 1886.
Краснов Н. Земли Войска Донского: Материалы для географии и статистики России. СПб., 1863.
Краснов Г. Ставрополь на Кавказе. Ставрополь, 1957
Крекшин П. Записки русских людей: События времен Петра Великого. СПб., 1841.
Курбский. Сказания князя Курбского. 3-е изд. СПб., 1868.
Кухаренко Я. Г Вівці и чабаны в Чорноморьі. — Основа, 1862, май.
Кухаренко Я. Г. Пластуны. — Основа, 1862, февраль.
Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963.
Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. — Вестн. древней истории, 1947, № 2.
Левшин А. Статистическое обозрение уральских казаков. — Северный арх., 1823, № 14, июль.
Лепехин И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768—1769 гг. СПб., 1771. Ч. I.
Лепехин И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, СПб., 1795. Ч. 1.
Либеров П. Д. К истории скотоводства и охоты на территории северного Причерноморья в эпоху раннего железа (IX в. до н. э.—V в. н. э.). — МИА СССР 1960, № 53.
Люк де Ж. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин. — Зап. Одес. о-ва истории и древностей, 1879.
Марцеллин Аммиан. История, Киев, Вып. 2, 1907; Вып. 3, 1908.
Материалы для истории южнорусского края в XVIII столетии, извлеченные из старых дел Киевской губ. архива А. А. Андреевским. Одесса, 1886.
Материалы к истории Войска Донского, 1914. Вып. 12.
Мейер А. Повествование, землемерное и естествословное описание Очаковские земли. СПб., 1794.
Меховский М. Трактат о двух Сарматиях, М.; Л., 1936.
Монголо-ойратские законы 1640 г. СПб., 1880.
Мышецкий. История о казаках запорожских. Одесса, 1852.
Новосельский А. А. Земский собор 1639. — Ист. зап., 1947, т. 24, с. 17.
Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948.
Новосельский А. А. Сельское хозяйство: Очерки истории СССР, XVII в. М., 1955.
Описание Саратовского наместничества. — В кн.: Собр. соч., выбранных из меся цесловов на разные годы. СПб., 1790, ч. 6.
Отечественные записки. Смесь, 1850, № 12.
Очерки истории СССР. Конец XV—начало XVI в. М., 1955.
Павлов А. О ногайцах, кочующих по Кизлярской степи. СПб., 1845.
Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. СПб., 1773. Ч. 1.
Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. — Сб. Рус. ист. о-ва, 1884, т. 1, 2.
Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI вв. М., 1877.
Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII в. Одесса, 1882.
Пидопличко И. Г. О ледниковом периоде. Киев, 1951. Вып. 2.
Підопліčко И. Г. Материалы до вивчення минулих фаун УРСР. Київ, 1956. Вып. 2.
Плохинский М. Материалы для истории внутренней жизни левобережной Украины. I. Бобровники. II. Стрельцы. Харьков, 1891.
Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 1—7.
Попко И. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858.
Попко И. Терские казаки с стародавних времен: Ист. очерк. СПб., 1880. Вып. 1.
Попов Н. В. Татищев и его время. М., 1861.
Преображенский П. С. Из истории русско-калмыцких отношений. — Зап. Калмык. НИИ яз., лит. и истории, 1960, вып. 1.

Продолжение Древней российской вивлиофики. СПб. Ч. 9. 1793; СПб. Ч. 10. 1795.
Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII в. Ростов н/Д, 1961.
Пшичевич А. Примечания Александра Пшичевича на Новороссийский край. — Киевская старина, 1884, т. VI.
Равинский. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию. СПб., 1809.
Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Баку, 1957, т. III.
Ребров А. Ф. Перекочевье антилоп, диких коз и лошадей в кумские камыши. — Журн. сел. хоз-ва и овцеводства, 1849, № 1.
Ребров А. Ф. О зиме в степях Ставропольской губернии. — Журн. сел. хоз-ва и овцеводства, 1850а, № 3.
Ребров А. Ф. Сведения о слободе Владимирской. — Журн. сел. хоз-ва и овцеводства, 1850б, № 8.
Ревякин П. Сближения и следы. Тарпаны. — Основа, 1862, январь.
Романо де. Черкасск и войско Донское в 1802 г по описанию де-Романо. Новочеркасск, 1896.
Роспись, что по осмотру стряпчего Ивана Коломнина и ратных людей около р. Самары и т. д. — Летопись занятий Археол. комис., 1862, вып. 1.
Рубрук В. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911.
Рыбушкин М. Записки об Астрахани. М., 1841.
Рябинин А. Уральское казачье войско. — В кн.: Материалы для географии и статистики России. СПб., 1866, т. 22.
Савельев А. Трехсотлетие Войска Донского, 1570—1870. СПб., 1870.
Сафаргалиев М. Г Ногайская орда во второй половине XVI в. — Сб. науч. работ Мордов. пед. ин-та, Саранск, 1949.
Сборник военно-исторических материалов, 1904. Вып. XV.
Сборник летописей, относящихся к истории южной и западной Руси. Киев, 1888.
Сборник материалов по истории Кубанского казачьего войска. Т. 4. 1795—1799. СПб., 1898.
Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. II.
Сельская летопись, составленная из наблюдений, могущих служить к определению климата России в 1851 г. СПб., 1854, № 7.
Силантьев А. А. Фауна Падов, имения В. Л. Нарышкина Балашевского уезда Саратовской губернии. СПб., 1894.
Скальковский А. О ногайских татарах, живущих в Таврической губернии. — Журн. М-ва нар. просвещения, 1843, ч. X, № 10.
Скальковский А. История Новой Сечи или последнего коша Запорожского. Одесса, 1846.
Скальковский А. История Новой Сечи или последнего коша Запорожского. 3-е изд. Одесса, 1886. Ч. 3.
Собрание узаконений Русского государства, СПб., 1874. Т. 1.
Совершенный егерь, или знание о всех принадлежностях и прочей полевой охоте с приложением полного описания о свойстве, виде и размножении всех обитающих в Российской империи... зверей и птиц./ Пер. с нем. В. Левшина. СПб., 1779.
Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 3—7, М., 1960; Т. 8—14, 1961; Т. 15—18, 1963.
Статейный список... посланников — стольника и полковника и наместника переяславского Василья Михайлова, сына Тяпкина, дьяка Никиты Зотова... Писал в Цареве-Борисове городке в 1681 г. — Зап. Одес. о-ва истории и древностей, отд. II—III, 1850, т. 2.
Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822—1832 годах, 1891.
Струков Д. О лесах Новороссийского края и Бессарабии. — Журн. М-ва гос. имуществ, 1853, ч. 46.
Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. М., 1800.
Сумароков П. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. СПб., 1805. Ч. 2.

Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. СПб., 1784. Ч. 4.
Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1.
Топографическое описание доставшимся по мирному трактату от Оттоманской Порты во владение Российской империи землям 1774 г. — Зап. Одес. о-ва истории и древностей, 1868, т. 7.
Тхоржевский С. Донское войско в первой четверти XVII в. — В кн.: Русское прошлое. Пг.; М., 1923.
Фальк И. Записки путешествия акад. Фалька. — В кн.: Полное собрание ученых путешествий. СПб., 1824, т. 6.
Филонов А. Г Очерки Дона. СПб., 1859.
Харизоменов С. А. Материалы по истории заселения Саратовской губернии. Балашевский уезд. — Тр. Сарат. учен. арх. комис., 1888, т. 1, вып. 3.
Хартахай Ф. Историческая судьба крымских татар. — Вестн. Европы, 1867, т. 2.
Цалкин В. И. Домашние и дикие животные из Скифского Неаполя. — Сов. археология, 1954, т. XX.
Цалкин В. И. Домашние и дикие животные северного Причерноморья в эпоху раннего железа. — МИА СССР, 1960, № 59.
Черкасов П. Статистическое и хозяйственное описание Астраханской губернии. — Журн. М-ва гос. имуществ, 1859, ч. 71.
Чернявский В. Описание Запорожской Сечи. Сочинено 1766 г. Одесса, 1852.
Шереф-ад-дин-Йезди. Из «Книги побед». — В кн.: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941, т. 2.
Шмидт А. Херсонская губерния. Ч. 2. — Материалы для географии и статистики России, 1863, т. 24.
Шелкунов С. Войско Донское при атамане Алексее Ивановиче Иловайском. — Сб. Областного Войска Донского статистического комитета, 1911, вып. X.
Щербина Ф. Земельная община кубанских казаков. Воронеж, 1889.
Щербина Ф. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910.
Эварницкий Д. И. Запорожье в остатках старины и преданиях народа. СПб., 1888.
Эварницкий Д. И. Вольности запорожских казаков. СПб., 1890.
Эверсманн Э. Естественная история Оренбургского края. Казань, 1850. Ч. 2.
Эверсманн Э. Естественная история Оренбургского края. Казань, 1866. Ч. 3.
Яковлев В. Е. Материалы для естественной истории Саратовского края. — Сарат губ. ведомости, 1860, № 2 (часть неофиц.).
Яковлев В. Очерки степного Приволжья. — Натуралист, 1866, № 9.
Якубовский А. Ю. Ч. 1. Образование и развитие Золотой Орды. Ч. 3. Падение Золотой Орды. — В кн.: Григорьев Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.
Adlerfeld. Histoire militaire de Charles XII. Tome quatriéme. Amsterdam, 1740.
Artzibascheff N. Excursions et observations ornithologiques sur les bords de la Sarpa en 1858. — Bull. de la Société Imp. des Naturalistes de Moscou, 1859, t. 32, N. 3.
Beauplan G. Description d'Ukranie. Rouean, 1660.
Broniovii Martin. Russia seu Moscovia itemque Tartaria. Commentario topographico atque politico. Ex officina El Zeveriana, 1630.
Cantemiru D. Descriptio Moldaviae. Bucureşci, 1872.
Clarke N. D. Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. Pt I. Russia, Tartary and Turkey. Cambridge, 1810.
Falk J.-P. Beiträge zur Topographischen Kenntniss des Russischen Reiches. Dritter Bd. SPb, 1786.
Georgi J. G. Geographische-physikalische und naturhistorische Beschreibung des Russischen Reiches. Des dritten Theils sechster Bd. Königsberg, 1800.
Gmelin S. G. Reise durch Russland. T. 4. SPb, 1784.
Gordon P. Tagebuch des Generals Patrick Gordon. SPb., 1852.
Güldenstädt J.-A. Reisen durch Russland und im kaukasischen Gebierge. SPb, 1787. T. 1; 1791. T. 2.

Junker G. Von den natürlischen Beschaffenheit der Gegenden zwischen den Flüssen Don und Dniepr. — In: Sammlung Russischer Geschichte. SPb, 1764. Bd. 9.
Kaleniczenko M. Joan. Series animalium a defuncto professore Joan Krynski, in itenere annis 1836—1838, ad Caucasum et Tauridem succepto... — Bull. de la Société imp. des Naturalistes de Moscou. 1839, N 2.
Meyendorf G. Voyage d'Orenbourg à Boukhara, fait en 1820. Paris, 1826.
Nordmann A. Observations sur la Faune Pontique. — In: Voyage dans la Russie méridionale et la Crimée par La Hongrie, la Valachie et la Moldavie exécuté en 1837 par A. de Demidoff. Vol. 3. Paris, 1840.
Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthelterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1794. Leipzig, 1799. Bd. 1; 1801. Bd. 2.
Radde G. Beiträge zur Ornithologie Süd-Russlands. — Bull. de la Société imp. des Naturalistes de Moscou, 1854, N 3.
Rzaczyński G. Auctuarium Historiae naturalis curiosa Regni Poloniae, Magni ducatus Lituaniae, annexarumque provinciarum par G. Rzaczyński. Gedani, 1745.
Vernadsky G. Ancient Russia. New Haven: Yale Univ. press, 1959a.
Vernadsky G. Kievan Russia. New Haven: Yale Univ. press, 1959b.
Vernadsky G. The Tsardom of Moscow 1547—1682. Vol. 5, Pt 1, 2. New Haven; London: Yale Univ. press, 1969.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ
3

Глава первая
КОНЕЦ X—XV в.
6

Глава вторая
XVI в.
12

Население и его занятия
12

Основные угодья
18

Распространение и численность зверей и птиц
19

Глава третья
XVII в.
21

Степное Причерноморье
21

Степное Подонье
27

Степное Предкавказье
34

Степное правобережное Поволжье
и Волго-Уральское междуречье
35

Глава четвертая

XVIII в. И ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.

38

Степное Причерноморье

38

Степное Подонье

50

Степное Предкавказье

56

Правобережное степное Поволжье

62

Степное Волго-Уральское междуречье

65

Распространение и численность зверей и птиц

72

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

108

ЛИТЕРАТУРА

118

Сергей Васильевич Кириков

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА СТЕПНОЙ ЗОНЫ

конец X—середина XIX в.

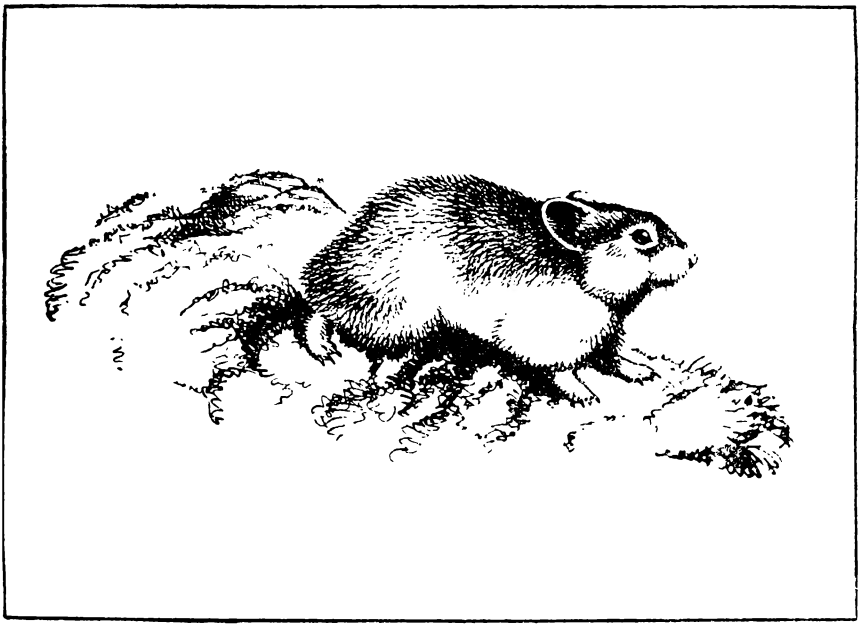
Утверждено к печати
Научным советом по проблемам биосферы
Институтом географии АН СССР

Редактор издательства Б. С. Шохет
Художник С. Б. Генкина
Художественный редактор М. В. Версоцкая
Технические редакторы Н. А. Типикина, Т. С. Жарикова
Корректор Ю. Л. Косорыгин

ИБ № 27172

Сдано в набор 11.03.83.
Подписано к печати 22.07.83.
Т-16408. Формат 60 × 90$^{1}/_{16}$.
Бумага картографическая.
Гарнитура литературная.
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 8,0. Уч.-изд. л. 9,3. Усл. кр.-отт. 8,25.
Тираж 2350 экз. Тип. зак. 216.
Цена 95 коп.

Издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

95 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА